

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 5 (102) / 2019

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. Г. Задворная,
Т. П. Карпилович, Г. Ф. Лепесская, Ю. В. Овсейчик,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Жигалко Е. В.</i> Высказывания с инвертированной оценкой в конфликтном диалоге.....	7
<i>Лебедев Р. В.</i> Структурно-семантические особенности развернутого вербального хезитатива в диалогах на русском и испанском языках.....	14
<i>Соловей А. А.</i> Логико-семантические и прагматические характеристики лингвистической достоверности (на материале белорусских и английских научных рецензий).....	21
<i>Сытько А. В.</i> Специфика перволичных деонтических конструкций с речевыми глаголами (на материале немецкого и русского языков).....	28
<i>Цівунчык І. К.</i> Беларуска-французскія фразеалагічныя эквіваленты са значэннем фізічнага стану чалавека	38
<i>Чайка Н. У.</i> Звышфразавыя тыпы няпоўных канструкцый у беларускай і кітайскай мовах	44

Романское и германское языкознание

<i>Ахраменко Л. С.</i> Модальность как ключевой фактор реализации прагматической установки в научном дискурсе	52
<i>Будникова Е. И.</i> О монопризнаковости и полипризнаковости лексического значения.....	58
<i>Ключенович С. С.</i> Тексторганизирующий потенциал эллипсиса в экономическом и юридическом дискурсах.....	67
<i>Кирикова А.В., Кохнович Т. К.</i> Способы реализации положительной и отрицательной оценки в речи студентов, изучающих немецкий язык	73
<i>Симакова М. Г., Мороз К. И.</i> Структурно-семантическая организация немецких текстов малой эпической формы.....	80
<i>Тупик Д. И.</i> Системная и контекстуальная динамика лексико-семантического поля «Информационные технологии» (на материале французского языка)	86

<i>Яскевич В. В.</i> Особенности фонологического слуха у носителей и неносителей языка.....	92
---	----

Исследования славянских языков

<i>Губкина В. В., Маяк Е. П.</i> Структурно и прагматические характеристики гиперболы и литотеса в блог-коммуникации	98
<i>Кахновіч Н. А.</i> Семантыка і сінтагматыка лексем <i>честь, почтливость, учтивость</i> у старабеларускай мове на фоне польскай мовы XVI ст.	105
<i>Тригук М. О.</i> Особенности приемов перевода метафоры С. Есенина (на материале стихотворений поэта и переводов Р. Бородулина).....	111
<i>Хомцова Е. В.</i> Модели когнитивной транспозиции на базе области-источника «Предмет быта»	118

Литературоведение

<i>Ламеко Н. В.</i> Сенсорная образность в романе Джеймса Джойса «Портрет художника в юности».....	125
<i>Наши авторы</i>	131

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Jigalko E. V.</i> Utterances with Inverted Evaluation in Conflict Dialogues	7
<i>Lebedevich R. V.</i> Structural and Semantic Features of the Extended Verbal Hesitative in Dialogues in Russian and Spanish	14
<i>Solovey A. A.</i> Logical-Semantic and Pragmatic Characteristics of Linguistic Credibility (based on Belarusian and English Scientific Reviews)	21
<i>Sytko A. W.</i> Specificity of Deontic Structures in the First Person in Combination with Speech Verbs (based on German and Russian Languages)	28
<i>Tsivunchyk I. K.</i> The Belarussian-French Phraseological Equivalents with the Meaning of a Person's Physical State	38
<i>Chaika N. V.</i> Superphrasal Types of Incomplete Structures in Belarusian and Chinese	44

Romance and Germanic Linguistics

<i>Akhramenko L. S.</i> Modality as the Key Factor in the Realization of Pragmatic Attitude in the Scientific Discourse	52
<i>Budnikova A. I.</i> On Single-Featured and Multi-Featured Lexical Meanings	58
<i>Klyuchenovich S. S.</i> Text Organizing Potential of Ellipsis in Economic and Law Discourses	67
<i>Kirikova A., Kokhnovich T. K.</i> Means of Realization of Positive and Negative Speech Actions in the Language of Students who Learn German ...	73
<i>Simakova M. G., Moroz K. I.</i> Structural-semantic Organisation of German Texts of a Small Epic Form	80
<i>Toupik D. I.</i> Systemic and Contextual Dynamics of the Semantic Field «Information Technology» (on the Material of the French Language)	86
<i>Yaskevich V. V.</i> Features of Phonological Hearing in Native and Non-Native Speakers	92

Slavonic Languages

<i>Hubkina V. V., Mauic E. P.</i> Structural and Pragmatic Characteristics of Hyperbole and Litotes in Blog-Communication.....	98
<i>Kakhnovich N. A.</i> Semantics and syntagmatics of the lexemes <i>češć, učivašć, pačcivašć</i> in the Old Belorussian language against the background of the Polish language of the 16th century.....	105
<i>Triguk M. O.</i> The Peculiarities of the Translation Techniques of S. Esenin's Metaphor (Based on the Poems and Their Translations by R. Baradulin).....	111
<i>Khomtsova E. V.</i> Cognitive Transposition Models Based on the Source Domain "Household Item"	118

Studies in Literature

<i>Lameka N. U.</i> Sensory Imagery in <i>A Portrait of the Artist as a Young Man</i> by James Joyce.....	125
<i>Our authors</i>	131

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. В. Жигалко

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ИНВЕРТИРОВАННОЙ ОЦЕНКОЙ
В КОНФЛИКТНОМ ДИАЛОГЕ

В статье анализируются высказывания с инвертированной оценкой, реализуемые в речевом конфликтном взаимодействии. Выделены виды инвертированных оценок по объекту и оценочному знаку, а также их роль в развитии конфликта. Показано, что использование оценочной инверсии зависит от множества экстралингвистических факторов и может как спровоцировать возникновение конфликта либо усилить назревшее противоречие, так и придать конфликтному взаимодействию меньшую интенсивность либо полностью его нейтрализовать.

Ситуации конфликта связаны, как правило, с отрицательными эмоциональными переживаниями и характеризуются высокой степенью негативной оценочности (см., например, работы [1; 2; 3; 4; 5]). Помимо конструкций с явно негативнооценочной семантикой, участники конфликтного взаимодействия зачастую прибегают к более утонченным, в том числе имплицитным, способам дискредитации оппонента, в частности к оценочной инверсии.

Семантическая инверсия при оценке, согласно Е. М. Вольф, строится на противоположности высказываемого и реального смыслов. Вследствие этого, например, языковые единицы, сами по себе имеющие знак «+», «входят в речевые акты осуждения, негодования и др.» [6, с. 181]. И напротив, негативно маркированные языковые единицы могут включаться в речевые акты одобрения, похвалы и т.п. Оценка с инвертированным знаком, таким образом, выявляется только на основе контекста, исключающего возможность буквального понимания сказанного. Соответственно и о роли негативнооценочных конструкций в развитии конфликта можно судить при условии учета всех факторов ситуативно-прагматического контекста, ср., например, следующий фрагмент:

(1) – *Когда ты чистил дорожки, я стояла у окна и думала, как мне затащить тебя в постель, – мрачно и твердо заявила она. – Я не умею этого делать. Я не знаю как. Я умру от стыда, если ты не согласишься <...>*

– *Я соглашусь.*

Лиза на секунду онемела.

– *Что?*

– *Дура, – сказал он с такой нежностью, что она вдруг чуть не заревела. –*

Второй такой дуры свет не видел. Ей-богу.

И обнял ее, прижал к себе... (Т. Устинова. «Олигарх с Большой Медведицы»).

Очевидно, что лексема *дура* включает в свою семантическую структуру негативнооценочный компонент, что позволяет интерпретировать высказывания, в которых она входит, как классические конфликтогены; между тем

в рассматриваемом контексте его употребление (даже неоднократное и к тому же сопровождаемое интенсификацией) не только не является конфликто-геном, но и приводит к полной гармонизации эмоционального фона речевого взаимодействия.

Поставив перед собой задачу выявить основные тенденции функционирования подобных оценочных конструкций в речевом конфликте, мы отобрали из современных произведений русской и немецкой художественной литературы 47 фрагментов конфликтного речевого взаимодействия, включающих 80 случаев оценки с инвертированным знаком. Как показал наш анализ, высказывания с инвертированной оценкой, весьма разнообразны и могут быть классифицированы с учетом ряда характеристик – в первую очередь типа объекта инвертированной оценки и ее знака.

1. Объект инвертированной оценки.

В качестве объекта инвертированной оценки в речевом конфликте выступает, как правило, адресат.

(2) – *Слушай, ты, умный!* – со злостью сказал Юрка. – *Раз ты такой благодородный, может быть, тебе противно жить в нашем доме?*

– *А я не у тебя живу,* – сказал Коля. – *Вот придет отец, и уеду* (В. Железников. «Последний парад»).

Важно учитывать, что оценке может подлежать не только сам объект, но и все то, что входит в его «личную сферу», т.е. то, «что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально – некоторые люди, плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы...» [7, с. 28] и т.п.; ср. контекст, где говорящий, заметив старое, выдавшее виды платье своей собеседницы, использует оценочное высказывание с инвертированным знаком, представляющее собой издевательский антикомплимент:

(3) *Dann schwebt sie rüber zu ihrer Erzfeindin Susanna, die gerade brav die leeren Weingläser einsammelt. Dort angekommen, meint sie für alle gut hörbar: „Susanna! Dein Samtkleid ist der Hammer! Der Hammer!“* (A. Hennig von Lange. «Leute, mein Herz glüht»).

Значительно реже в речевом конфликте представлены высказывания, в которых объектом оценки с инвертированным знаком является сам говорящий:

(4) – *Куда вы пошли?*

– *В номер Исмаилова.*

– *Зачем?*

– *Затем.*

Повисло недоброе молчание. Наконец следователь улыбнулся.

– *Анастасия Павловна, как мне расценивать ваш ответ? Как информацию или как дерзость?*

– *Как информацию. Считайте, что у меня бедный словарный запас* (А. Б. Маринина. «Игра на чужом поле»).

Наконец, спорадический характер носят высказывания, в которых объектом инвертированной оценки является третье лицо:

(5) *Jetzt war die Oma erschöpft und die Amtsrätin konnte sie unterbrechen. „Na schön“, sagte sie. „Sie mögen ja Recht haben. Nach Scheidungen gibt es mit den Kindern immer Schwierigkeiten, aber das ist doch kein Grund, dass man viele Jahre später mit dem Bruder eines Wirts davonläuft!“ „Sie hat einen gesucht, der sie wirklich gern hat“, sagte die Oma. „So ist das!“*

„Na, da hat sie sich ja den Richtigen ausgesucht!“, rief die Amtsrätin (С. Нöstlinger. «Ilse Janda, 14 oder die Ilse ist weg»).

Особый случай представляет собой сравнительная инвертированная оценка, объектом которой в речевом конфликте, как правило, выступают сам говорящий и третье лицо:

(6) *Зоя Михайловна. Помолчи, бессовестный. Не нашел другого дня для своих намеков. Весь город его сегодня чествует, одному тебе наплевать. Взгляни, сколько писем, телеграмм, поздравлений. Ты думаешь, все эти люди глупее тебя?*

Борис. Умнее, мамочка, разве я спорю (А. В. Вампилов. «Рафаэль»).

2. Оценочный знак (позитивная либо негативная оценка)

В речевом конфликте инвертированная оценка, как правило, представлена нерелексивными позитивнооценочными высказываниями, за которыми скрывается имплицитная отрицательная оценка. Таким образом, формально соблюдая принцип вежливости, говорящий нарушает его на глубинном уровне [8, л. 154]. Ср. следующий фрагмент:

(7) – *Отмечаешь что-то? – миролюбиво спросила она, присаживаясь за стол напротив мужа.*

Хохол с каким-то даже вызовом приложился к горлышку бутылки и опорожнил ее до дна.

– *Молодец, дорогой. Красиво бухаешь.*

– *Молчи лучше, – предостерегающе произнес Женька абсолютно трезвым голосом, – не доводи до греха* (М. Крамер. «Визит с того света, или деньги решают не все»).

Напротив, в конфликтной ситуации говорящий иногда обращается к «притворной грубости», за внешне критическим, невежливым характером которой скрывается одобрение и дружелюбие [9, л. 100]. Коммуникант, «примеряя ироническую маску грубияна», стремится свести происходящее к шутке и тем самым нейтрализовать возникшее эмоциональное напряжение. Ср. контекст, где уставшая героиня, поздно возвращаясь домой с работы с тяжелыми сумками, застаёт у подъезда ожидающего ее возлюбленного, который перепутал дни свидания:

(8) *Когда Настя поравнялась со скамейкой, парень оторвался от книжки и принялся судорожно собирать пакеты.*

– *Аська, ну что же ты, в самом деле... Мы же договорились с тобой устроить праздник. Ты сама сказала, чтобы я пришел к шести, а уже почти восемь...*

– *Чучело*, – беззлобно сказала Настя. – Эти шесть часов были в пятницу, а сегодня понедельник. Я в пятницу тебя весь вечер прождала. – Она вошла и подъезд, придержав дверь для нагруженного сумками рыжего (А. Б. Маринина. «Стечение обстоятельств»).

Любопытно, что данный прием может использоваться собеседниками как своеобразный вариант языковой игры, причем игра такого типа способна породить специфические коммуникативные ситуации псевдоконфликта, который формально включает характерные для конфликта языковые и речевые маркеры, однако таковым по сути не является, поскольку ни один из собеседников на самом деле не совершает действий, направленных против интересов партнера по коммуникации. Характер подобных коммуникативных эпизодов позволяет утверждать, что инвертированным оценочным знаком могут обладать не только отдельные оценочные лексемы или оценочные высказывания, но и целые коммуникативные ситуации, ср. следующий выразительный контекст, в котором за поверхностным конфликтным речевым поведением (формально довольно жестким и даже оскорбительным) скрывается глубинное объяснение в любви:

(9) *Едут он и она, негромкими голосами терзая друг друга.*

– *Я тебя спрашиваю: кто тебе звонил? Кто он?*

– *Скотина. Ты залез в мой мобильник.*

– *Да, я залез в твой мобильник. Ты мне скажешь, кто он, иначе все кончено.*

– *Оставь меня в покое. С кем хочу, с тем и говорю.*

– *Мы должны развестись.*

– *Да ради бога. Брось меня <...>*

– *Я хочу тишины и покоя.*

– *Тогда скажи, кто тебе звонил, и мы немедленно разведемся, и будет тебе покой.*

– *Я ничего тебе говорить не обязана.*

– *Ты дрянь. Ты гадина.*

– *Брось меня и найди другую.*

Что-то не так в их разговоре, напряженном, медленном, мучительном. Что-то не то с интонацией. Я оборачиваюсь, чтобы украдкой посмотреть на них: ну конечно. Молодые и прекрасные, они полулежат на неудобных сапсановских креслах обнявшись, переплетя руки, переплетя ноги, глаза в глаза. Боже, какая любовь! Запертые в волшебной капсуле, куда никому нет хода, они упиваются звуками голосов друг друга (Т. Н. Толстая. «За проезд!»).

3. Модели развития конфликтного взаимодействия.

В случае использования говорящим положительной оценки с целью дискредитации собеседника возможны различные варианты реакции партнера по коммуникации.

Реакция адресата зависит в первую очередь от того, насколько верно он интерпретирует коммуникативный смысл высказывания партнера. Если ирония не «считывается» слушателем, т.е. возникает ситуация коммуника-

тивной неудачи, то это не провоцирует возникновения конфликта. Ср. фрагмент, где колкость говорящего адресат воспринимает буквально и интерпретирует как комплимент:

(10) *Auch jetzt nutzt sie die Gunst der Stunde, um folgende Info loszuwerden: „Weißt du schon, dass ich gestern Abend beim Bürgermeister eingeladen war, um ihm zum sechzigsten Geburtstag ein Ständchen zu spielen?“*

Nein, das wusste ich nicht. Dafür hat Wonder-Alice allerdings Segelohren und noch nie einen Freund gehabt – soweit ich mich entsinnen kann. Ich klopfe ihr kräftig auf die Schulter und rufe: „Gratuliere, Alice! Super gemacht.“

Und sie macht gleich so eine komische Verrenkung. „Lass das, Lelle!“ (А. Hennig von Lange. «Leute, mein Herz glüht»).

Если партнер по коммуникации считывает импликатуру, т.е. верно интерпретирует намерение говорящего, то возможны следующие пути развития конфликта.

1. Адресат остро реагирует на негативную оценку, в силу чего конфликт интенсифицируется:

(11) *Гена. Не так. Это ты, Юра, обо всем пожалеешь. И очень сильно. Я тебе все припомню. И Кольку в том числе.*

Юра. Эх ты, про Кольку вспомнила? Молодец, уважаю.

Гена. Вспомнила. Я его каждый день, Юра, вспоминаю. Он мне простит. А вот ты за все получишь, по полной получишь.

Юра. Здорово ты все на меня перевела. Знаешь, что? Вали отсюда.

Гена. Да уж не останусь (В. Е. Дурненков. «Экспонаты»).

2. Адресат принимает правила игры, отзеркаливая позитивнооценочные действия партнера по коммуникации. В таком случае коммуникативная ситуация развивается по конфликтной модели, но имеет невысокую степень интенсивности. Ср. следующий контекст:

(12) – **Сто лет мечтал тебя увидеть!**

– **Мечты сбываются, дорогой, ты не знал?** – проглотила обиду ведьма.

– **Некоторым мечтам лучше бы так и остаться неисполненными,** – буркнул он, – ну, не стой, проходи, раз уж нет возможности обратно тебя отправить.

– **Гостеприимный ты, Джек!** – фыркнула Ветка, сбрасывая шубку. – **Ничего, потерпи, я ненадолго.**

– **Надеюсь!** – бросил Хохол, помогая Марине стянуть сапоги.

Коваль легонько стукнула его по спине, но он только мотнул головой и сразу ушел в спальню, сославшись на недомогание (М. Крамер. «Визит с того света, или деньги решают не все»).

Что касается использования приема «притворной грубости», то он призван сблизить собеседников, и при успешной реализации данного приема собеседникам, как правило, удается предотвратить возникновение или развитие конфликта (см. контекст 1). Важно подчеркнуть, что участники конфликта прибегают к данному приему довольно редко. На наш взгляд, это связано с тем, что сам факт употребления негативнооценочной лексемы

может спровоцировать дальнейшее развитие ситуации по модели интенсификации конфликта, т.е. адресат может среагировать не столько на имплицитное содержание высказывания, сколько на его форму, иными словами, не на коммуникативное намерение (даже верно интерпретируемое), а на конфликтный потенциал негативнооценочного слова. Ср. следующий контекст, где говорящий хорошо осознает обе возможности и именно поэтому избегает повторного употребления негативнооценочной лексики:

(13) – *Я думал, ты больше никогда не позвонишь*, – сказал Паша.

– *Дурак*, – усмехнулась Марина.

– *Что?* – не расслышал Паша.

Повторить было уже невозможно, потому что тот первый «дурак» и повторенный имели разные оттенки. В первом случае это звучало как «милый», а во втором – «ты глуп».

– *Ничего*, – сказала Марина. – *Купи хлеба* (В. С. Токарева. «Паша и Павлуша»).

Особую роль в конфликте играет рефлексивная негативная оценка, т.е. самооценка с инвертированным знаком. Формально оценка данного типа, будучи направленной на самого говорящего, призвана нейтрализовать конфликт. Но, изменив в контексте свой знак, подобные самооценочные высказывания используются не с целью самоуничтожения, признания вины и т.п., а с целью обвинить собеседника в некорректном речевом поведении. Такая метаморфоза возможна в силу того, что негативнооценочные высказывания данного типа меняют не только знак, но и субъект оценки, ср. следующий фрагмент, в котором ироничное использование самооценочного клише *Где уж мне, дура набитой!* означает нечто вроде ‘ты напрасно считаешь меня душой’:

(14) *На перемене подошла к Виктору:*

– *И где это Андрей?*

– *Понятия не имею <...> Думаешь, нам легко смотреть как... Ай, все равно не поймешь!*

– *Где уж мне, дура набитой!* (В. Чуйкова. «Дура. История любви, или кому нужна верность»).

Подобные высказывания в силу их скрытого конфликтогенного характера не способны нейтрализовать конфликт и, как правило, провоцируют его продолжение или даже обострение.

Что же касается рефлексивных позитивнооценочных высказываний с инвертированной оценкой, то в целом для конфликтов они не характерны. Единичные примеры отражают их использование в качестве реакции на позитивную оценку собеседника, которой адресат не верит и, возможно, рассматривает как средство манипуляции, ср.:

(15) – *Вы изящно и оригинально дали мне понять, чтобы я от вас отстал, оставаясь при этом предельно вежливой. Bravo! Обычно девушки либо врут, что их столик занят, хотя сидят целый вечер одни, либо откровенно грубят. Анастасия Павловна, вы неповторимы. Так вы категорически отказываетесь со мной знакомиться?*

– А зачем? – Настя пожала плечами. – Вы и так достаточно обо мне знаете: имя, отчество и даже то, что я оригинальна и неповторима. Вы хотите узнать что-нибудь еще? (А. Б. Маринина. «Игра на чужом поле»).

Показательно, что, в силу недостижения перлокутивного эффекта (собеседник продолжает делать назойливые и раздражающие комплименты), героиня меняет тактику и переходит от использования позитивных самооценочных высказываний с инвертированной оценкой к эксплицитным самооценочным высказываниям негативного характера:

– Молодой человек, у меня есть глаза, а человечество, спасибо ему за это, изобрело зеркало. Таким образом, у меня есть возможность видеть и вас, и себя. Вы молоды, красивы, полны сил. Я старше вас, у меня слабое здоровье, а самое главное – я абсолютно не обладаю женской привлекательностью. И одета я более чем скромно. Испытывать интерес ко мне как к женщине вы не можете ни при каких условиях, это бесспорно... (А. Б. Маринина. «Игра на чужом поле»).

Очевидно, что в данном случае естественнее предположить бóльшую вероятность развития конфликта, чем его нейтрализации.

Таким образом, анализ функционирования в ситуациях речевого конфликта оценки с инвертированным знаком позволяет сделать следующие выводы.

1. Тенденции функционирования оценочных высказываний с инвертированным знаком в русско- и немецкоязычных художественных диалогах в целом совпадают. Для исследуемого типа оценочных высказываний характерно в первую очередь использование формально позитивнооценочных высказываний, в которой объектом инвертированной оценки является адресат. Использование негативнооценочных высказываний нерефлексивного характера способно конституировать специфические ситуации псевдоконфликта.

2. Роль высказываний анализируемого типа в развитии речевого конфликта обусловлена, во-первых, адекватностью их интерпретации адресатом, а во-вторых, собственно семантико-прагматическими особенностями оценочного высказывания. Так, в случае использования нерефлексивных позитивнооценочных и рефлексивных негативнооценочных высказываний конфликт, как правило, развивается по модели продолжения или интенсификации. Использование нерефлексивных негативнооценочных и рефлексивных позитивнооценочных высказываний с инвертированным знаком, напротив, обычно приводит к нейтрализации конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Apeltauer, E. Elemente und Verlaufsformen von Streitgesprächen : eine Analyse von Texten und Tonbandprotokollen unter sprechhandlungstheoretischen Gesichtspunkten : Dissertation / E. Apeltauer. – Münster, 1978. – VII, 246 Bl.*

2. *Spiegel, C.* Streit : eine linguistische Untersuchung verbaler Interaktionen in alltäglichen Zusammenhängen / C. Spiegel. – Tübingen : Narr, 1995. – 290 S.
3. *Третьякова, В. С.* Речевая коммуникация: гармония и конфликт / В. С. Третьякова. – Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 231 с.
4. *Белоус, Н. А.* Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве : семантические и прагматические аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н. А. Белоус ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2008. – 48 с.
5. *Мартысюк, Н. П.* Стратегии речевого поведения как отражение гендерных социальных ролей (в ситуации конфликта) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. П. Мартысюк. – Минск, 2001. – 127 л.
6. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 230 с.
7. *Апресян, Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.
8. *Прокофьев, Г. Л.* Ирония как прагматический элемент высказывания (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г. Л. Прокофьев. – Киев, 1998. – 206 л.
9. *Горностаева, А. А.* Ирония в английской и русской коммуникативных культурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. А. Горностаева. – М., 2013. – 264 л.

The article aims explore the phenomenon of inverted evaluation in conflicts. Special attention is paid to the types of inverted evaluation represented in conflicts as well as its conflictogenic potential. The analysis allows drawing a conclusion that sentences with non-reflexive positive inverted evaluation and reflexive negative inverted evaluation escalate conflicts. By way of contrast, non-reflexive negative inverted evaluative utterances can neutralize discrepancy or constitute specific situations of pseudo-conflicts.

Поступила в редакцию 07.10.2019

Р. В. Лебедевич

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВЕРНУТОГО ВЕРБАЛЬНОГО ХЕЗИТАТИВА В ДИАЛОГАХ НА РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются структурные и семантические характеристики развернутых вербальных хезитативов на русском и испанском языке. В структуре развернутых вербальных хезитативов выделены основные и факультативные компоненты. В качестве основных компонентов рассматриваются глаголы речи и глагольные конструкции, а также лексические индикаторы затруднений. Описаны некоторые тенденции использования тех или иных компонентов при фиксации затруднений различного характера. Как факультативные элементы характеризуются речезыкетные компоненты, эмфатические частицы, прямые и косвенные дополнения, конкретизаторы.

В ходе диалогического взаимодействия неизбежно возникновение определенных затруднений, связанных с речевой реализацией коммуникативного замысла. Для экспликации таких затруднений в распоряжении говорящего находится множество коммуникативных ресурсов как невербального характера: (1) – *Здесь места небогатые, так что хотя бы «Ниву». Только поновей. – Сделаем. Ты это... – Цыган неопределенно помахал рукой в воздухе, подбирая слова. – Чего? – подозрительно насупился Гош. – Ты не переживай так. Ну, из-за Жени* (О. Дивов. «Молодые и сильные выживут») [НКРЯ]; так и вербального характера (растягивание звуков эээ, ммм, ehh, десемантизированные маркеры поиска *как это, ну это, а ver, sóto es* и т.д.). Максимально эксплицитными манифестантами таких затруднений выступают развернутые речевые конструкции, которые, кроме собственно показателей затруднений, содержат глагол речи (*сказать, выразить, decir, explicar*) или глагольную конструкцию (типа *подобрать слова, найти выражение, encontrar palabras* и т.д.), указывающую на характер коммуникативной проблемы:

(2) – *Нет, на личном фронте у меня бед не бывает. Там у меня все в порядке. Просто... Не знаю, как сказать. Надоело мне все. Серость, скука, однообразие, и никакого просвета* (А. Маринина. «За все надо платить») [НКРЯ].

На наш взгляд, целесообразно назвать такие конструкции *развернутыми вербальными хезитативами* (далее РВХ). Данный термин представляет собой уточнение понятия *вербальный хезитатив*, предложенного Н. В. Богдановой-Бегларян для наименования любого типа вербальных конструкций, заполняющих хезитационные паузы [1, с. 8].

Цель настоящего исследования – определение структурных и семантических характеристик развернутых вербальных хезитативов в русском и испанском языке (было проанализировано более 850 контекстов, содержащих РВХ, на русском языке и 750 аналогичных контекстов на испанском языке).

Как показывает наш анализ, в составе РВХ можно выделить обязательные элементы, с одной стороны, и дополнительные, факультативные распространители, с другой. Рассмотрим подробнее особенности этих двух компонентов.

1. Основными элементами РВХ являются глаголы речевой деятельности и лексические индикаторы затруднения.

1.1. Лексико-семантическая группа глаголов речи не только обширна, но и гетерогенна. В ней выделяются множество подгрупп: глаголы с общим значением устной и письменной речи, со значением речевого взаимодействия и контакта, побуждения, оценки и т.п. [2]; глаголы, обозначающие и не обозначающие речевые акты [3]; глаголы характеризованной речевой деятельности, глаголы обращения, глаголы речевого сообщения, глаголы речевого общения, глаголы речевого воздействия [4] и т.п.

Для фиксации коммуникативного затруднения говорящего используются далеко не все глаголы речи (ср. невозможность использования в контексте вербализации коммуникативного затруднения говорящего, например, глаголов, характеризующих физическую сторону общения **как это прокричать**; гла-

голов, характеризующих истинность/ложность высказывания **не знаю, как солгать**; глаголов, характеризующих длительность речевого взаимодействия **не знаю, как поболтать** и т.д.).

Соответственно в роли манифестантов коммуникативного затруднения говорящего выступает сравнительно небольшой круг глаголов.

• Глаголы с общим значением говорения *сказать, выразиться, decir, expresarse*. Наиболее распространенными из этих глаголов при вербализации затруднений как на русском, так и на испанском языке являются глаголы *говорить (сказать), decir*, что объясняется их максимальной семантической обобщенностью. Неоднократно отмечалось, что глагол *сказать* является ядром семантического класса глаголов говорения и гиперонимом по отношению к другим таким глаголам [2]. РВХ с данными глаголами универсальны и могут использоваться при манифестации коммуникативных сложностей любого характера: языковых (кодовых затруднений, связанных с подбором необходимой номинации, определения):

(3) – *У меня в свидетельстве о рождении было написано: Лудзенский район, Карсавская волость, Пыталовский – как это сказать? Губерния? Округ? Уезд?* (Ю. Вишневецкая. «Последние люди Холокоста» // Русский репортер) [НКРЯ];

или прагматических (проблем, возникающих в связи с риском создания морально-этического дискомфорта для говорящего/слушающего), ср.:

(4) – *Тут совсем особые обстоятельства. И я не знаю, как сказать вам. Меня спасти нельзя, – с отчаянием сказала она* (П. Н. Краснов. «От Двуглавого Орла к красному знамени», кн. 2) [НКРЯ].

Синонимичные глаголы *выражаться, expresarse* также являются довольно универсальными и могут входить в состав РВХ, фиксирующих затруднения разного характера:

(5) *Вместо свободы нам раздали ваучеры. Так поделили великую страну: нефть, газ... Не знаю, как выразиться... Кому бублик, а кому – дырка от бублика* (С. Алексиевич. «Время second-hand» // «Дружба народов») [НКРЯ];

(6) *Uf, Lucía, ya no sé cómo expresarme para decir lo que pienso sin ofenderos* (20minutos.es.) [Corpus NOW].

• Иллокутивные глаголы типа *объяснить, определить, описать, сформулировать, explicar, definir, definir, formular* и т.п. Подобные глаголы, входящие в состав РВХ, могут использоваться в качестве синонимов и нередко являются взаимозаменяемыми. Так, например, при вербализации сложных эмоциональных и психологических состояний/переживаний употребляются практически все из них:

(7) *Не называйте это сомнением. Но откуда же иногда возникает... не знаю, как это объяснить... как это назвать?..* (М. Харитонов. «Амогес пові» // «Знамя») [НКРЯ];

(8) – *А какое человеческое впечатление он на вас производил? – Это трудно сформулировать внешне. Сложным он не был, нет. Всегда очень приветлив, разговорчив* (М. Туровская. «7 с 1/2 и Фильмы Андрея Тарковского») [НКРЯ];

(9) – *Es difícil describir con palabras, es una de las mejores sensaciones que he tenido nunca en una cancha de tenis. Mis sueños se hacen realidad, mi primera final de Wimbledon* («Desbanca a Nadal y va por su corona» // El Universal.mx) [CORPES XXI].

В силу своей семантической специфики глаголы данной группы обнаруживают некоторые тенденции к вербализации разных типов коммуникативных затруднений.

Так, глаголы *называть(ся)*, *llamar(se)* в РВХ используются скорее с целью акцентировать внимание на объекте номинации:

(10) *...штучки мясные... я даже не знаю, как назвать эти шипящие на решетке... не кебабы, кебабы я знаю... эти шипящие с луком на раскаленном железе... куинджи... не куинджи, Куинджи – это художник... не знаю, не знаю, как это назвать, но я это ел!* (С. Юрский. «Сеюки») [НКРЯ].

Когда говорящий затрудняется дать детальное, многоаспектное описание, подробно изложить что-либо, используется РВХ с глаголом *описать*:

(11) *Я вот встретил недавно очень милую девушку. Очень. Суровую такую... даже не знаю, как описать. Очень серьёзная. Что-то её мучит. А что – неизвестно. Но красивая. Помнишь Бэлку Кливидзе? Похожа. Только другая совсем* (А. Волос. «Недвижимость» // «Новый Мир») [НКРЯ].

РВХ с глаголами *объяснить*, *explicar* (в отличие от РВХ с описанными ранее глаголами, фиксирующими проблемы корректной вербализации) используются при вербализации коммуникативных затруднений говорящего, акцентируя при этом проблему корректного понимания собеседником:

(12) *Claro que lo quiero así, pero no sé cómo explicarte así como vos decís! Es algo que no vas a entender, mamita* (М. Ayala de Michelagnoli. «Nderasóre») [CORPES XXI].

• Глагольные конструкции, включающие лексемы *слово*, *выражение*, *определение*, *формулировку*, *palabra*, *expresión*, *definición* и глаголы *находить*, *подбирать*, *не хватать*, *encontrar*, *salir*, *faltar* и т.п. Так же как глагол *сказать* доминирует в словосочетаниях анализируемого типа, глагольные конструкции *подобрать слова*, *encontrar palabras* обладают значительно большей высокочастотностью, нежели другие подобные единицы:

(13) *Я не могу подобрать слова, определяющего мои отношения с книгами Ивана Шмелева. Это не чтение, это как будто то, что я сижу перед автором, а он мне рассказывает* (К. Владимир. «Небо касается нас» // Труд-7) [НКРЯ].

Менее типичными являются РВХ, в составе которых используются иные глагольные конструкции:

(14) – *2 инструктора просто замечательных (Домбай, Эльбрус), – 1 нормальный (Варзоб), – 2 – э-э-э... даже и не знаю, какое помягче подобрать определение (Дугоба, Шхельда)* (форум «Новая тема, которую никто пока не трогает») [НКРЯ];

(15) *Bueno, no encuentro la expresión adecuada, en cierto modo quiero decir autóctono, nuestro que solo nos pertenece a nosotros, a los habitantes del planeta Tierra...* (J. M. Merino. «El río del Edén») [CORPES XXI].

1.2. Вторым обязательным составляющим РВХ являются лексические индикаторы затруднений, в качестве которых выступают следующие элементы.

- Эпистемические предикаты в отрицательной форме *знать*, *saber*, которые манифестируют отсутствие у говорящего необходимых для вербализации коммуникативного замысла средств. РВХ с данным показателем затруднения представляют собой сложноподчиненные предложения с придаточной частью образа действия (ср. контексты 2, 4–7, 10, 11–12, 14).

- Модальные предикативные глаголы *мочь*, *poder*, которые также употребляются в отрицательной форме и выражают невозможность вербализовать тот или иной замысел. Такие показатели затруднения выступают в роли вспомогательных глаголов в сложных глагольных сказуемых как в русском, так и в испанском языке (ср. контекст 13).

- Предикативные наречия (для русского языка) и прилагательные с глаголом-связкой (для испанского языка) (*тяжело*, *трудно*, *сложно*, *es difícil*, *es imposible*). Такие элементы, характеризующие вербальную реализацию коммуникативного замысла как непростую/невозможную, выступают в качестве главной части составного глагольного сказуемого в русском языке и именной части сложного глагольного сказуемого в испанском языке (ср. контексты 8, 9).

- Вопросительные местоименные наречия *как*, *cómo* и вопросительные местоимения *какой* (*какое*, *какие*), *qué*. Используя данные показатели затруднений, говорящий манифестирует затруднение в интеррогативной форме, обращаясь к собеседнику или самому себе (ср. контекст 3).

1.3. Сочетание двух основных компонентов, составляющих РВХ, образуют четыре основных синтаксических типа исследуемых речевых конструкций:

а) сложноподчиненные предложения с изъяснительной придаточной частью (формируются с помощью глаголов *знать*, *saber* и любого речевого глагола/изофункционального средства);

б) определенно-личные конструкции, включающие глаголы *мочь*, *poder* и глаголы речи (кроме *сказать*, *decir*¹)/глагольные конструкции);

в) безличные конструкции с инфинитивом, включающие предикативные наречия с семантикой трудности в русском языке, невозможности, и прилагательные с глаголом-связкой в испанском языке (кроме *сказать*, *decir*)/глагольные конструкции);

- интеррогативные конструкции с вопросительными местоименными наречиями/вопросительными местоимениями и глаголами речи.

2. Помимо обязательных стержневых элементов РВХ могут дополняться следующими типами факкультативных распространителей.

- Речевые этикетные компоненты

---

¹ Речевые формулы *не могу сказать*, *no puedo decir* выступают в речи не в качестве РВХ, но как показатели реального или выдаваемого за реальное отсутствия у говорящего нужной для ответа информации.

В качестве дополнительного элемента в РВХ могут выступать различные речезтикетные формулы, к которым можно отнести обращение к собеседнику/собеседникам:

(16) – *He sentido el impulso tantas veces. Pero no sé si. **Cómo decirte, Aurora...*** (E. Leñero Franco «El Codex Romanoff») [CORPES XXI];

(17) – *Ох, уж и не знаю, как сказать вам, **Дмитрий Петрович!*** (П. И. Мельников-Печерский. «На горах». Кн. первая) [НКРЯ].

Осознавая, что затруднение создает помеху в общении, говорящий может сопроводить РВХ извинениями:

(18) *В такой ситуации, **простите, даже сложно подобрать слова...*** (Д. Корсаков. «Умерла “Душечка” и “Укротительница тигров” Л. Касаткина» // Комсомольская правда) [НКРЯ].

(19) – *Dicen que bueno... **Perdón, señora, no sé cómo decirlo*** (R. Cossa. «El viejo criado») [CREA].

При этом в подавляющем большинстве случаев извинения носят превентивный (проспективный) по отношению к основе РВХ характер.

- Прямое дополнение, указывающее на обозначаемый объект

Вербализуя затруднение, говорящий может указать на объект реальности, экспликация которого вызвала проблему. Прямое дополнения может быть выражено указательными местоимениями *это, lo*:

(20) – *Lo sé. Pero es que ella... **Cómo decírtelo...** no cierra los ojos, los mantiene abiertos y me mira, me mira como si quisiera ir mar adentro de mí...* (G. León Fullea. «Voy por cigarros») [CORPES XXI];

а также с помощью развернутых придаточных конструкций:

(21) *Y cómo decirte **lo que pienso, lo que veo, lo que siento**, sin provocar tus gritos, tus rabietas, tu desesperación de no entender qué está pasando, qué nos está pasando* (L. Beccaria. «La luna en Jorge») [CORPES XXI].

- Косвенное дополнение, указывающее на адресата высказывания

В качестве косвенного дополнения выступает объект-адресат действия, выраженный личным местоимением 2 лица (наиболее распространено в испанском языке): *не знаю, как сказать тебе; no sé cómo decirte* и т.п.:

(22) *Aunque ya sé que Charlie Sylvester no existe, o que en todo caso no eres tú, pero, **cómo decirte**, yo a Charlie Sylvester lo quiero un montonazo* (A. Bryce Echenique. «El huerto de mi amada») [CORPES XXI].

- Эмфатические частицы

РВХ могут сопровождаться **дополнительными эмфатическими элементами**, различными по степени экспрессивности. Они предоставляют дополнительную информацию об отношении говорящего к затруднению и сигнализируют об «эмоциональной реакции говорящего на неожиданно возникшие трудности вербализации или обнаруженную в своей речи ошибку, нуждающуюся в исправлении» [5, с. 184]. Как отмечается, «такими маркерами являются, например, *ой, фу* и ряд других единиц, в основном междометийного характера» [Там же]: *даже не знаю, как сказать; no sé ni cómo decirlo; фу, как бы это сказать; тьфу, чёрт, не знаю, как сказать!; diablitos, cómo decirlo.*

- Дополнительные адвербиальные конкретизаторы

Данные элементы РВХ позволяют эксплицитно указать на искомые характеристики номинации/формулировки, ср. *понятнее, яснее, поточнее, попримичнее, по-простому, de una forma más clara, más concretamente, sin ofender, de una forma amable, de otro modo.*

Надо отметить, что с точки зрения грамматики для русского языка характерно использование наречия (как правило, в форме сравнительной степени), а в испанской речи предпочтительнее синонимичные конструкции с лексемами *forma, modo* и т.п.

- Частица *бы* (в русском языке)¹

С помощью частицы *бы* говорящий формирует РВХ, отражающие колебания адресанта при поиске подходящих средств вербализации:

(23) *Но, видите ли, квартира... э-э-э... как **бы** это сказать поточнее... Короче говоря, почти продана квартира и...* (А. Волос. «Недвижимость» // Новый Мир) [НКРЯ].

Таким образом, развернутые вербальные хезитативы демонстрируют очень высокую вариативность: они могут быть неосложненными (включать только основные элементы в виде лексического индикатора затруднения и глагола речи/глагольной конструкции) или осложненными (дополняться разного рода распространителями). При возникновении затруднения в распоряжении говорящего находится широкий диапазон средств в виде различных по своей семантике глаголов речи, различных лексических показателей затруднений, а также большого разнообразия дополнительных элементов. Вербализуя коммуникативное затруднение, говорящий выбирает и комбинирует средства из этого списка в зависимости от коммуникативной ситуации, характера затруднения и собственных коммуникативных установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова-Бегларян, Н. В. Об одном из вербальных хезитативов русской устной речи: как его (ее, их) в различных функциональных разновидностях / Н. В. Богданова-Бегларян, Н. Г. Кутруева // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. – 2013. – № 4 (24). – С. 7–18.
2. Васильев, Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи / Л. М. Васильев // Ученые записки Башкир. ун-та. – 1971. – Вып. 43 : Очерки по семантике русского глагола, № 16/20. – С. 160–224.
3. Гловинская, М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов / М. Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / под. ред. Е. А. Земской. – М., 1993. – С. 158–218.
4. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Л. Г. Бабенко [и др.] ; под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ–ПРЕСС, 1994. – 704 с.

¹ В испанском языке аналогичные конструкции передаются с помощью условного наклонения *cómo lo diría*.

5. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устной речи / А. А. Кибрик [и др.] ; под. ред А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. – М. : ЯСК, 2009. – 737 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 01.07.2019.

Corpus NOW – Корпус испанского языка. Corpus del Español: Now. – Режим доступа : <https://www.corpusdelespanol.org/now>. – Дата доступа : 01.07.2019.

CORPES XXI – Национальный корпус испанского языка XXI века. – Режим доступа : <https://www.rae.es/recursos/banco-de-datos/corpes-xxi>. – Дата доступа : 30.06.2019.

CREA – Справочный корпус современного испанского языка. – Режим доступа : <http://corpus.rae.es/creanet.html>. – Дата доступа : 30.06.2019.

The article discusses the structural and semantic characteristics of expanded verbal hesitatives in Russian and Spanish. In the structure of expanded verbal hesitatives, we distinguish the main and optional components. The main components considered are verbs of speaking and some verb constructions, as well as lexical indicators of difficulties. Some tendencies of using certain components when identifying difficulties of various kinds are described. Speech etiquette components, emphatic particles, direct and indirect object and specifiers are considered as optional elements.

Поступила в редакцию 07.10.2019

А. А. Соловей

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ (на материале белорусских и английских научных рецензий)

Статья посвящена теоретическому обоснованию проблематики языковой достоверности. Проанализирована полевая структура достоверности, установлены интегральные и дифференциальные признаки макрополя достоверности и его компонентов, представлена ее классификация, учитывающая семантические и коммуникативно-прагматические параметры с примерами фактического материала на белорусском и английском языках.

Современные исследования лингвистов (А. В. Зеленщиков, Н. Ю. Павловская, Б. Везерсон, Э. Эган и др.) ориентированы на интерпретацию модальности с позиции концепции возможных миров. В рамках гуманитарной науки возможный мир – формальный и функциональный конструкт, воплощающий в теории представления о том, что любая ситуация действительного мира могла бы быть иной. В основе семантики возможных миров лежит способность человека размышлять над ходом жизни, конструировать предполагаемое положение дел в будущем, моделировать иной исход уже свершившихся событий [1].

Цель исследования – раскрыть логико-семантические и прагматические особенности модальной категории достоверности. Источником фактического материала послужили 100 белорусских и английских научных рецензий на монографии по лингвистике, отобранных из журналов «Веснік БДУ», «Беларуская лінгвістыка», «English language and linguistics», сайта <http://linguistlist.org>.

Д о с т о в е р н о с т ь – лингвопрагматическая категория, отражающая оценку адресантом степени соответствия высказывания действительности. Целесообразно различать следующие степени соответствия: *истинность* – пропозиция оценивается адресантом как соответствующая положению дел в настоящем или прошлом; *вероятность* – пропозиция оценивается адресантом как возможно соответствующая положению дел в настоящем / прошлом / будущем. Под возможным соответствием понимается наличие вариантов развития события с точки зрения его осуществления.

Вероятность – путь к достоверности, истинность – результат, достижение достоверности. В основе достоверности лежат ментальные состояния знания, веры, мнения, имеющие различные трактовки в гуманитарных науках. Традиция противопоставления знания, веры, мнения пришла в лингвистику из философии (И. Кант, Б. Рассел, Я. Хинтика, Л. Витгенштейн и др.). Данные категории взаимопределяют друг друга: иногда вера становится знанием, которое может перейти в ложное мнение. Однако «проблема знания, веры и мнения – это не столько онтологическая проблема, сколько лингвистическая, и решать ее надо лингвистическими методами» [2, с. 251].

З н а н и е – суждение, основанное на убежденности коммуникантов в истинности пропозиции. Адресант имеет достаточные объективные и субъективные (личные) основания для убеждения адресата в соответствии пропозиции действительности. Подобные высказывания содержат имплицитно модальную рамку *знаю, что*. «Идиоматичной формой выражения истинного суждения является индикатив без показателей субъективной модальности, даже и тех, которые включают в себя слова со значением истинности (*действительно, на самом деле*)» [3, с. 140].

В е р а – суждение, основанное на убежденности адресанта в истинности пропозиции. Недостаточность объективных оснований для убеждения адресата в истинности пропозиции побуждают адресанта эксплицировать достоверность маркерами с высокой степенью уверенности.

М н е н и е – суждение, основанное на неуверенности адресанта в истинности пропозиции. Адресанту не хватает объективных и субъективных оснований для убеждения адресата в соответствии пропозиции действительности, что побуждает его манифестировать достоверность единицами с низкой степенью уверенности.

Важным критерием дифференциации знания, веры и мнения выступает сема уверенности. «Знание полностью исключает не только выражение неуверенности, но и уверенности. Даже самая сильная уверенность не может перейти в знание» [4, с. 10]. Вера включает сему высокой уверенности, которая мани-

фестируется соответствующими модальными единицами, мнение предусматривает низкую уверенность и репрезентируется средствами с семами неуверенности, сомнения. Компоненты достоверности представлены на рис. 1.

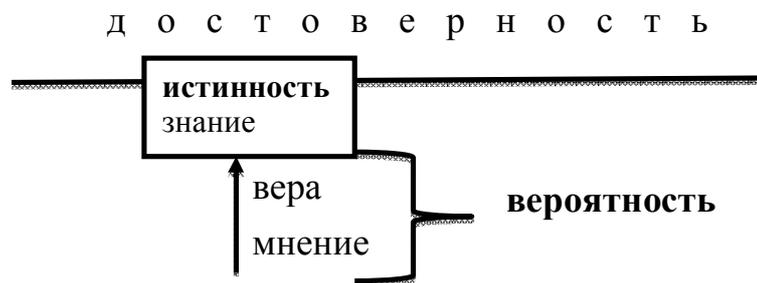

Рис. 1. Составляющие достоверности

Модальность принято рассматривать через призму функционально-семантического поля (Л. В. Щерба, В. Р. Адмони, Е. И. Беляева, А. В. Бондарко и др.). Достоверность выступает одной из составляющих поля модальности наряду с возможностью, необходимостью, оптативностью, императивностью.

Рассмотрим высказывания со значением возможности: *Наўрад іх рэлігійная мова можа быць ахарактарызавана як «сацыялект»* (М. У. Тарэлка) / *Perhaps I can give the best compliment to this monograph* (М. Т. Putnam) ‘Возможно, я могу сделать лучший комплимент этой монографии’ и *Адна і тая ж назва можа мець розныя паметы паводле сферы выкарыстання* (М. С. Ржавуцкая) / *Chapters Three and Four can be read in isolation* (J. W. Windsor) ‘Главы три и четыре могут быть прочитаны по отдельности’. Во всех высказываниях глаголы *можа* и *can* выражают онтологическую возможность, однако в первом и втором случаях маркеры *наўрад* и *perhaps* репрезентируют неуверенность адресанта в реальности данной возможности, в третьем и четвертом высказываниях для адресанта возможность является реальной, не вызывающей сомнения.

В высказываниях *Трэба адзначыць багацце прааналізаванага даследчыцай матэрыялу* (С. М. Лясовіч) и *We first need to have a reliable identification procedure for the figure at hand* (W. Zhang) ‘Сначала нам нужно иметь под рукой надежную процедуру идентификации статистики’ основное модальное значение – необходимость, которая является реальной, соответствующей действительности. Достоверность накладывается на необходимость и выражается имплицитно: *Трэба адзначыць багацце прааналізаванага даследчыцай матэрыялу = Ведаю, што трэба адзначыць багацце прааналізаванага даследчыцай матэрыялу*.

В высказываниях *Сярод дадатка, напэўна, трэба згадаць «Цюркскія запазычанні ва ўсходнееўрапейскіх мовах»* (М. У. Тарэлка) и *It seems that there should be a correlation between frequency of occurrence and compatibility* (K. Ebensgaard) ‘Кажется, что должна быть корреляция между частотой встречаемости и совместимостью’ на необходимость, выраженную предикатом *трэба* и модальным глаголом *should*, накладывается значение достоверности, выраженное модальным словом *напэўна* и глаголом *seem*.

Оптативные, императивные и вопросительные высказывания не принято рассматривать с позиции достоверности. Мы считаем данные высказывания условно достоверными, так как с помощью их смысловой интерпретации можно вывести дескриптивные высказывания, обладающие параметром достоверности: *Толькі б заўважылі яе навуковую значнасць!* (М. І. Свістунова) = *Жадаю (хачу), каб заўважылі яе навуковую значнасць / If only everyone appreciated the author's original point of view* (St. Assimakopoulos) 'Если бы все оценили оригинальную точку зрения автора'. Само желание *жадаю (хачу) / I wish (If only)* является реальным, соответствующим действительности: *я жадаю / I wish = ведаю, што я жадаю / I know that I wish* – у адресанта нет сомнения относительно истинности своего желания. *Не думайце, што манаграфія не адпавядае навуковаму стылю!* (Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая) = *Прашу вас не думаць, што манаграфія не адпавядае навуковаму стылю / Don't take its results for granted* (E. Sausa) 'Не принимайте результаты как должное' = *I ask you not to take its results for granted*. Сам факт просьбы *прашу / I ask* соответствует действительности. *Ці зможам мы растлумачыць яркі ўсплёск «камедыйнасці» ў новай беларускай драматургіі?* (Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая) = *Мяне цікавіць, ці зможам мы растлумачыць яркі ўсплёск «камедыйнасці» ў новай беларускай драматургіі / So why does it occur?* (Br. Darussalam) 'И почему это происходит?' = *I wonder why it occurs* – проявление интереса *Мяне цікавіць / I wonder* соответствует действительности.

Следовательно, достоверность является обязательным компонентом высказывания, взаимодействующим с другими значениями (возможностью, необходимостью, оптативностью, императивностью).

Модальность достоверности – особое макрополе с разнообразной системой языковых средств, используемых адресантом для оценки полноты знаний о пропозиции [5]. Семантическая доминанта – степень соответствия высказывания положению дел в настоящем / прошлом / будущем. Макрополе достоверности включает поля истинности и вероятности. Разграничение между полями осуществляется на основе логико-семантического дифференциального признака отсутствия / наличия альтернативы в исходе события. Под альтернативой понимается «необходимость выбора между исключаящими друг друга возможностями» [6, с. 18].

В философских и лингвистических словарях истинность трактуется как соответствие действительности и характеризуется отсутствием альтернативы в исходе события. Поле истинности базируется на когнитивном признаке знания со следующими дифференциальными характеристиками: соответствие пропозиции положению дел в настоящем (действительности) или прошлом, реализованная альтернатива. Соответствие действительности – точное отражение положения дел в настоящем или прошлом. Под реализованной альтернативой понимается осуществление одного из положений дел, в результате чего один из «воображаемых альтернативных миров» стал актуальным, т.е. действительным.

Ядро поля истинности составляют высказывания с глаголами в индикативе, так как «в норме люди говорят правду, и нет нужды об этом предупреж-

дать» [7, с. 32]: *У канцы манаграфіі змяшчаецца індэкс прааналізаваных лексем з указаннем старонкі, на якой яны разглядаюцца* (А. В. Губкіна); *The discussion in Chapter 3 continues to specify the topic of the book* (М. Н. Ciscel) ‘Обсуждение в главе 3 продолжает уточнять тему книги’.

Периферию поля истинности составляют оценочные высказывания, в которых достоверность выражается имплицитно и накладывается на иные значения (эмоциональные, экспрессивные, метатекстовые и т.д.): *Аўтар удала праводзіць яе, абаніраючыся на працы Я. Карскага, А. Булькі і пры гэтым выдатна разумее ўмоўнасць такой рэканструкцыі* (М. І. Свістунова); *This monograph represents a formidable contribution to the literature* (R. D. McLachlan) ‘Эта монография представляет собой внушительный вклад в литературу’.

Вероятность правомерно рассматривать как возможность осуществимости чего-нибудь. По мнению Я. Хинтикки, «каждый, кто думал о вероятности возможностей относительно завтрашней погоды, тем самым рассматривал и несколько возможных положений дел» [8, с. 39]. Вероятность коррелирует с возможностью. «Вероятность – это более широкое понятие, потому что, если возможность “работает” с двумя обобщенными альтернативами, вероятность “взвешивает” все возможные миры, соотносимые с когнитивными способностями субъекта» [9, с. 53]. Модальность возможности может входить в оба поля достоверности и располагаться как на периферии поля истинности, так и вероятности.

Вероятность маркируется актуализацией логико-семантического признака наличия альтернативы в исходе события. Поле вероятности включает микрополя веры и мнения, объединенные следующими интегральными признаками: возможное соответствие положению дел в настоящем / прошлом / будущем, наличие альтернативы развития событий. Дифференциальными признаками для данных образований выступают характер отношений между вариантами альтернативы с точки зрения возможности их реализации (равновозможные / неравновозможные варианты), степень уверенности адресанта, наличие / отсутствие сомнений.

Ядро микрополя веры – предикаты *верыць / to believe, быць упэўненым / to be sure, не сумнявацца / to have no doubts*; модальные слова *безумоўна / surely, бяспорна / unquestionably, несумненна / undoubtedly* и т.п.: *Несумненна, што сярод такіх манаграфій належнае месца зойме і кніга І. У. Кандрацені «Нулявая суфіксацыя ў сістэме беларускага словаўтварэння»* (Н. М. Гардзей); *Surely, this work will be a strong contributor to the research area* (М. Т. Putnam) ‘Безусловно, эта работа внесет значительный вклад в данную область исследования’.

Периферию микрополя веры составляют высказывания, в которых достоверность выражается маркерами с семой уверенности и накладывается на значение необходимости: *Несумненна, манаграфія павінна зацікавіць навуковых даследчыкаў* (І. У. Будзько); *I'm sure the monograph must be interesting to scientific researchers* (S. Schuster) ‘Я уверен, что монография должна быть интересна для научных исследователей’.

Ядро микрополя мнения – предикаты *думаю / I think*, *здаецца / It seems* и т.п.; модальные слова: *можна / maybe*, *можна быць / perhaps*, *магчыма / possibly*, *напэўна / probably* и т.п.: *Думаю, што такое аўтарскае раіэнне з’яўляецца важкім унёскам у тэорыю і метадалогію інструментальнага даследавання гукаў* (Т. Р. Рамза). *This seems a reasonable conclusion to draw* (J. Foreman); ‘Это кажется разумным выводом’.

Периферию микрополя мнения составляют высказывания, в которых достоверность эксплицируется модальными единицами с семантикой неуверенности, наличия сомнений и накладывается на значение необходимости: *Здаецца, рэвізія поглядаў павінна спрыяць даследаванню пераемнасці польскага камічнага стылю* (Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая); *Probably, we should keep in mind that English is a second language for almost all Indians* (S. Kar) ‘Вероятно, мы должны иметь в виду, что английский является вторым языком почти для всех индийцев’.

С учетом вышесказанного, полевая структура достоверности имеет вид, представленный на рис. 2.

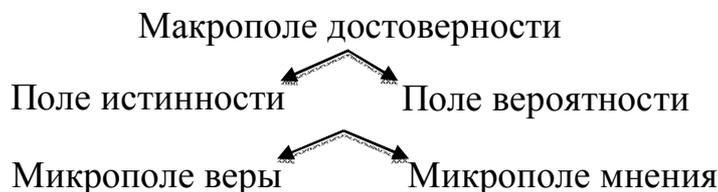

Рис. 2. Полевая структура достоверности

Прагматичность – неотъемлемый компонент семантики достоверности, так как все ее показатели «составляют целостную систему коммуникативно значимых средств, которые участвуют в формировании иллюкутивной силы высказывания и связаны с коммуникативным намерением адресанта» [10, л. 168].

Достоверность соотносится с *эпистемическим обязательством*, коррелирующим с коммуникативным статусом высказывания. Согласно концепции Дж. Лайонза, «сделать утверждение – значит выразить пропозицию и отношение к ней. Утверждающий пропозицию берет на себя обязанность быть приверженным ей» [11, р. 254], что заключается в готовности адресанта взять ответственность за соответствие содержания высказывания действительности. Ответственность может быть персональной (адресанта) и коллективной (адресанта + адресатов) и варьироваться от низкой до высокой.

Высокая персональная ответственность представлена в высказываниях с достоверностью, основанной на вере: *Несумненна, у выніку такое афармленне якраз і прыжывецца* (А. В. Губкіна). Адресант стремится убедить адресата в истинности прогноза и готов взять на себя ответственность. Низкая персональная ответственность эксплицируется в высказываниях с достоверностью, основанной на мнении, и обусловлена возможностью возникновения альтернативного взгляда у адресата: *Perhaps the most striking thing about this book is in the way that it builds* (R. S. McLachlan) ‘Возможно, самая поразительная вещь в этой книге – то, как она строится’.

Достоверность, основанная на знании, манифестирует высокую коллективную ответственность: *Книга ўмоўна падзелена на дзве часткі* (Л. І. Сямешка). Ответственность за факты несет не адресант, а все общество. Низкая коллективная ответственность вербализируется в высказываниях с достоверностью, основанной на мнении. Это объясняется стремлением адресанта переложить обязательства за сомнение в истинности пропозиции на все общество: *Лічыцца, што назва кнігі выбрана невыпадкова* (Л. І. Сямешка).

В результате проведенного исследования были выявлены интегральные и дифференциальные логико-семантические и прагматические характеристики макрополя достоверности и его составляющих: интегральный признак макрополя достоверности – степень соответствия высказывания положению дел в настоящем / прошлом / будущем, дифференциальные характеристики поля истинности – соответствие содержания высказывания положению дел в настоящем или прошлом, реализованная альтернатива, высокая коллективная ответственность, поля вероятности – наличие альтернативы в исходе события. Микрополя веры и мнения входят в поле вероятности и характеризуются следующими интегральными признаками: возможное соответствие пропозиции высказывания положению дел в настоящем / прошлом / будущем, наличие альтернативы развития событий. Дифференциальными признаками для микрополя веры являются неравновозможные варианты развития события без права выбора для адресата; высокая степень уверенности адресанта в соответствии высказывания действительности, отсутствие сомнений; высокая персональная ответственность; для микрополя мнения – равновозможные / неравновозможные варианты развития события с правом выбора для адресата; низкая степень уверенности адресанта в соответствии высказывания действительности, наличие сомнений; низкая персональная / коллективная ответственность. С опорой на фактический материал было установлено, что модальное значение достоверности присуще любому высказыванию, следовательно, макрополе достоверности взаимодействует, образуя диффузные, размытые значения, с иными полями (возможностью, необходимостью, оптативностью и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян, А. А. Возможные миры как объекты модального мышления / А. А. Акопян // Молодой ученый. – 2009. – № 9. – С. 96–99.
2. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова : (Значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И. Б. Шатуновский. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 400 с.
3. Радбиль, Т. Б. Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях *de re* / Т. Б. Радбиль // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2014. – С. 130–141.
4. Дмитровская, М. А. Знание и мнение : образ мира, образ человека / М. А. Дмитровская // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1998. – С. 6–18.
5. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1990. – 264 с.

6. Лопатин, В. В. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка / В. В. Лопатин. – М. : Эксмо, 2007. – 910 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Речеповеденческие акты и истинность. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи. «Я» и «другой» / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, Модальность. Дейксис. – М., 1992. – С. 6–39.
8. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологическое исследование / Я. Хинтиikka. – М. : Прогресс, 1981. – 447 с.
9. Паўлоўская, Н. Ю. Мадалянасць магчымасці ў сучаснай беларускай мове / Н. Ю. Паўлоўская // Весн. ВДУ. – 2001. – № 3 (21). – С. 52–58.
10. Панченко, Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н. Н. Панченко – Волгоград, 2010. – 400 л.
11. Lyons, J. Linguistic semantics : an introduction / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – 394 p.

The article deals with the problem of linguistic credibility, which is treated as a functional-semantic field with the varied system of linguistic means that the speaker uses to evaluate the degree of his knowledge of the proposition. Integral and differential features of the macrofield of credibility and its constituents have been revealed.

Поступила в редакцию 03.10.2019

А. В. Сьцько

СПЕЦИФИКА ПЕРВОЛИЧНЫХ ДЕОНТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С РЕЧЕВЫМИ ГЛАГОЛАМИ (на материале немецкого и русского языков)

В данной статье рассматривается специфика автореферентных деонтических конструкций в двух неродственных языках, немецком и русском. Своеобразие указанных конструкций проявляется на уровне их иллокутивной и семантической структуры. Именно первое лицо позволяет деонтическому маркеру комбинироваться с речемыслительными глаголами, что придает деонтическим конструкциям перформативный характер. Установлено, что в обоих языках фиксируются схожие комбинации деонтических маркеров и речевых глаголов. Выявлено, что ограничения в сочетании модальной лексемы с речевым глаголом детерминированы как модальной семантикой деонтического маркера, так и значением речемыслительного глагола.

В лингвистической литературе неоднократно отмечалась семантическое и прагматическое своеобразие так называемых перволичных высказываний, то есть субъектных структур от 1-го лица. Первое лицо, отмечает Е. В. Падучева, оказывает специфическое семантическое влияние на свое окружение, употребление первого лица модифицирует значение слов в высказывании [1, с. 136].

Не исключением в этом плане оказываются и деонтические конструкции от 1-го лица (*я должен/ich muss, позволю себе, имею право/ich darf + инфинитив*), где *я* выступает и говорящим, являющимся активным участником ситуации и квалифицирующим ее как модальную, и деонтическим субъектом, потенциальным исполнителем действия, которое указывается в пропозиции,

занимающей в структуре в грамматическом отношении подчиненное положение. Описывая семантику модальных маркеров, Ю. С. Степанов подчеркивает, что именно в контексте 1-го лица их значение предстает в наиболее чистом виде [2, с. 166]: ср. *я должен быть там/ich muss da sein* (только деонтическая семантика) vs. *он должен быть там/er muss da sein* (в зависимости от контекста возможно и деонтическое, и эпистемическое значение).

С точки зрения семантики и прагматики деонтические высказывания с перволичным субъектом оказываются противопоставленными конструкциям с модальным агентом *ты, вы, мы, они, каждый* (*я должен сделать <> ты, он, каждый должен сделать, надо сделать* и т.д.). Автореферентность *я*-конструкций обуславливает их нетривиальные особенности, которые имеют настолько общий характер, что действуют в самых разных европейских языках. Целью данной работы стало выявление семантической и прагматической специфики деонтических конструкций с перволичным модальным агентом в немецком и русском языках. Материалом для исследования послужили корпуса национальных языков: Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ) и корпус немецкого языка (далее DWDS), что обеспечивает репрезентативность и сбалансированность языкового материала. Объем выборки в данной работе составил почти 22 000 контекстов.

Очевидно, что в качестве пропозициональных компонентов в рассматриваемых конструкциях может быть любое контролируемое действие. С коммуникативной точки зрения данные конструкции фиксируют намерение говорящего сделать что-то, чего нет в реальности. Обратим внимание на то, что источником деонтики в перволичных деонтических высказываниях совсем не обязательно является говорящий (его воля/решение): модальность обуславливают чаще всего внешние факторы универсального (закон, право) или ситуативного характера (моральный долг, цель, обстоятельства и т.д.), например:

Машина в ремонте, я должен ехать на метро. / Das Auto ist bei der Werkstatt, ich muss mit der U-Bahn fahren;

Я должен поспешить, чтобы застать их до отъезда. / Ich muss mich beeilen, um sie zu erreichen, bevor sie weggehen.

Наряду с поведенческой акциональностью данными конструкциями фиксируются и другие виды потенциальных действий: коммуникативная, ментальная, речевая, например:

Я видел, что ее ребенок курит, я должен его маме об этом сказать. / Ich habe gesehen, dass ihr Kind raucht, ich muss seiner Mutter davon erzählen.

Я должен сказать, это интересное предложение. / Ich muss sagen, das ist ein interessanter Vorschlag, которые реализуются различными речемыслительными глаголами (*сообщить, подытожить, сказать, возразить, усомниться/sagen, widersprechen, vermuten* и т.д.). Модальными факторами в подобных высказываниях выступают некие обстоятельства, чаще всего негативно окрашенные, либо индивидуально-ситуативные источники, такие как волевые, интеллектуальные, эмоциональные решения, предпочтения и потребности говорящего. Именно деонтические *я*-конструкции с речевыми лексемами стали предметом анализа в данной работе.

Прагматическое своеобразие таких речевых единиц проявляется на уровне их иллокутивной структуры. Предикация, соответствующая в деонтических я-структурах инфинитиву, в рассматриваемых конструкциях относится либо к плану будущего, либо к плану настоящего. В случае будущего она формирует комиссивную иллокуцию: *я должен сказать ему правду/ich muss ihm die Wahrheit sagen*.

Поскольку глаголы речевой деятельности «являются моментальными: во время речевого акта “время не движется”, весь переход в новое состояние занимает как бы один момент» [3, с. 114], то предикация может относиться к плану настоящего. Местоимение 1-го лица *я*, обозначая говорящего, имеет только текущую референциальную соотнесенность, реальность, к которой оно отсылает, есть реальность речи [4, с. 295–296], поэтому фраза *должен сказать, что.../ich muss sagen, dass...* буквально заявляет о намерении говорящего сделать X, а фактически говорящий уже делает X → *говорю, что*. В результате у данных конструкций возникает иллокутивное значение репрезентатива, например, *должен повторить, ты неправ/ich muss wiederholen, du hast unrecht*, когда говорящий намеревается отразить положение дел в мире и высказывание приводится в соответствие с действительностью. Контекст 1-го лица, таким образом, придает модальным маркерам перформативную функцию, превращая их в «скрытые перформативы» [5, с. 105], клишированные формы ассертивного типа. При этом необходимо отметить, что перформативный характер данным конструкциям обеспечивает языковая система. В русском языке в них используются только глаголы говорения совершенного вида (ср. [6]).

При замене 1-го лица на 2-е возникает неидиоматическое сочетание с предикацией, отнесенной к будущему, и однозначной побудительностью, отсутствующей в случае 1-го лица, ср.: *я должен сказать ему правду <> ты должен сказать ему правду*.

Основным семантико-прагматическим ограничением на использование я-структур выступает контекст, который характеризуется смягченной категоричностью, являясь «нефорсированным» [5, с. 105]. Употребление модальной лексемы в подобных конструкциях служит смягчению утвердительности и снятию коммуникативного выделения с речевого глагола [5], у которого компонент ‘говорение’ тематизирован изначально, ср.: *я скажу, что... <> должен сказать, что... .*

Со структурной позиции существуют два типа деонтических клише с речевыми глаголами.

1. Сложноподчиненные структуры, где деонтическая конструкция является главной частью сложноподчиненного изъяснительного предложения: *должен сказать, что.../ich muss sagen, dass...* , например:

Должен сказать, что результаты этих поездок довольно удручающие (Д. Викторов. «Стена» // Бизнес-журнал, 23.10.2003) [НКРЯ];

Ich muss sagen, da hat sich bereits unheimlich viel getan, wenn man an die letzten 20 Jahre denkt (А. Merkel. «Rede bei der Bundesregierung», 15.06.2015) [DWDS] ‘Я должен сказать, что многое уже произошло, если рассматривать последние 20 лет’.

2. Конструкции с объектными группами, которые сжато вводят предмет, получающий в дальнейшем содержательное расширение: *должен сказать о.../ ich muss von... sagen* или сочетания речевого глагола с дейктиком *это/ das* в анафорической функции, соотношенным с последующей фразой: *я должен это сказать, а именно/ich muss das sagen* : + содержание того, что стоит за, например:

Тут я должен сказать о природе нашего общества, которая чрезвычайно затрудняла такое опознание (Л. Карпинский. «Как жить не по лжи в антимире», 1992) [НКРЯ] → я должен сказать, природа нашего общества чрезвычайно затрудняла такое опознание;

...ich muss das sagen, auch wenn es Ihnen nicht passt: Milliarden schwere Haushaltsrisiken wurden ignoriert (3. Sitzung des 14. Bundestages) [DWDS] ‘Я должен это сказать, даже если это вас не устраивает: миллиарды крупных бюджетных рисков были проигнорированы’.

Несмотря на то, что, как отмечают А. А. Зализняк и Е. В. Падучева, «модальные глаголы принадлежат к числу семантических операторов с максимально широкой сочетаемостью» [3, с. 92], не все речемыслительные глаголы попадают в зону действия деонтических операторов.

Обращения к корпусам русского и немецкого языков обнаруживает, что в деонтических я-конструкциях отмечаются речевые глаголы обоих семантических множеств, выделяемых Н. Ю. Шведовой: не характеризующиеся и характеризующиеся по содержанию [7, с. 458], однако в комбинации с деонтическим маркером представлены единицы далеко не всех подмножеств. Так, среди речевых глаголов, не характеризующихся по содержанию, в сочетании с деонтическим маркером фиксируются лексемы следующих подмножеств: сообщение, представление, характеристика, описание, повторение, добавление, акцентирование/подчеркивание, объяснение/аргументация, попутная информация. Из числа характеризующихся по содержанию лексем отмечаются комбинации с глаголами, выражающими предупреждение/предостережение, уверение, согласие/одобрение/подтверждение, возражение/несогласие, обещание.

При этом необходимо отметить, что деонтические конструкции немецкого языка беднее по содержанию по сравнению с русским: набор речевых глаголов, используемых в сочетании с модальными маркерами, гораздо уже. Это говорит о меньшем объеме реализуемых ими текстовых функций, которые обусловлены именно семантикой речевых глаголов. То, что в русском языке палитра оказывается больше, чем в немецком, может объясняться свойственными каждому языку особенностями конвенций употребления (Morgan 1978) [цит. по: 5, с. 116].

Семантика деонтических маркеров, которые используются в сочетании с действием-говорением, охватывает как зону деонтической возможности, так и зону деонтической необходимости.

Количество деонтических лексем в русском языке шире, чем в немецком, и включает следующие единицы: для необходимости – *должен, обязан, не могу не, вынужден, считаю необходимым*, для возможности – *позволю себе, считаю себя вправе, вправе, имею право*. В немецком языке в подобных конструкциях используются лишь две модальные лексемы: глагол *müssen (ich muss* ‘я должен’) для обязательности и *dürfen (ich darf* ‘я имею право’) для разрешительности.

Отметим, что модальный маркер *могу/kann* не рассматривается нами как деонтический, поскольку глагол *мочь* представляет собой ядерный алетический оператор и в сочетании с глаголом говорения реализует семантику объективной возможности, а не деонтическое значение права, разрешительности.

Кроме ядерных субъектных структур с речевыми глаголами перволичность, объединяющая в одном высказывании говорящего и деонтического субъекта, может быть имплицирована и выражаться бессубъектной конструкцией (*надо, нужно, необходимо, нельзя не, приходится, стоит + сказать/taun muss, darf + sagen*). В этом случае субъект деонтики выявляется из контекста.

Для установления сочетаемостных возможностей модальных маркеров с речевыми глаголами мы использовали основные корпуса немецкого и русского языков. Помимо эмпирической поддержки как качественного метода использования корпусов, они также обеспечивают информацию по частотности. Корпусные данные о возможных комбинациях модальных маркеров с речевыми глаголами и их частотности суммированы в таблице. Количество проанализированных вхождений в корпус составило для немецкого языка – около 6 800, для русского – около 15 000. Такая количественная несопоставимость объясняется бóльшим числом речевых глаголов в русском языке.

Дополнительно для уточнения, при отсутствии сочетания в корпусе, мы обращались к поисковым системам *google.de, yandex.ru*. Так, например, корпус русского языка фиксирует лишь некоторые комбинации маркеров *обязан, вправе*. Уточненные данные, полученные через поисковые системы, показывают, что деонтические конструкции с данными лексемами могут быть использованы с любым глаголом из перечисленных в таблице, например:

Господин Советник, я обязан уточнить. Мы ликвидируем... всех?.. [А-1];

Я обязан констатировать, что ни одна из них не выполнила и не выполняет в полном объеме конституционные требования...» (Интервью с Анатолием Собчаком. «Опасно идти на пересмотр основополагающих конституционных норм» // Журнал российского права. – 2000. – № 9. – С. 4) [НКРЯ];

Здесь я обязан повторить еще и еще раз: все примеры, приводимые выше, и те, которые будут рассматриваться дальше, – это мое сугубо субъективное понимание той или иной пьесы [А-2];

Я не могу касаться личных обстоятельств незнакомого мне человека, но, видимо, вправе процитировать уже опубликованную в антологии «Самиздат века» справку... [А-3].

Для ранжирования частотности и корпусной представленности в таблице использованы следующие принципы обозначений:

1) маркированные *** комбинации зафиксированы в корпусах более чем в 10 вхождениях;

2) помета ** использовалась для сочетаний, отмеченных в редких случаях (менее 5 вхождений в корпусах);

3) указание * применялось для случаев, не отмеченных в корпусах, но найденных в поисковых системах (*google.de, yandex.ru*).

Сочетания деонтических маркеров речевых глаголов и степень их частотности

33

Речевой глагол		Деонтическая																				
		необходимость																возможность				
		структура																				
		субъектная					бессубъектная										субъектная					
русский	немецкий	<i>обязан</i>	<i>должен</i>	<i>ich muss</i>	<i>считаю необходимым</i>	<i>вынужден¹</i>	<i>не могу не</i>	<i>нужно</i>	<i>man muss</i>	<i>надо</i>	<i>необходимо</i>	<i>следует</i>	<i>стоит</i>	<i>приходится</i>	<i>нельзя не</i>	<i>позволю себе</i>	<i>считаю себя вправе</i>	<i>вправе</i>	<i>имею право</i>	<i>ich darf</i>		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21		
Общее количество вхождений модального маркера в корпусе		47	1210	3467	67	118	522	1380	3034	5292	1012	3245	671	394	650	357	16	12	20	296		
<i>сказать</i>	<i>sagen</i>	***	***	***	***	***	***	***	***	***	***	***	***	—	***	***	***	***	***	***		
<i>подчеркнуть</i>	<i>betonen</i>	**	***	***	**	*	**	***	***	**	***	***	***	**	***	**	—	—	—	**		
<i>отметить</i>		**	***		**	**	**	**		**	**	**	**	**	**	**	**	**	*		*	*
<i>обратить внимание</i>		*	***		**	**	**	**		**	**	**	**	**	**	**	**	**	**		—	—
<i>заметить/сделать замечание</i>	<i>bemerken</i>	*	***	***	**	***	***	***	***	***	***	***	***	**	***	***	—	—	—	**		
<i>уточнить</i>		*	***		*	**	**	**		***	*	***	**	**	—	**	—	—	—			
<i>добавить, дополнить</i>	<i>hinzufügen, ergänzen</i>	*	***	***	**	**	***	***	***	***	***	***	***	**	**	**	—	—	—	***		
<i>остановиться на... (теме/вопросе)</i>	<i>erwähnen</i>	*	***	***	***	**	***	**	***	**	***	**	**	**	***	***	—	—	—	***		
<i>затронуть тему, коснуться вопроса</i>		*	***		**	**	**	**		**	**	**	**	—	—	**	—	**	—		—	—
<i>выразить сомнения/уверенность/убеждение/мнение/идею/мысль</i>		—	—	—	—	—	² *	³ *	—	⁴ **	—	—	—	—	—	⁵ ***	—	—	*	*		

¹ Глагол *вынужден* используется чаще всего в прошедшем или будущем времени.

² В сочетании с *выразить уверенность*.

³ В сочетании с *выразить (мою) мысль*.

⁴ В сочетании с *выразить свое убеждение, мысль*.

⁵ В сочетании *выразить свое убеждение, сомнение*; в сочетании с *высказать мнение, предположение, гипотезу, суждение, утверждение*.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
<i>высказать сомнения/ уверенность/убеждение/ мнение/мысль/соображения</i>	<i>meine Vermutung/ Überzeugung/ Meinung äußern</i>	—	** ¹	—	** ²	—	—	** ³	—	—	—	—	—	—	—	***	—	—	—	*
<i>предположить</i>	<i>vermuten</i>	** ⁴	**	***	—	**	**	***	***	***	***	***	**	***	***	***	—	*	*	**
<i>усомниться</i>		*	**	—	—	—	*	**	—	*	—	**	—	**	**	***	—	*	***	—
<i>констатировать (утверждать)</i>	<i>feststellen</i>	*	***	***	—	***	**	***	**	**	***	***	**	***	**	—	**	*	*	***
<i>подтвердить</i>	<i>bestätigen</i>	—	**	***	—	*	**	—	**	**	**	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>сделать вывод</i>		—	—	—	—	*	*	**	—	**	***	***	**	***	—	**	—	*	*	—
<i>заключить</i>		—	***	—	—	*	**	**	—	***	**	***	—	***	**	**	—	**	**	—
<i>повторить</i>	<i>wiederholen</i>	*	***	**	*	***	***	**	—	—	**	**	**	*	**	***	—	—	—	**
<i>подытожить</i>		—	*	—	*	*	*	—	—	—	—	—	—	—	—	*	—	*	*	—
<i>продолжить</i>	<i>weetersagen</i>	—	—	**	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	***	—	*	—	—
<i>привести ... (пример, цитату)</i>		**	**	—	**	***	***	—	—	—	—	—	—	—	—	***	**	—	*	—
<i>назвать ... (имена, цифры)</i>	<i>nennen</i>	*	***	**	—	—	***	—	—	—	—	—	—	—	—	**	*	*	*	—
<i>процитировать</i>	<i>zitieren</i>	*	**	—	**	**	***	—	—	**	—	*	**	—	—	***	*	—	*	—
<i>напомнить</i>	<i>erinnern</i>	** ⁵	***	—	***	***	***	**	**	***	***	***	***	**	**	***	—	—	—	**
<i>признать</i>	<i>zugeben/gestehen</i>	*	***	***	**	***	***	***	*	***	***	***	***	***	***	—	—	—	—	**
<i>предупредить</i>	<i>warnen</i>	***	***	***	**	**	**	**	**	***	**	**	—	—	—	*	*	—	—	—
<i>возразить</i>	<i>widersprechen</i>	*	**	***	*	*	**	—	**	—	—	**	—	**	—	*	—	—	—	—
<i>согласиться</i>	<i>zustimmen/zusagen</i>	*	***	**	*	***	***	**	—	***	—	**	**	***	***	*	—	*	*	—
<i>сообщить</i>	<i>mitteilen</i>	***	***	**	**	***	**	***	*	**	—	*	—	—	—	***	—	—	*	**
<i>заявить</i>	<i>erklären, äußern</i>	**	***	***	**	**	**	**	**	**	**	—	—	**	—	**	*	M	—	**
<i>объяснить (прояснить)</i>	<i>erklären, klären</i>	**	***	***	**	*	—	**	***	***	*	**	—	***	—	*	**	—	*	**
<i>обосновать</i>		—	—	—	**	—	—	**	—	*	*	*	*	—	—	*	—	—	—	—
<i>предложить</i>	<i>vorschlagen</i>	**	**	—	**	**	**	—	—	—	—	—	—	—	—	***	—	—	*	**
<i>заверить</i>	<i>versichern</i>	—	**	**	**	*	*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	***
<i>пообещать</i>	<i>versprechen</i>	—	—	***	—	*	**	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	**

¹ В сочетании с *высказать соображения, мысль*.

² В сочетании с *высказать сомнения, соображения, мнение*.

³ В сочетании с *высказать мысль, точку зрения*.

⁴ В сослагательном наклонении.

⁵ Только в сочетании с союзом *как* (например, *как представитель власти*).

Деонтические маркеры характеризуются различной степенью сочетаемости с речемыслительными глаголами: достаточно универсальной, широкой и узкой, при этом они демонстрируют схожие комбинации в немецком и русском языках.

Максимально широкой сочетаемостью характеризуются разрешительный маркер автореферентного характера *позволю себе* и передающая обобщенный деонтический смысл лексема *должен* и модальная комбинация *не могу не*, синонимичная лексеме *должен*, характеризующаяся усилительным смыслом за счет двойного отрицания. Они используются практически со всеми указанными речевыми глаголами разных семантических подмножеств. Для маркера *позволю себе* есть незначительные ограничения на соединение с глаголами *констатировать*, *подтвердить*, для модальной единицы *должен* – с действием по совершению выводов, вытекающих из чего-либо, обобщению сделанного, сказанного, для структуры *не могу не* – на осуществление дальше того, что начато. К группе квазиуниверсальных маркеров относится и немецкая конструкция *ich muss*, передающая деонтику, обусловленную внешними факторами (тяготее к русскому аналогу *вынужден*) или внутренними решениями говорящего (являясь эквивалентом *должен*). Она сочетается со всеми указанными немецкими речемыслительными глаголами без ограничений.

Широкой сочетаемостью обладают маркеры обязательности, в семантику которых встроен еще какой-нибудь компонент, накладываемый на деонтическое значение. К ним относятся автореферентная конструкция с пропозициональной установкой мнения *считаю необходимым* (= считаю, что необходимо), в которую встроен деонтический компонент со значением 'быть таким, как должно, как принято, как установлено', предикатив *вынужден*, в семантике которого имплицирован компонент несоответствия действия воле/желанию говорящего.

Следует отметить, что для квазиуниверсального маркера *позволю себе* и для модальных лексем с широкой сочетаемостью решающим для соединения с глаголами мыслительной деятельности является их принадлежность к одной из деонтических зон: необходимости или возможности. Наличие в семантике речевого глагола дополнительного эпистемического компонента ограничивает возможности его сочетания с маркерами деонтики. Так, разрешительные маркеры комбинируются с глаголами, выражающими осознанную субъективность: предположение, сомнение, мнение, умозаключение, оценку возможности (*предположить*, *усомниться*, *сделать вывод*), а также с речевыми конструкциями со смысловым компонентом проявления, обнаружения этой оценки (*выразить предположение/сомнения* и т.д.), с которыми маркеры необходимости демонстрируют невысокую сочетаемость. В свою очередь, последние активно употребляются с глаголами речемыслительной деятельности, в семантике которых речь идет о подтверждении/верификации факта, имеющего место в действительности (*констатировать*, *подтвердить*), но не сочетаются с разрешительным маркером *позволю себе*.

К деонтическим единицам с ограниченными сочетаемостными возможностями, «притягивающим» к себе гораздо меньше речевых глаголов, относятся лексемы *обязан*, *вправе*, *имею право*. Низкая комбинаторная способность русских единиц обусловлена их семантикой, которая указывает на определенные условия, требующие обязательности (общественные требования общественный долг, должность, а также внутреннее побуждение, обусловленное принятыми в обществе моральными ценностями). Значение *обязан* гораздо уже, чем у синонимичного, как указывается в словарях, *должен*: оно сводится к существованию у говорящего некой обязанности исполнять определенные действия при указанных условиях.

Аналогично выглядит и семантическое ограничение разрешительных единиц *вправе* и *имею право* и немецкой конструкции *ich darf* 'мне позволено/имею право'. Сочетаемостное ограничение возникает в результате того, что в их семантике заложен деонтический фактор: возможность действовать или поступать каким-либо образом, гарантированная официально (законами, постановлениями и т.д.) либо обусловленная моральными основаниями, для немецкой лексемы – обстоятельствами или этическими нормами. Именно официальность предоставляемого права данных лексем обуславливает их ограниченные комбинаторные возможности с речевыми маркерами попутной и дополнительной информации (*добавить*, *уточнить*), а также композиционной структуры (*повторить*, *продолжить*).

В группу с узкой сочетаемостью входят также бессубъектные структуры *надо* и *нужно*, *необходимо* и немецкий эквивалент *man muss*. Отсутствие в высказывании эксплицитированного лица обуславливает их низкую комбинаторику с глаголами, требующими присутствия субъекта действия, такими как *проиллюстрировать*, *обратить внимание*, а также глаголами социального взаимодействия (*согласиться*, *возразить* и т.д.).

Компоненты значения модальных единиц *стоит*, *приходится*, *нельзя не*, используемых в бессубъектных структурах, ограничивают их сочетаемостные возможности. Так, модальная единица *стоит* содержит в своем значении компонент целесообразности. Лексема *приходится* указывает на некие трудности в реализации действия, с которыми сталкивается говорящий. Структура *нельзя не*, синонимичная *приходится*, *необходимо*, *должно*, характеризуется некоторой размытостью своего деонтического значения.

Очевидно, что конкретные возможности заполнения деонтической структуры «модальный маркер + речевой глагол» актуализуются в дискурсах. Дальнейшие ограничения на использование той или иной конструкции накладывает матрица дискурса. Степень сочетаемости указывает на диапазон функциональных возможностей деонтических клише в тексте. Семантическое своеобразие деонтических клише формируется на основе сигнификативной соотнесенности каждого речевого глагола к определенному семантическому подклассу.

Таким образом, степень сочетаемости деонтического маркера и речевого глагола обусловлена, с одной стороны, отнесенностью деонтического опера-

тора к определенной семантической зоне деонтики – необходимости или возможности и степенью обобщенности его модального смысла. С другой стороны, некоторые ограничения накладывает семантика речевого глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Падучева, Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью : референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева ; отв. ред. В. А. Успенский. – Изд. 5-е, испр. – М. : URSS Изд-во ЛКИ, 2008. – 291 с.
2. *Степанов, Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
3. *Зализняк, А. А.* Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте / А. А. Зализняк, Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М. : Наука, 1989. – С. 92–116.
4. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с фр. Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1974. – 447 с.
5. *Добровольский, Д. О.* Высказывания от 1-го лица: семантика и прагматика / Д. О. Добровольский, Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. – М., 2010. – С. 104–121.
6. *Апресян, Ю. Д.* Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян // Избр. тр. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – С. 199–219.
7. *Шведова, Н. Ю.* Русский семантический словарь : Толковый слов., систематизир. по классам слов и значений : в 6 т. / Рос. акад. наук ; Отд-ние лит. и яз., Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : ИРЯ, 1997–2007. – Т. 3. – М., 2007. – 947 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 21.09.2019.

DWDS – Национальный корпус немецкого языка. – Режим доступа : <https://www.dwds.de/r>. – Дата доступа : 21.09.2019.

А-1 – *Прошкин, Е.* Твоя половина мира [Электронный ресурс] / Е. Прошкин. – Режим доступа : https://www.e-reading.club/chapter.php/46861/24/Proshkin_Tvoya_polovina_mira.html. – Дата доступа : 21.09.2019.

А-2 – *Попов, П.* Режиссура. О методе [Электронный ресурс] / П. Попов. – Режим доступа : <https://studfiles.net/preview/2957339/page:4/>. – Дата доступа : 21.09.2019.

А-3 – *Айзенберг, М.* Разговор о читательском праве [Электронный ресурс] / М. Айзенберг. – Режим доступа : <https://lit.wikireading.ru/30697>. – Дата доступа : 21.09.2019.

This article discusses the specifics of self-referencing deontic constructions in two unrelated languages, German and Russian. The peculiarity of these constructions becomes visible on the level of their illocutionary and semantic structure. The first person allows deontic markers to be combined with speech-reflexive verbs. The analysis reveals that the restrictions on the combination of a marker with a speech verb are determined by both the modal semantics of the deontic marker and the meaning of the speech-reflexive verb.

Поступила в редакцию 09.10.2019

І. К. Цівунчык

БЕЛАРУСКА-ФРАНЦУЗСКІЯ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫЯ ЭКВІВАЛЕНТЫ СА ЗНАЧЭННЕМ ФІЗІЧНАГА СТАНУ ЧАЛАВЕКА

В статье рассматривается проблема межъязыковых отношений фразеологизмов. Приводится обзор лингвистических исследований по указанной проблеме, выделяются основные показатели фразеологической эквивалентности. На материале белорусских и французских фразеологизмов со значением физического состояния человека выделяются и подробно анализируются фразеологические полные и частичные эквиваленты, которые характеризуются тождественной семантикой, структурно-грамматической организацией и компонентным составом или тождественны в плане содержания с незначительными расхождениями в плане выражения.

Эквівалентнасць моўных адзінак у лінгвістыцы разглядаецца ў розных аспектах, напрыклад, пры вывучэнні суадноснасці слова і фразеалагізма ў межах адной мовы, фразеалагізмаў у міжмоўным плане і інш.

Пад *эквівалентнасцю* ў шырокім сэнсе разумеюцца «такія адносіны паміж лінгвістычнымі адзінкамі, калі яны валодаюць якімі-небудзь агульнымі ўласцівасцямі, якія ім дазваляюць выконваць аднолькавую функцыю» [1, с. 12]. Адносіны эквівалентнасці «грунтуюцца на ўстанаўленні падабенстваў і адрозненняў паміж вывучаемымі элементамі» [Там жа, с. 11].

Паняцце міжмоўнай фразеалагічнай эквівалентнасці атрымала асвятленне ў працах А. Ф. Арсенцьевай [2; 3; 4], Д. А. Дабравольскага [5], В. Н. Камісарава [6], А. У. Куніна [7], А. Д. Райхштэйна [8], Ю. П. Саладуба [9; 10], Э. М. Саладухі [11] і інш. Аднак падыходы лінгвістаў да вырашэння праблемы міжмоўнай суадноснасці фразеалагічных адзінак адрозніваюцца.

Вар'іруецца і колькасць тыпаў міжмоўных фразеалагічных эквівалентаў. Так, даследчык А. Д. Райхштэйн вылучае 7 тыпаў міжмоўных адносін: тоеснасці, лексічныя варыянты, ідэаграфічная сінонімы, стылістычныя сінонімы і інш. У Ю. П. Саладуба іх толькі 2: фразеалагічныя эквіваленты і безэквівалентныя фразеалагізмы. Класіфікацыя міжмоўных фразеалагічных адпаведнікаў Э. М. Саладухі налічвае 3 тыпы: поўныя эквіваленты, абмежаваныя эквіваленты, міжмоўныя фразеалагічныя амонімы.

Няма адзінства і ў тэрміналогіі. Разам з тэрмінам «эквівалент» у працах лінгвістаў выкарыстоўваюцца і іншыя тэрміны – «міжмоўныя фразеалагічныя адэкваты», «міжмоўныя фразеалагічныя адзінкі», «ідэяматычныя адпаведнасці», «паралелі», «тоеснасці», «эквівалентныя ізафраземы» і інш.

На нашу думку, пры выяўленні ступені эквівалентнасці найбольш абгрунтаванымі з'яўляюцца падыходы А. Ф. Арсенцьевай [2]. Улічваючы вывады гэтага аўтара, а таксама ўласныя распрацоўкі, пры вызначэнні беларуска-французскіх фразеалагічных эквівалентаў са значэннем фізічнага стану чалавека мы карысталіся 3 паказчыкамі: семантычным (параўноўваліся сігніфікатыўна-дэнататыўнае значэнне, унутраная форма і семны склад фразеалагічных адзінак), структурна-граматычным (супастаўляліся структурныя мадэлі фразеалагізмаў) і кампанентным (улічваюцца лексічны склад фразеалагічных адзінак). У адпаведнасці з гэтым устаноўлены наступныя тыпы міжмоўных адносін фразеалагізмаў: 1) фразеалагічныя эквіваленты; 2) фразеалагічныя аналагі; 3) безэквівалентныя фразеалагізмы.

Падрэбязна спынімся на фразеалагічных эквівалентах – самым рэпрэзентатыўным класе міжмоўных адпаведнасцей. Крыніцай фактычнага матэрыялу паслужылі фразеалагічныя слоўнікі беларускай і французскай моў [12; 13].

Да міжмоўных фразеалагічных эквівалентаў беларускай і французскай моў са значэннем фізічнага стану чалавека адносяцца фразеалагізмы, якія характарызуюцца тоеснай семантыкай, структурна-граматычнай арганізацыяй і кампанентным складам або тоесным планам зместу з нязначнымі разыходжаннемі ў плане выражэння. Напрыклад, фразеалагічныя адзінкі *на краі магілы* 'ў блізкім да смерці становішчы (быць, адчуваць сябе і пад.)' / (*être*) *sur le bord de la fosse* (літар. (быць) на краі магілы) 'быць блізкім да смерці' з'яўляюцца эквівалентнымі на падставе супадзення значэння, якое адлюстравана аднолькавым семным складам (інтэгральныя семы 'фізічны стан', 'стан здароўя', 'хворы чалавек' + дыферэнцыйная сема 'хворы, блізкі да смерці') унутранай формы. Аднолькавая і іх марфалагічная характарыстыка: несуднасныя з часцінамі мовы. Абодва фразеалагізмы адносяцца да размоўных адзінак, супадае іх кампанентны склад.

Беларускі фразеалагізм *<адна> скура (шкура) ды косці* і французскі *n'avoir que la peau et les os* (літар. мець толькі шкуру ды косці) – 'вельмі худы, змарнелы' з'яўляюцца эквівалентамі пры аднолькавым значэнні (інтэгральныя семы 'фізічны стан', 'знешні фізічны стан', 'целасклад', дыферэнцыйная сема 'худзізна') і тоеснай унутранай форме. Абодва фразеалагізмы з'яўляюцца размоўнымі, амаль поўнасю супадае іх граматычная структура (бел. «лічэбнік у значэнні часціцы + назоўнік + злучнік + назоўнік» і фр. «дзеяслоў + часціца + назоўнік + злучнік + назоўнік»). Што датычыцца кампанентнага складу, то ў беларускім фразеалагізме факультатыўная частка *<адна>* можа апускацца, у французскім фразеалагізме такая частка адсутнічае.

На аднолькавым вобразе пабудаваны фразеалагізмы *ў цікавым становішчы* / *dans une position (une situation, un état) intéressante* (літар. у цікавым становішчы (сітуацыі, стане)) – 'у стане цяжарнасці'. Фразеалагічныя адзінкі ўступаюць у адносіны эквівалентнасці на падставе супадзення семантычнага і структурна-граматычнага паказчыкаў. Адрозненне назіраецца ў кампанентным складзе, што адлюстравана лексічнай варыянтнасцю (*position, situation, état*) французскага фразеалагізма.

Як відаць з прыкладаў, эквівалентнымі выступаюць фразеалагізмы, што характарызуюцца або поўным супадзеннем плана зместу і плана выражэння, або поўным супадзеннем плана зместу і нязначнымі разыходжаньнямі ў плане выражэння. У адпаведнасці з гэтым фразеалагічныя эквіваленты можна падзяліць на *поўныя* альбо *няпоўныя* (частковыя).

Поўныя фразеалагічныя эквіваленты беларускай і французскай моў выяўляюцца пры тоеснасці іх сігніфікатыўна-дэнататыўнага значэння, унутранай формы, суб'ектыўна-ацэначнай, эмацыянальна-экспрэсіўнай, функцыянальна-стылявой канатацыі, семнага і кампанентнага складу, структурна-граматычнай арганізацыі. Так, беларускі фразеалагізм (п'яны) *як свіння* выступае поўным эквівалентам французскага (*soûl*) *comme un cochon* (літар. (п'яны) як свіння) паводле семантыкі ('вельмі моцна') і суб'ектыўна-ацэначнай канатацыі, якія адлюстраваны аднолькавым наборам сем (інтэгральныя семы 'фізічны стан', 'стан ап'янення' + дыферэнцыйная сема 'моцнае ап'яненне'), унутранай формы. Супадае іх эмацыянальна-экспрэсіўная афарбоўка – неадабрэнне. Па функцыянальна-стылявой прыналежнасці фразеалагізмы з'яўляюцца размоўнымі. Аднолькавая і структурна-граматычная арганізацыя: абодва адносяцца да прыслоўных і адпавядаюць мадэлі «злучнік + назоўнік». Кампанетны склад фразеалагічных адзінак цалкам супадае.

У адносіны поўнай эквівалентнасці ўступае таксама фразеалагічная пара ў *цэле* 'поўны, укармлены, сыты' / *en chair* (літар. у *цэле*) 'поўны, укармлены'. Супадзенне плана зместу і плана выражэння пацвярджаецца тоеснасцю семнага складу (інтэгральныя семы 'фізічны стан', 'целасклад' + дыферэнцыйная сема 'паўната'), суб'ектыўна-ацэначнай афарбоўкі (станоўчая), функцыянальна-стылявой прыналежнасці (размоўныя), структурна-граматычнай мадэлі («прыназоўнік + назоўнік») і лексічнага складу фразеалагізмаў.

Да поўных эквівалентаў адносяцца таксама фразеалагічныя адзінкі *дні злічаны* / *ses jours sont comptés* (літар. *дні злічаны*) – 'каму-н. засталася нядоўга жыць'; у *форме* 'ў такім стане, калі найбольш поўна праяўляюцца сілы, здольнасці, уменне каго-н.' / *en forme* (літар. у *форме*) 'у добрым фізічным стане, поўны сілы' і інш.

Наяўнасць поўных фразеалагічных эквівалентаў у беларускай і французскай мовах тлумачыцца дзвюма асноўнымі прычынамі.

Па-першае, гэта агульнасць пазамоўнай асновы фразеалагізмаў: з'яў рэчаіснасці, рэалій, аднолькавых для носьбітаў розных моў, незалежна ад геаграфічных, эканамічных, кліматычных і іншых умоў: *на смяротнай пасцелі* / *à (au, sur) son lit de mort* (літар. на смяротнай пасцелі); (спаць) *сном праведніка* / *(dormir) du sommeil du juste* (літар. (спаць) сном праведніка); *спаць вечным сном* / *dormir du sommeil éternel* (літар. спаць вечным сном); *тугі на вуха* / *dur d'oreille* (літар. тугі на вуха) і інш. Звычайна «прататыпы такіх фразеалагізмаў адлюстроўваюць фізіялагічны стан, дзеянні або рэакцыі чалавека на тыя ці іншыя працэсы, якія адбываюцца ў навакольным асяроддзі, і з'яўляюцца ўніверсальнымі для ўсіх людзей» [14, с. 167];

Па-другое, значная частка фразеалагізмаў супадае па прычыне калькавання, напрыклад, з французскай мовы: *en forme* → *у форме* [16, с. 388], *cadavre vivant* → *жывы труп* [15, с. 128], *jusqu'à la moelle des os* → *да мозгу касцей* [Там жа, с. 110].

Да поўных эквівалентаў адносяцца 15 беларуска-французскіх фразеалагічных пар, што складае каля 5 % у беларускай і французскай мовах ад усёй колькасці фразеалагізмаў, якія абазначаюць фізічны стан чалавека. Наяўнасць невялікай колькасці поўных фразеалагічных эквівалентаў тлумачыцца тым, што «ў кожнай мове фразеалогія з'яўляецца найбольш своеасаблівай часткай слоўнікавага складу. І вялікая колькасць фразеалагічных адзінак захоўвае пэўны нацыянальны каларыт» [16, с. 21].

Ч а с т к о в ы я фразеалагічныя эквіваленты – гэта фразеалагізмы, якія супадаюць сігніфікатыўна-дэнататыўным і канататыўным значэннямі, але маюць нязначныя разыходжанні ў плане выражэння. Іншымі словамі, адносіны частковай фразеалагічнай эквівалентнасці – «гэта адносіны няпоўнай (частковай) тоеснасці – прамежкавыя ступені, якія існуюць разам з адносінамі поўнай тоеснасці і поўнага адрознення фразеалагічных адзінак» [8, с. 24].

Сярод беларускіх і французскіх фразеалагізмаў, якія ўступаюць у адносіны частковай эквівалентнасці, можна вылучыць 3 групы.

Да першай групы адносяцца фразеалагізмы, якія адрозніваюцца адным лексічным кампанентам. Напрыклад, беларускі фразеалагізм *на нагах* у значэнні 'здоровы, не хворы' супадае з французскім фразеалагізмам *être (se tenir) sur ses quilles* (літар. быць (трымацца) на кеглях) 'здоровы' (*quilles* разм. 'ногі'). Фразеалагізмы маюць аднолькавае сігніфікатыўна-дэнататыўнае значэнне і суб'ектыўна-ацэначную афарбоўку і, адпаведна, аднолькавы набор сем: 'фізічны стан', 'стан здароўя' і 'здоровы чалавек'. Яны адносяцца да размоўных адзінак і належаць да семантыка-граматычнага разраду прыметнікавых са структурай «прыназоўнік + назоўнік». Аднак адрозніваюцца лексемамі сумежнай семантыкі: *ногі* і *quilles* (кеглі).

Фразеалагізмы *ляскаць зубамі / claquer du bec* (літар. ляскаць дзюбай) пры тоеснай семантыцы 'адчуваць моцны голад; недаядаць, галадаць' (інтэгральныя семы 'фізічны стан', 'фізіялагічны стан', 'стан голаду' + дыферэнцыйная сема 'моцны голад'), тоеснай функцыянальна-стылявой афарбоўцы (прастамоўныя), граматычнай структуры «дзеяслоў + назоўнік» адрозніваюцца кампанентным складам. Лексічныя адрозненні *зубы / bec* (дзюба) не парушаюць семантычнай эквівалентнасці гэтых фразеалагізмаў.

Другая група аб'ядноўвае частковыя беларуска-французскія фразеалагічныя эквіваленты са значэннем фізічнага стану чалавека, якія адрозніваюцца варыянтнымі кампанентамі сумежнай (несумежнай) семантыкі або колькасцю кампанентаў. Напрыклад, фразеалагізмы *пайсці (сысці) у магілу (у зямлю) / descendre dans la tombe* (літар. сысці ў магілу) характарызуюцца тоеснай семантыкай ('памерці') і вобразнасцю. Абодва адносяцца да размоўных адзінак. Фразеалагізмы маюць структуру «дзеяслоў + прыназоўнік + назоўнік» і належаць да дзеяслоўных. Адрозненне эквівалентаў

зводзіцца да таго, што ў беларускім фразеалагізме вар’іруецца і дзеяслоўны кампанент (*пайсці, сысці*), і назоўнікавы (*магіла, зямля*), у французскім фразеалагізме варыянтных кампанентаў няма.

Беларускі фразеалагізм *зламаць <сабе> галаву (шыю)* у значэнні ‘скалечыцца, загінуць’ эквівалентны французскаму фразеалагізму *se casser le cou* (літар. *зламаць сабе шыю*) ‘скалечыцца ў выніку падзення’. Фразеалагізмы ўступаюць у адносіны частковай эквівалентнасці: супадае іх семны склад (інтэгральныя семы ‘фізічны стан’, ‘лятальны стан’ + дыферэнцыйная сема ‘ненатуральная смерць’), суб’ектыўна-ацэначная і эмацыянальна-экспрэсіўная канатацыя, адносяцца да прастамоўных адзінак. Разам з тым часткова адрозніваюцца кампанентным складам (беларускім кампанентам *галава, шыя* адпавядае толькі адзін французскі кампанент *cou* (шыя)). Аб разыходжанні ў плане выражэння сведчыць таксама факультатыўны беларускі кампанент *<сабе>*: фразеалагізм можа ўжывацца ў скарочаным выглядзе – *зварнуць галаву (шыю)*, у той час, калі французскі фразеалагізм ужываецца толькі ў адной форме – *se casser le cou* (літар. *зламаць сабе шыю*).

Фразеалагізмы *лажыцца ў магілу (у труну, у дамавіну, у зямельку) / descendre au cercueil (tombeau)* (літар. *спусціцца ў труну, магілу*) таксама часткова эквівалентныя, бо супадаюць значэннем (‘паміраць’), унутранай формай, нейтральнай ацэначнасцю, стылявой прыналежнасцю (размоўныя), пабудаваны па аднолькавай структурна-граматычнай мадэлі («дзеяслоў + прыназоўнік + назоўнік»), адносяцца да дзеяслоўных. Адрозненне заключаецца ў тым, што ў беларускім эквіваленце назоўнікавых кампанентаў чатыры – *магіла, труна, дамавіна, зямелька*, у французскім толькі два – *cercueil* і *tombeau*.

Яшчэ некаторыя прыклады частковых беларуска-французскіх эквівалентаў: *адной нагой стаяць у магіле (у труне) / avoir un pied dans la fosse (tombe)* (літар. *быць адной нагой у магіле*) – ‘дажываць сваё жыццё, быць блізім да смерці, звычайна пра хворага ці старога чалавека’; *зацягваць (пацягваць) пояс / se mettre (serrer) la ceinture* (літар. *апранаць (зацягваць) пояс*) – ‘адчуваць вострую недастачу, жыць у крайняй беднасці’; *сходзіць (сходзіць) са сцэны / quitter la scène* (літар. *сходзіць са сцэны*) – ‘перастаць існаваць, паміраць’ і інш.

Да трэцяй групы частковых эквівалентаў адносяцца фразеалагізмы з некаторымі адрозненнямі ў марфалагічным афармленні кампанентаў (іншыя родавыя, лікавыя, склонавыя формы і інш.). У гэтую групу ўваходзіць, напрыклад, фразеалагічная пара *аддаць духі / rendre l’esprit* (літар. *аддаць дух*). Пры супадзенні сігніфікатыўна-дэнататыўнага значэння (‘памерці’) і, адпаведна, семнага складу (інтэгральныя семы ‘фізічны стан’, ‘лятальны стан’ + дыферэнцыйная сема ‘натуральная смерць’), унутранай формы, функцыянальна-стылявой прыналежнасці (размоўныя адзінкі) фразеалагізмы адрозніваюцца катэгорыяй ліку назоўнікаў: *духі і l’esprit* (дух).

Аналіз беларускіх і французскіх фразеалагічных адзінак на падставе тоеснасці іх семантыкі і частковых разыходжанняў у плане выражэння дае магчымасць сцвярджаць, што частковых фразеалагічных эквівалентаў дзвюх моў крыху больш, чым поўных – 21 пара (7%).

Такім чынам, асноўнай прыметай фразеалагічнай эквівалентнасці выступае супадзенне зместу фразеалагізмаў, а ў плане выражэння назіраюцца нязначныя разыходжанні, у залежнасці ад якіх эквівалентнасць можа быць *поўнай* або *частковай*.

Поўныя беларуска-французскія фразеалагічныя эквіваленты характарыруюцца тоеснасцю семантыкі і сродкаў выражэння, г.зн. маюць аднолькавае значэнне, структурна-граматычную форму, стылістычную афарбоўку, аднолькавы кампанентны склад і вобраз, які пакладзены ў іх аснову. Доля поўных беларуска-французскіх фразеалагічных эквівалентаў сярод усіх тыпаў фразеалагічных адпаведнасцей са значэннем фізічнага стану чалавека складае 5 %.

Частковыя фразеалагічныя эквіваленты маюць нязначныя адрозненні ў плане выражэння: у кампанентным складзе або ў граматычных формах асобных кампанентаў фразеалагізмаў. Сярод частковых беларуска-французскіх фразеалагічных эквівалентаў дамінаруюць фразеалагізмы з варыянтнымі кампанентамі тыпу *лажыцца ў магілу (у труну, у дамавіну, у зямельку)* і *descendre (être) au cercueil (tombeau)* (літар. спусціцца ў труну, магілу) – ‘паміраць’. Часткова эквівалентныя фразеалагічныя адзінкі з агульным значэннем фізічнага стану чалавека складаюць таксама нязначную групу ў беларускай і французскай мовах – 7 %.

Асноўнай прычынай існавання эквівалентных фразеалагічных адзінак з’яўляецца наяўнасць з’яў рэчаіснасці, агульных для ўсіх моў, незалежна ад геаграфічных, эканамічных, кліматычных і іншых умоў жыццядзейнасці чалавека.

ЛІТАРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Эквивалентность как лингвистическое понятие / И. В. Арнольд // ИЯШ. – 1976. – № 1. – С. 11–18.
2. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 127 с.
3. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Ф. Арсентьева ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1984. – 22 с.
4. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2006. – 172 с.
5. Добровольский, Д. О. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков : на материале немецкого, английского и нидерландского языков : дис. ... д-ра филол. наук / Д. О. Добровольский. – М., 1990. – 437 л.
6. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2004. – 420 с.

7. *Кунин, А. В.* Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / А. В. Кунин. – М., 1964. – 47 с.
8. *Райхштейн, А. Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. – М. : Высш. шк., 1980. – 143 с.
9. *Солодуб, Ю. П.* Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования / Ю. П. Солодуб // Филол. науки. – 1990. – № 6. – С. 55–65.
10. *Солодуб, Ю. П.* Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений / Ю. П. Солодуб // Филол. науки. – 1997. – № 5. – С. 43–54.
11. *Солодухо, Э. М.* Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии / Э. М. Солодухо. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 170 с.
12. *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 1. – 672 с.; Т. 2. – 704 с.
13. *Rey, A.* Dictionnaire d'expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau // Le Robert. – Paris, 2007. – 1086 p.
14. *Сафина, Р. А.* Факторы межъязыковой эквивалентности фразеологизмов немецкого и русского языков / Р. А. Сафина // Русская и сопоставительная филология : системно-функциональный аспект : материалы итоговой науч. конф. Казан. гос. ун-та, 5–10 февраля 2003 г. / Казан. гос. ун-т. – Казань, 2003. – С. 167–170.
15. *Лепешаў, І. Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – 443 с.
16. *Рецкер, Я. И.* Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.

The article deals with the problem of interlanguage phraseological correlation. The main indicators of phraseological equivalence are identified. The Belarussian-French phraseological full and partial equivalents with the meaning of a person's physical state are analyzed in detail.

Поступила в редакцию 09.09.2019

Н. У. Чайка

ЗВЫШФРАЗОВЫЯ ТЫПЫ НЯПОЎНЫХ КАНСТРУКЦЫЙ У БЕЛАРУСКАЙ І КІТАЙСКАЙ МОВАХ

Статья посвящена исследованию структурной организации неполных предложений в белорусском и китайском языках. В работе выявлены универсальные и специфические параметры типологии синтаксических единиц в языках флективного и изолирующего типов – возможность структурной дифференциации предложений, особенности синтаксической связи и порядок слов в них; определены и систематизированы сверхфразовые типы неполных предложений в белорусском и китайском языках, а также выявлены факторы их типологического видообразования.

Шырокае функцыянаванне структурна-сінтаксічных мадыфікацый у беларускай і кітайскай мовах патрабуе іх комплекснага вывучэння. Сінтаксічная непаўната разглядалася ў рамках розных сінтаксічных школ і кваліфікавалася на аснове тэарэтычнай базы кожнай з іх. Метадалагічныя прынцыпы структурнай школы дазвалялі кваліфікаваць няпоўныя канструкцыі як варыятыўныя ў адносінах да поўных (Лі Цзінсі, Ляо Сюйдунь, Фан Сяо, Д. Арма, А. В. Грудзева [1; 2; 3; 4; 5]). Іх камунікатыўная паўнаўтварасць, на думку даследчыкаў, з'яўляецца вынікам узаемадзеяння рознаўзроўневых моўных адзінак. У межах функцыянальнай сінтаксічнай школы непаўната сказа тлумачылася зыходзячы з дастатковасці яго фармальна-граматычнага саставу ў канкрэтным кантэксце (П. А. Лекант, Г. А. Золатава, Ван Вэйсянь, Чжу Дэсі [6; 7; 8; 9]).

У канцэпцыях сінтаксічных тыпалогій (А. Я. Кібрык, Г. П. Мельнікаў, А. У. Цымерлінг, Ван Вэйсянь, Чэн Чанлай і інш.) праводзілася параўнальнае вывучэнне структурных і функцыянальных уласцівасцей моў незалежна ад характару генетычных адносін паміж імі [10; 11; 12; 13]. Кваліфікацыя структурна-сінтаксічных мадыфікацый ажыццяўлялася шляхам выяўлення іх універсальных і спецыфічных рыс і аб'яднання аб'ектаў у класы, групы і падгрупы. У выніку праведзенага даследавання былі акрэслены ўніверсальныя асаблівасці сінтаксічных сістэм розных моў – наяўнасць незамешчанай сінтаксічнай пазіцыі і магчымасць яе кампенсацыі рознымі моўнымі сродкамі. Да спецыфічных уласцівасцей адносілі парадак слоў, які можа быць свабодным і фіксаваным, наяўнасць або адсутнасць дзеяслоўнага кіравання, канстантны або пераменны характар суб'ектна-прэдыкатнага комплексу, якія істотна ўплываюць на тыпа- і відаўтварэнне няпоўных сказаў у розных мовах.

Як паказаў аналіз навуковай літаратуры, пытанню сінтаксічнай непаўнаты прысвечана значная колькасць прац. Пры гэтым на сённяшні дзень не вывучаны тыпалагічныя асаблівасці сінтаксічнай непаўнаты ў беларускай і кітайскай мовах. Названы напрамак даследавання з'яўляецца сучасным і перспектыўным. Актуальнасць вывучэння дадзенай сінтаксічнай з'явы абумоўлена адсутнасцю ў навуковай літаратуры даследавання няпоўных сказаў у беларускай і кітайскай мовах, а таксама неабходнасцю выявіць структурныя тыпы няпоўных сказаў у беларускай і кітайскай мовах.

Мэта даследавання ў артыкуле – выявіць звышфразавыя тыпы няпоўных канструкцый у беларускай і кітайскай мовах.

У структуры звышфразовага адзінства *дзеінік* можа выступаць у якасці кампенсаторнага кампанента. Тэарэтычныя і метадалагічныя прынцыпы тэорыі тэкста дазваляюць вызначыць функцыянальную тоеснасць суб'ектаў у ім. Класіфікацыю няпоўных сказаў мэтазгодна будаваць на аснове логіка-семантычных і семантыка-сінтаксічных адносін кампанентаў у структуры тэкста. Названыя адносіны прадвызначаюць аднаразовую эксплікацыю дзейніка ў кампаненце звышфразовага адзінства: *Вясёлай чародкаю дзяўчаты знікаюць з вестыбюлю. Галіна напраўляе валасы. З'яўляецца Святлана,*

кволая, стомленая. Падыходзіць да гардэроба, сядзе на лаўку, пачынае развязаць тасёмкі халата (А. Дзялендзік); С в я т л а н а. А ён не пускаў. Хацеў, каб я наступала ў яго інстытут. Я адмовілася. Прыехала ў Мінск і наступіла сама. Паглядзі ў акно. Учора ўвечары, калі мы выходзілі з клінікі, ён стаяў на тым жа месцы (А. Дзялендзік). У беларускай мове назіраюцца выпадкі, калі кампенсаторны кампанент змяняе сінтаксічную функцыю і набывае пераменны характар: Г а с т р ы т (з адчаем). А я з бальніцы ўцёк... Вазьміце мяне... Коляць, а мне ўсё цяжэй... Параішкі кормяць, а мне ўсё страшней... Не магу больш... Цяжка... Холадна... Страшна без вас... Я, Васіль... я тваю смерць на сябе вазьму... За дваімі яна не прыйдзе... Толькі не праганяйце мяне... Паішкі дуць... (А. Дударэў). Таксама назіраюцца выпадкі безаб'ектнага ўжывання няпоўных сказаў: Дзе ж яшчэ? Я во падумаю-падумаю, а што, калі б мае бацька-маці ўзялі ды і не нарадзілі мяне?! Га? Ды я б ім гэтага ніколі не дараваў! Хаця нясоладка было: тры вайны адпляскаў... мнагавата. Ды і без вайны жыццё мёдам не было... І ад чужых, і ад сваіх нацярпеўся... (А. Дударэў).

Семантыка-сінтаксічныя адносіны паміж кампанентамі звышфразавога адзінства дазваляюць кампенсаванне змест няпоўнай канструкцыі: Без двух няпоўных месяцаў мне восемдзесят шэсць, яму было ўчора сорок сем. Калі віншаваў яго раненька па тэлефоне, пакуль не выйдзе на працу, само неяк сказалася: сыноч (Я. Брыль); Потым пачала раскаваць, як жыла раней, вясёлыя, смяілівыя гісторыі... Яна, мусіць, хацела, каб Ніна, слухаючы гэтыя ўспаміны, забылася на свой боль (І. Мележ).

Аналагічным спосабам ажыццяўляецца кампенсаторная функцыя дзейніка ў структуры складанага сінтаксічнага цэлага ў кітайскай мове. Сінтаксічныя адносіны спрыяюць структурнаму папаўненню незамешчанай сінтаксічнай пазіцыі і даюць фармальную кваліфікацыю канструкцыі. Найбольш часта паміж кампанентамі звышфразавога адзінства ўстанаўліваюцца адносіны паслядоўнасці: 媚有些累了, 慢慢下坡。觉得有什么跟着, 回头见是柳, 它轻轻摇着尾巴, 脸上的表情极温顺, 似乎在问: “让我送一程” (宗璞, 《东藏记》, 第61页) (літар. Мэй крыху стамілася, ідучы па горным схіле. Рантам (Мэй) адчула, што нехта ідзе ўслед за ёй, павярнула галаву і ўбачыла сабаку: яна, памахваючы хвостом, ласкава глядзела, быццам хацела сказаць: «Давай правяду»). Спрыяльныя ўмовы для структурна-сэнсавога папаўнення ствараюць адносіны паслядоўнасці паміж кампанентамі звышфразавога адзінства.

Дыферэнцыяльную функцыю выконваюць сінтаксічныя адносіны ўключэння: з іх дапамогай няпоўныя сказы адмяжоўваюцца ад несуб'ектна-прэдыкатывых: 当然, 这对我来说自然是天大的好事。那时候上大学不但不要钱, 还给生活费呢 (李佩甫, 《生命册》, 第33页) (літар. Конечно, это для меня, естественно, очень хорошее дело. Когда (я) учился в университете, не просто не платил, еще давали денег на расходы).

Зрэдку назіраюцца выпадкі, калі кампенсаторная функцыя кампанентаў звышфразавага адзінства ажыццяўляецца на аснове адносін супраціўных: *塔娜在这里时，我爱她，被她迷得头昏脑胀。但一离开，时间一长，我这脑子里，连她的样子的轮廓都显不出来了* (阿来, 《尘埃落定》, 第169页) (літар. *Калі Таня была тут, я кахаў яе, быў зачараваны ёй. Але як толькі яна надоўга паехала, нават не мог згадаць, як яна выглядае*) і раздзяляльных: *她说不清楚为谁而难过。为李向前?为她自己?还是为别的什么人* (路遥, 《平凡的世界》, 第338页) (літар. *Яна не можа зразумець, дзеля чаго яна пакутвала. (Яна пакутвала) Або дзеля Лі Сянцян? Або дзеля сябе? Або дзеля іншага чалавека?*).

Структурнае і функцыянальнае падабенства няпоўных канструкцый у беларускай і кітайскай мовах абумоўлена ўніверсальнымі моўнымі ўласцівасцямі – наяўнасцю незамешчанай сінтаксічнай пазіцыі і магчымасцю яе кампенсацыі на звышфразавым узроўні. Аднак пэўнае адрозненне паміж аналізуемымі мовамі назіраецца: у кітайскай мове кампенсаторны кампанент выконвае дыферэнцыяльную функцыю – адмяжоўвае няпоўныя канструкцыі ад несуб’ектна-прэдыкатыўных. Акрамя таго, у мовах ізаляванага тыпу спектр сінтаксічных адносін больш шырокі, адпаведна, відавы клас будзе большым.

У беларускай і кітайскай мове назіраюцца няпоўныя сказы з кампенсаторным кампанентам – *выказнікам*. Прамае дубліраванне кампанента ў кантэксце робіць магчымым кампенсацыю семантыкі без удзелу семантыка-сінтаксічных адносін паміж сказамі. Пры гэтым экспліцытна выражаны выказнік мае канстантны характар, указвае і на граматычнае значэнне апушчанага прэдыката: *У душы, як Божы знак: // Хата... Канюшына... Жыта... // Бульба... Бусел... Шпак... // Мроя... Хлопец закаханы... // Цемра... Шлях дамоў...* (Л. Дайнека); *Трое маіх сяброў ідуць па белай нерушы, і ланцужкі іх слядоў абрываюцца. Спачатку за адным, потым за другім, потым за трэцім* (У. Арлоў).

Аналагічна ажыццяўляецца кампенсаторная функцыя кампанентаў у структуры дыялагічнага адзінства: *К у п а л к а. Хіба бацькі не расказваюць табе казак, паданняў? Х л о п ч ы к. Расказваюць. К у п а л к а. Пра каго? Х л о п ч ы к. Пра Бураціна, пра Снежную каралеву, пра Дзюймовачку... К у п а л к а (расчаравана.) А-а-а... Пра мяне, значыць, забыліся. Х л о п ч ы к. Бабуля штось казала. Пачакай, я ўспомню* (Г. Каржанеўская). Рэплікі дыялога выступаюць у якасці кампенсаторных кампанентаў.

Асаблівасцю кітайскай мовы з’яўляецца адсутнасць дзеяслоўнага кіравання, таму няпоўныя сказы з апушчаным выказнікам назіраюцца рэдка. Узнаўленне апушчанага кампанента ў такіх сказах ажыццяўляецца шляхам дубліравання неназванага выказніка ў структуры звышфразавага адзінства: *襄垣县离沁源县有一百多里，从此逢年过节，老曹翻山越岭，到老韩家串亲戚。一年三次，端午节一次，八月十五一次，过年一次* (刘震云, 《一句顶一万句》, 第139页) (літар. *Стары Сяо наведвае свайго сябра Хана рэгу-*

лярна. (*Наведвае*) тры разы на год: на свята Дуаньу адзін раз, 15 жніўня адзін раз і на Новы год яшчэ адзін раз). Часцей падобныя канструкцыі ўжываюцца ў структуры дыялагічнага адзінства, што тлумачыцца сэнсава-граматычнымі асаблівасцямі яго арганізацыі: “*韩木林送你回来的吗?*” “*我自己*” (张洁, 《无字》, 第414页) (літар. – *Хан Мулін правёў цябе дадому? – Я сама (дайшла дадому)*).

Зрэдку назіраюцца няпоўныя сказы з пропускам даданных членаў сказа, у прыватнасці *дапаўненняў*. У беларускай мове такія выпадкі з’яўляюцца нешматлікімі, гэта тлумачыцца тым, што сінтаксічная пазіцыя дапаўнення з’яўляецца абавязковай не пры ўсіх дзеясловах, таму іх функцыянаванне абмежавана пэўнымі тыпамі прэдыкатыўнай семантыкі. Пераходны дзеяслоў можа адкрываць незамешчаную сінтаксічную пазіцыю, і ў такім выпадку канструкцыя кваліфікуецца як няпоўная: *Цікавасць выклікаюць і традыцыі ВНУ. Кожная ўстанова выпрацоўвае свае* (ЛіМ).

Найбольшая колькасць няпоўных канструкцый з кампенсаторным кампанентам-дапаўненнем выяўлена ў структуры дыялагічнага адзінства: *Яна зусім не здзівілася. Здзівіўся я, даведаўшыся, што гэта слова ёй знаёма. – Што ж, вельмі цікава. А чым вы зацікаўлены? Песнямі, прымаўкамі? – Легендамі, пані. Старымі мясцовымі легендамі* (У. Караткевіч); *Д а ч к а. Але і нашаму дасталася. Яму адарвалі вуха. Г а т а. Як вуха?* (А. Макаёнак). Гэта тлумачыцца асаблівасцямі структурнай арганізацыі дыялагічнай мовы: рэплікі ўяўляюць сабой структурна-сэнсавае адзінства, што дазваляе экспліцытна выражаць толькі кампаненты, якія змяшчаюць новую інфармацыю.

У кітайскай мове звышфразавы тып з кампенсаторным кампанентам *дапаўненнем* назіраецца часцей, што абумоўлена наяўнасцю абавязковай сінтаксічнай пазіцыі дапаўнення ў мовах ізаляванага тыпу. Гэта значыць, што канструкцыі з пропускам дапаўнення кваліфікуюцца як няпоўныя незалежна ад статусу прэдыката. Эксплікацыя апушчанага дапаўнення ажыццяўляецца ў структуры звышфразовага адзінства: *我们是祖冲之的后代, 难道快快一个东方大国, 就没有优秀的? 我想一定有, 有就去找, 就去请。你请不来, 我去请; 我也请不来, 我找人去请* (麦家, 《暗算》, 第133页) (літар. *Мы нашчадкі Цзу Чунчжы, няўжо ў такой вялікай краіне не знойдзецца выдатнага матэматыка? Мне здаецца, што ёсць, трэба знайсці і запрасіць (матэматыка). Калі ты не запрасіш, то я зраблю гэта*).

Няпоўныя канструкцыі з кампенсаторным кампанентам *акалічнасцю* ў беларускай мове адсутнічаюць. Гэта тлумачыцца тым, што акалічнасць мае факультатыўны характар і яе неўжыванне не ўтварае незамешчаных сінтаксічных пазіцый. Такія сказы ў беларускай мове з’яўляюцца структурна і семантычна поўнымі. Выключэннем можна лічыць няпоўныя канструкцыі ў структуры дыялагічнага адзінства, дзе рэплікі «нанізваюцца» адна на другую, і таму патрэба дубліраваць неактуальную інфармацыю адпадае: – *Не, пачакай!* – *ухінуўшыся ад яго рукі, Брытвін шчоўкнуў курком, пакратаў прыцэльную рамку. Потым зірнуў на мушку. – А яшчэ казалі: Мелік’янец – строгі камандзір!*

Сцёпка ўсё маўчаў, але пад елкай падазрона заёрзаў Даніла.

– Ды ён не Мелік'янца. Ён з кухні.

– Як з кухні? (В. Быкаў);

– Такія выпадкі маглі быць у твая часы, – сцвердзіў я. – Прабачце, я прафан у геральдыцы. Яноўскія, мне здаецца, вядуцца на нашай зямлі з дванаццацатага стагоддзя?

– З трынаццацатага, – сказала яна (У. Караткевіч);

Маслакоў з жартоўнаю жвавасцю ў вачах агледзеў сваіх падначаленых.

– Не, не на чыгунку. У другі бок. На Кругляны.

– На Кругляны. А хто табе групу камплектаваў?

– А што – кепская група? Сам падбіраў (В. Быкаў).

У кітайскай мове падобныя канструкцыі функцыянуюць вельмі шырока. Гэта тлумачыцца адсутнасцю сінтагматычных сувязей паміж кампанентамі, а значыць немагчымасцю кампенсаваць апушчаную акалічнасць, акрамя дубліравання яе ў кантэксте:

老杨更觉得老马的主意高明。比老马主意更高明的, 是老杨的主意, 两个儿子中, 只选一个上新学。让两个人同去 (上学) 他们觉得是应该, 两个人中选一个 (刘震云, 《一句顶一万句》, 第23页) (літар. Лао Ян лічыць, што ідэя Лао Мая была добрай. На самой справе ідэя Лао Ян аказалася лепшай. Сутнасць яе ў тым, што з двух сыноў выбіраецца адзін, і яго адпраўляюць вучыцца ў школу. Калі двое разам пойдучь (у школу), яны падумаюць, што так і трэба, таму выбіраюць аднаго з двух).

Аднак найбольш выразна кампенсаторная функцыя акалічнасці рэалізуецца ў структуры дыялагічнага адзінства. Кампенсаторны кампанент указвае на розныя абставіны працякання працэсу: 曹青娥从沁源县牛家庄到襄垣县温家庄看娘, 两个吵了半辈子架的人, 开始相互说得着。两人说得着, 就有说不完的话。曹青娥不管住三天, 住五天, 或住十天, 两人每天说话都到半夜 (刘震云, 《一句顶一万句》, 第184页) (літар. Цао Цынь Э наведвала маці ў паселку Вэнь раёна Сянь Юань, яны пасварыліся даўно, зараз памірыліся, размаўляюць адна з адной. Калі яны пачынаюць размаўляць – размаўляюць бясконца. Колькі б ні знаходзілася Цао Цынь Э (у пасёлку Вэнь), – тры дні, пяць дзён, дзесяць, кожны дзень яны размаўляюць да ночы); “今天你要不要到社里去?” 觉民问道。“我看还是不去好,” 琴想了想回答道。她还鼓舞他道: “你一个人去也好。横竖你可以代表我。” (巴金, 《秋》, 第355页) (літар. – Ты сення пойдзеш у рэдакцыю газеты? – Думаю, што не пайду (у рэдакцыю газеты). Цінь падумала і сказала: – Ты пойдзеш (у рэдакцыю газеты) адзін. Ты зможаш прадставіць мяне (у рэдакцыі газеты)).

Шырокае функцыянаванне няпоўных дыялагічных сказаў тлумачыцца лёгкасцю ўзнаўлення прапушчанага кампанента.

У ходзе праведзенага даследавання намі выяўлены няпоўныя звышфразавыя канструкцыі з кампенсаторнымі кампанентамі дзейнікамі, выказнікамі, дапаўненнем і акалічнасцю. Дзейнік, які выступае ў якасці

кампенсаторнага кампанента, выконвае дыферэнцыяльную функцыю – адмяжоўвае няпоўны двухсастаўны сказ ад няпэўна-асабовага ў беларускай мове і няпоўны двухсастаўны ад несуб’ектна-прэдыкатыўнага ў кітайскай мове.

Папаўненне апушчанага кампанента ў канструкцыях з нулявым выказнікам ажыццяўляецца спосабам прамога дубліравання кампанента. У кітайскай мове падобныя канструкцыі функцыянуюць рэдка, што абумоўлена адсутнасцю ў ёй дзеяслоўнага кіравання.

Няпоўныя канструкцыі з кампенсаторным кампанентам *дапаўненнем* у беларускай мове назіраюцца рэдка, што тлумачыцца асаблівасцю дзеяслоўнага кіравання ў беларускай мове: сінтаксічная пазіцыя дапаўнення выступае абавязковай толькі пры пераходных дзеясловах, а значыць іх колькасць будзе нязначная. Больш шырокія відавы клас няпоўных канструкцый з апушчаным дапаўненнем выяўлены ў кітайскай мове, што абумоўлена адсутнасцю ў ёй граматычных форм. Фактар адсутнасці маркераў граматычных значэнняў дазваляе свабодна функцыянаваць у кітайскай мове няпоўным канструкцыям з апушчанай акалічнасцю.

Аналіз і сістэматызацыя няпоўных канструкцый у беларускай і кітайскай мовах праводзіўся на аснове ўніверсальных і спецыфічных параметраў іх тыпалогіі. Універсальнымі параметрамі тыпалогіі лічым магчымасць структурнай дыферэнцыяцыі канструкцый у беларускай і кітайскай мовах і катэгорыю сінтаксічнай непаўнаты ў іх, да спецыфічных – асаблівасці сінтаксічнай сувязі кампанентаў і парадак слоў у аналізуемых мовах.

Тыпалагічнай асаблівасцю кітайскай мовы з’яўляецца адсутнасць маркераў сінтаксічнай сувязі, што кваліфікуе характар кампанентаў сказа як раўназначны. Таму ў названай мове любы кампанент – дапаўненне, азначэнне, акалічнасць, прыназоўнік – можа выступаць як кампенсаторны, бо дыферэнцыруе няпоўны сказ ад поўнага. Аўтаномнасць сінтаксічных пазіцый у мовах ізаляванага тыпу адкрывае магчымасці для кампенсацыі апушчанага члена семантычна тоесным кампанентам без уліку яго граматычнай маркіроўкі. У працэсе кампенсацыі апушчанага члена ў кітайскай мове можа мяняцца яго сінтаксічны статус, у выніку чаго ўтвараюцца бінарныя парадгмы апушчанага і кампенсаторнага кампанентаў.

Важным параметрам сістэматызацыі выступае парадак слоў, які істотна ўплывае на тыпа- і відаўтварэнне няпоўных канструкцый у кітайскай мове. Названы параметр дазваляе выдзеліць у мовах ізаляванага тыпу перадпазіцыйныя і постпазіцыйныя няпоўныя канструкцыі на ўзроўні поліпрэдыкатыўнай сінтаксічнай адзінкі. Пры гэтым на кваліфікацыю няпоўных канструкцый на ўзроўні звышфразовага адзінства парадак слоў істотна не ўплывае.

ЛІТАРАТУРА

1. 黎, 锦熙. 新著国语文法 / 黎锦熙. – 长沙: 湖南教育出版社, 2007, 347页 (Ли, Цзинси. Грамматика китайского языка / Ли Цзинси. – Чанша : Хунан. Обра. изд-во, 2007. – 347 с.).

2. 黄, 伯荣. 现代汉语.下册 / 黄伯荣, 廖序东. – 北京: 高等教育出版社, 2007, 261页. (*Хуан, Божунь. Современный китайский язык. последняя часть / Хуан Божунь, Ляо Сюйдунь. – Пекин: Изд-во Высш. обр., 2007. – 261 с.*)
3. 范, 晓. 语法理论纲要 / 范晓, 张豫峰. – 上海:上海译文出版社, 2003, 549页 (*Фан, Сяо. Очерки грамматической теории / Фан Сяо, Чжан Юйфэн. – Шанхай: Шанхайск. изд-во пер., 2003. – 549 с.*)
4. *Harma, J. Sur l'omission du verbe et sa recuperabilite en français / J. Harma // Actes du 9e Congrès des romanistes scandinaves, Helsinki, 13–17 aout 1984. – Helsinki, 1986. – P. 135–146.*
5. *Грудева, Е. В. Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте / Е. В. Грудева. – Череповец: Черепов. гос. ун-т, 2007. – 251 с.*
6. *Лекант, П. А. К проблеме неполных предложений в русском языке / П. А. Лекант // Учен. зап. – Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1963. – Т. 139, вып. 9: Русский язык и литература. – С. 43–49.*
7. *Золотова, Г. А. К вопросу о неполных предложениях / Г. А. Золотова // Русский язык: сб. тр.: посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. Николая Николаевича Прокоповича; редкол.: Л. Ю. Максимов [и др.]. – М., Моск. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 106–118.*
8. 王, 维贤. 现代汉语语法理论研究 / 王维贤. – 北京:语文出版社, 1997, 300页 (*Ван, Вэйсянь. Теоретическая грамматика современного китайского языка / Ван Вэйсянь. – Пекин: Изд-во китайск. Яз., 1997. – 300 с.*)
9. 朱, 德熙. 现代汉语语法研究 / 朱德熙. - 北京:商务印书馆, 1997, 224页 (*Чжу, Дэси. Исследование грамматики современного китайского языка / Чжу Дэси. – Пекин: Коммерческое изд-во, 1997. – 224с.*)
10. *Кибрик, А. Е. Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик; Моск. гос. ун-т, филол. фак. – СПб.: Алетейя, 2005. – 719 с.*
11. *Мельников, Г. П. Системная типология языков: принципы, методы, модели / Г. П. Мельников; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 2003. – 393 с.*
12. *Циммерлинг, А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков / А. В. Циммерлинг. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – 895 с.*
13. 陈, 昌来. 现代汉语句子 / 陈昌来. – 上海: 华东师范大学出版社, 2000, 313页 (*Чэн, Чанлай. Современные китайские синтаксические системы / Чэн Чанлай. – Шанхай: Изд-во Восточно-китайск. пед. ун-та, 2000. – 313 с.*)

The article explores the structural organization of incomplete sentences in Belarusian and Chinese. Universal and specific parameters of syntax typology of units in languages of flective and isolating types are revealed – structural differentiation of sentences, peculiarities of syntactic connection and the word order in them are revealed. Superphrasal types of incomplete sentences in Belarusian and Chinese were identified and systematized. The factors of their type and category formation were identified as well.

Поступила 19.09.2019

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**Л. С. Ахраменко****МОДАЛЬНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ
ПРАГМАТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ**

Статья посвящена рассмотрению категории модальности как главного фактора текстообразования на примере научного дискурса. Выявлены модальные уровни – доминирующие виды модальности, характерные для определенных частей текста: мотивационная (вводная часть текста), логическая (основная часть текста), телеологическая и рациональная модальности (заключительная часть текста). Рассмотрена последовательность взаимодействия модальных уровней, необходимая для реализации прагматической установки автора в научном тексте. Мотивационная, логическая, телеологическая и рациональная модальности являются факторами реализации промежуточных прагматических установок во вводной, основной и заключительной частях научного текста соответственно. Последовательное взаимодействие данных модальных уровней создает основу для реализации последнего модального уровня – импозитивной модальности, необходимого для осуществления конечной прагматической установки автора – внушения адресату авторской точки зрения.

Коммуникация представляет собой обмен текстами в процессе речевого акта со стороны коммуникантов в конкретных ситуациях, где обязательно находит выражение личностная оценка адресантом предмета своего сообщения. Л. В. Селезнева выделяет в тексте следующие коммуникативные установки, подразумевающие его семантику: «установка на адресанта, адресата, действительность, систему языка, перформативность» [1, с. 200]. Ввиду того, что модальность есть отношение содержания высказывания к действительности, отношение автора к содержанию текста, к его адресату, именно данная категория участвует в реализации данных установок. Коммуникативный подход к модальности также отражен в утверждении А. М. Пешковского: «в ней находит отражение взаимодействие четырех факторов коммуникации: говорящего, собеседника, содержания высказывания и действительности» [2, с. 102].

Целью статьи является иллюстрация ключевой роли модальности в реализации прагматической установки научного текста. Материалом для анализа послужили научные тексты различного объема (малые, средние, большие тексты) разных жанров, а именно: энциклопедическая статья, научный доклад, учебный текст, диссертация, тезисы, научная рецензия, научный обзор. По причине того, что модальность связана отношением автора к содержанию высказывания, данные тексты проанализированы с помощью таких методов, как контент-анализ, логико-семантический анализ, дискурс-анализ. Так как композиционная структура научного текста является имплицитным средством реализации прагматической установки, для иллюстрации роли модальности также использован структурный анализ, необходимый для изучения связи модальности с композицией научного текста.

В своей работе «Теория текста» Н. С. Валгина объясняет понятие прагматической установки: «...автор как конкретный субъект, подчиняясь общим правилам построения текста данной направленности, вносит свои, личностные коррективы в построение текста, т.е. осуществляет свою, авторскую прагматическую установку» [3, с. 15]. Следовательно, прагматическая установка автора «всецело связана с авторской модальностью, так как любое сообщение включает в себе не только информацию, но и отношение автора к сообщаемой информации» [Там же, с. 14].

Для того чтобы рассмотреть функции модальности в научном тексте, необходимо обозначить его прагматическую установку. Л. А. Ахтаева определяет научный дискурс как «процесс выражения в целом тексте нового знания, а также его обоснования посредством взаимосвязанных рассуждений, то есть диалог между старым и новым знанием, в рамках которого происходит постепенное формирование нового, концептуального научного знания» [4, с. 148]. Следовательно, прагматической установкой текстов научного дискурса является: 1) для первичных жанров – доказать важность авторского научного исследования, его выводов для развития конкретной научной области; 2) для вторичных жанров – проинформировать адресата о научных фактах, закономерностях, связанных с конкретным научным объектом. Для обоснования актуальности научного знания автору необходимо сформировать у адресата определенную концептуальную картину мира, что осуществляется с помощью логической модальности. Сущность данной модальности отражена в исследовании Е. Н. Ореховой, которая определяет данную модальность как «выражение логики мысли, обозначение важных моментов в ходе рассуждений, выделение ключевых, с точки зрения автора, моментов высказывания» [5, с. 42]. Следовательно, отражая отношения между концептами, этот вид модальности позволяет автору выстроить денотатную структуру текста, т.е. иерархию концептов, выделяя среди них ключевой концепт, представляющий тему авторского исследования.

Прагматической установкой автора во введении является формирование у адресата не только ситуационной пресуппозиции – фоновых знаний, связанных с ключевым научным объектом изучения и необходимых для адекватного понимания последующих научных ассертивов, но и оценочной пресуппозиции, участвующей в мотивировании адресата к дальнейшему изучению научного объекта. Именно текстовая модальность реализует данную установку посредством придания важности ключевому концепту, что позволяет автору показать адресату актуальность изучения научной темы: *However, what started as research ... ultimately demonstrated the importance of faith in fields such as scientific inquiry, mathematics and even philosophical skepticism.* Следовательно, мотивационная модальность является первым модальным уровнем, реализующем прагматическую установку введения, и имплицитируется из логической модальности, в частности, из модальности важности.

В функционально-семантическом аспекте модальность важности является прагматической модальностью, т.к. выражает: 1) оценку автором степени релевантности научного суждения (здесь проявляется отношение автора к содержанию высказывания): *It is therefore critical that attempts be made to seek evidence of putative past and/or present extraterrestrial life*; 2) оценку степени значимости ключевого научного концепта (т.е. отношение автора к теме текста): *But how chaos plays a decisive role in living cells is entirely new*.

Для придания ключевому концепту наибольшей значимости по отношению к другим концептам автор использует преимущественно имплицитные средства выражения модальности важности. К ним относится, во-первых, аксиологическая модальность, повышающая статус ключевого концепта по отношению к остальным за счет придания ему положительной оценки. В силу дискурсивных требований, предъявляемых научным текстам, данный вид модальности имеет чаще всего имплицитный характер и выводится из других модальных значений, например, модальных смыслов знания-незнания, которые придаются автором старому и новому знанию при их оценке. Автор акцентирует внимание на низкой степени осведомленности о ключевом концепте или с помощью модальности сомнения подчеркивает противоречивость устоявшихся научных ассертивов и понижает их аксиологический статус, что придает старому знанию модальный смысл незнания, который имплицитно отрицательную оценку: *Our understanding of the environmental and climatic impacts of many polar volcanic events is limited by a lack of precision regarding the age of past eruptions*. Далее, вводя в рассмотрение новое научное исследование, автор косвенно указывает на его возможности в устранении вышеизложенных противоречий либо пробелов в знании, существующих в научной области: *Our integration of the cumulative evidence ... provides significant new insights into the chronology and physical and chemical processes that occurred during the Deception Island caldera collapse*. Таким образом, придавая авторскому исследованию модальный смысл знания, на основе которого выводится положительная оценка, автору удается поставить ключевой концепт нового знания в доминирующее положение по отношению к остальным научным концептам, и он становится ключевым в тексте. Если говорить о первичных жанрах, модальность важности ключевого концепта также создает оценочную пресуппозицию релевантности авторской гипотезы: *Deception Island caldera would have had significant climatic and ecological effects across a vast area of the south polar region*. Во-вторых, отрицание также служит индикатором модальности важности ключевого концепта. С помощью данной текстовой категории автор: 1) акцентирует невозможность существования противоположной ситуации, т.е. признаков, противоречащих признакам ключевого концепта: *In today's world, no nation exists in economic isolation* (в этом примере значимость ключевого концепта «globalization» имплицитно за счет отрицания возможности существования противоположной ситуации – *economic isolation*); 2) указывает на отсутствие либо недостаточность знания, связанного с ключевым концептом, и, следовательно, подчеркивает актуальность его изучения: *Ongoing treatment is often continued, without thinking too much of the exogenous agents provoking or causing*

symptoms... (в данном примере подчеркивается актуальность изучения ключевого концепта – «asthma»). В-третьих, модальность необходимости или долженствования отражает зависимость научных факторов, исследований от ключевого концепта, имплицитно его важность, приоритетность для развития научной области: *These COSPAR planetary protection policies stipulate that space exploration on the Moon ... shall be done in ways that avoids their harmful contamination.*

Прагматической установкой основной части научных текстов является обоснование истинности авторской гипотезы либо усиление важности ключевого концепта. Для реализации данной установки автор использует различные виды логической модальности, помогающие ему успешно реализовать тактику аргументации. Функция эвиденциальной модальности заключается в создании оценочной пресуппозиции авторских выводов – научных ассертивов, подтверждающих правильность гипотезы либо усиливающих важность ключевого концепта: ... *the smoking asthmatics reported the highest prevalence of severe symptoms, with 20 % reporting breathlessness during most days of the week* (высказывание с эвиденциальной модальностью); *Lifestyle factors such as smoking, BMI, hard physical training and nocturnal GER were significant, independent risk factors for the cumulative incidence of asthma* (авторский вывод). Данная модальность выявляется в высказываниях с эвиденциальными предикатами, например, *find, show, demonstrate, reveal, observe, detect, report, record: These proxies showed that these were event beds that resulted from rapid mass-wasting of allochthonous sediments.* Эвиденциальная модальность оформляет высказывания, представляющие собой доказательную базу – основания для авторских умозаключений, аргументы, и поэтому повышает степень их достоверности. А высокая степень достоверности и является индикатором аксиологической модальности, т.к. ценность научного знания напрямую зависит от степени его достоверности в научном дискурсе.

Еще одним видом логической модальности, формирующим оценочную пресуппозицию достоверности выводов или значимости ключевого концепта, является модальность реляционности. В отличие от эвиденциальной модальности, которая оформляет значимые основания, необходимые для выведения авторских умозаключений, модальность реляционности оформляет второстепенную информацию (например, конкретные примеры, жизненные события), следующую за научными ассертивами: *To survive, Bella textile makers improved operating efficiencies and informed customers of the quality and standards behind their textiles, including better working conditions and environmental practices.*

Имплицитная аксиологическая модальность может также быть выведена на основе такой модальной тактики, как отрицательная поляризация – повышение ценности ключевого концепта за счет придания антонимичному концепту отрицательной оценки: *The horrors of the retreat into nationalism provided renewed incentive for internationalism following World War II* (в данном примере положительная оценка ключевого концепта «globalization» имплицитно выводится за счет экспликации негативной оценки антонимичного концепта «nationalism»).

Но важность ключевого концепта не всегда повышается только за счет положительной оценки. Одним из главных требований научного дискурса является объективная оценка ключевого научного объекта, что приводит к необходимости его рассмотрения с разных точек зрения. Из этого следует, что полимодальность оценки – придание одному и тому же концепту противоположных оценок в зависимости от перспективы его рассмотрения – также можно назвать модальной тактикой, усиливающей важность ключевого концепта: *International trade also results in gains from competitive process* (положительная оценка концепта «international trade»); ... *unions maintain that unfettered trade permits unfair competition from countries that lack labor standards* (отрицательная оценка концепта «international trade»).

Итак, эвиденциальная модальность, модальность реляционности создают оценочную пресуппозицию важности авторских выводов. Именно авторские выводы являются наиболее релевантными высказываниями в тексте ввиду того, что содержат информацию заключающего характера, имеющую наивысший аксиологический статус в научном тексте. Следовательно, модальность вывода, оформляющая авторские умозаключения, является основой для реализации эксплицитной модальности важности: *So, close reading may be a more efficient method because it allows to notice everything step by step, and thus to see a larger picture.*

Модальность важности представляет второй модальный уровень, с помощью которого и реализуется прагматическая установка основной части текста. Реализуясь эксплицитно, она значительно увеличивает иллокутивную силу высказывания, что делает его ключевым в пределах СФЕ: *Consanguinity and the cultural practices surrounding it provide one example of a culturally transmitted behavior that leaves an identifiable signature on the human genome.*

Прагматической установкой заключительной части текста является убеждение адресата в эффективности, целесообразности использования нового знания в конкретной научной сфере. Реализация данной установки возможна посредством взаимодействия следующих видов текстовой модальности: 1) телеологической модальности – оценки автором нового знания, т.е. результатов своего исследования с точки зрения достижения целей. Данная модальность, отражая связи между целями исследования, авторской гипотезой и результатами исследования, объединяет начало и конец текста в единое семантическое целое, и, таким образом, обеспечивает когерентность текста: ... *but the objective was twofold: 1) argue that Abraham could have displayed pragmatic faith, and 2) link pragmatic faith to the other disciplines in later chapters. I did both successfully;* 2) рациональной модальности – оценки автором собственных выводов с точки зрения их целесообразности, пользы, эффективности для развития определенной научной области: ... *these finding provide a valuable tie point for the calibration of ice and sediment core chronologies and will therefore contribute to an improved understanding of past Antarctic environmental change.*

Убеждая адресата в эффективности, целесообразности применения нового знания, автор способствует формированию у него точки зрения, совпадающей с собственной точкой зрения. Следовательно, телеологическая и рациональная модальности являются основой для реализации последнего модального уровня – импозитивной модальности. Сущность импозитивной модальности отражена в работе З. А. Гетьман, Т. П. Архипович «Модальность как общетекстовая категория» и заключается в «непосредственной связи remitenta и респондента через текст как способ передачи информации, интересующей remitenta и навязываемой респонденту» [6, с. 45]. Таким образом, именно импозитивная модальность необходима для реализации конечной прагматической установки – формирования у адресата точки зрения, совпадающей с точкой зрения автора.

Проанализировав тексты различных жанров научного дискурса, можно сделать вывод о наличии модального уровня в определенной части текста, являющегося фактором реализации промежуточной прагматической установки и основанием для реализации следующего модального уровня. Последовательное взаимодействие модальных уровней, а именно: мотивационной модальности, логической, телеологической и рациональной модальностей обеспечивает основу для реализации конечного модального уровня – импозитивной модальности, которая, в свою очередь, реализует конечную прагматическую установку автора – внушение адресату авторской точки зрения. Рассмотрение разнообразных средств имплицитной модальности, а также модальных тактик расширяет представление о способах выражения авторского отношения к научным концептам и ассертивам, что особенно актуально в научном тексте в связи с преобладанием в нем имплицитных средств выражения авторской оценки. Ввиду того, что модальные уровни являются фактором реализации промежуточных прагматических установок в разных частях текста, изучение взаимодействия модальных уровней также позволяет понять композиционную структуру текста, это необходимо для осуществления грамотного текстообразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селезнева, Л. В. Текстовая модальность в разных типах дискурса / Л. В. Селезнева // Ученые зап. Рос. гос. соц. ун-та. – М., 2009. – Вып. 6. – С. 199–203.
2. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.
3. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
4. Ахтаева, Л. А. Научный дискурс как специфическая разновидность дискурсивной деятельности / Л. А. Ахтаева // Молодой ученый. – Чита, 2010. – № 7. – С. 144–150.
5. Орехова, Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дис. ... докт. филолог. наук / Е. Н. Орехова. – М., 2011. – С. 42.

6. Гетьман, З. А. Модальность как общетекстовая категория / З. А. Гетьман, Т. П. Архипович // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2. – С. 34–48.

Various types of textual modality form the basis for modal levels, which contribute to the realization of intermediate pragmatic attitudes in different parts of the text. Consecutive interaction of modal levels, such as motivational, logical, teleological and rational modalities, provides the basis for the realization of the ultimate modal level – impositive modality. In its turn, impositive modality contributes to the fulfillment of the author's pragmatic attitude, that is, imposition of the author's viewpoint.

Поступила в редакцию 08.08.2019

Е. И. Будникова

О МОНОПРИЗНАКОВОСТИ И ПОЛИПРИЗНАКОВОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

В статье обосновывается тезис о полипризнаковости как фундаментальной характеристике значений языковых единиц. В результате сопоставления словарных дефиниций признаков и предметных имен английского языка, взятых из разных лексикографических источников, автор приходит к выводу, что единицы обоих классов могут характеризоваться достаточно богатым концептуальным содержанием. Факторами, детерминирующими количество семантических компонентов в структуре лексического значения, являются экстралингвистические и прагматические критерии: разнообразие членов поименованной категории и выбор функциональной характеристики как основания номинации некоторой сущности. Монопризнаковость же является характеристикой значения слова, реализованного в контексте, нежели свойством его концептуального содержания.

Проблема сущности и внутреннего устройства значения слова, составляющая одну из линий анализа принципов закрепления человеческого опыта в языковых структурах, представляет собой на сегодняшний день активно разрабатываемое когнитивно ориентированное направление в лингвистике. В исследованиях целого ряда ученых постулируется и находит практическое подтверждение идея о том, что значения единиц одной лексико-семантической отнесенности организованы вдоль определенного числа рубрик, а индивидуальность значения каждой единицы обусловлена заполнением тех или иных слотов в этой своеобразной концептуальной анкете [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17 и др.]. При этом выявленные семантические модели организации значений слов определенных денотативных областей, как отмечает в этой связи З. А. Харитончик, важны не только «в плане экспликации путей, по которым осуществляется селекция знания, закрепляемого в языковой системе» [18, с. 116], но и потому, что приводят к мысли об открытом, динамическом характере лексического значения, включающего кроме некоторой более-менее стабильной части и гибкую, вариативную периферию признаков [16, р. 119] (см. также [9, р. 100–101; 19, с. 25; 20, р. 70 и др.]).

В этой связи традиционное разделение языковых единиц на монопризнаковые (такowymi являются, например, прилагательные) и полипризнаковые (как, например, существительные-предметные имена), по-видимому, требует некоторого уточнения. В настоящей статье мы попытаемся показать, что признаковые слова, как и предметная лексика, могут характеризоваться достаточно богатым концептуальным содержанием, и выяснить, возможны ли иные факторы (кроме предметности / признаковости семантики), обуславливающие или ограничивающие разнообразие семантических компонентов в структуре лексического значения.

Одним из наиболее достоверных способов проникновения в семантику лексической единицы по праву считается анализ ее лексикографических описаний. Ввиду того, что лексикографический дискурс «управляется теми же закономерностями, что и коммуникация в целом» [18, с. 156], для его успешности лексикографам необходимо опираться на наиболее общие и значимые для самой широкой аудитории свойства описываемой сущности. Язык при этом создает «определенную свободу выбора тех квантов знания, которые становятся представителями всей концептуальной структуры» [Там же], в результате чего в разных лексикографических толкованиях одной единицы могут наблюдаться расхождения в выборе информации, характеризующей соответствующий денотат. Думается, что вариативность словарных дефиниций, не являющаяся случайной, а вытекающая из динамической, вероятностной природы самого значения слова, позволяет объективно реконструировать модель значения с учетом степени его востребованности в описании значения слова.

Гипотеза предпринимаемого исследования состоит в том, что если структура значения некоторой лексической единицы действительно может быть сведена к родовому понятию и видовому отличию (другими словами, к классификатору и одному модифицирующему семантическому признаку), эта стабильная монопризнаковая комбинация должна прослеживаться в дефинициях разных словарей. Если же структура значения лексической единицы является сложной, многокомпонентной, то в ее лексикографических дефинициях будет зафиксировано более одного видового отличия и / или эти компоненты будут варьироваться от словаря к словарю, образуя гибкую периферию лексического значения.

Исследование структуры значений ряда английских существительных и прилагательных¹ по лексикографическим данным² позволило сделать сле-

---

¹ В исследовании рассматривались качественные прилагательные, обозначающие такие характеристики, как цвет, размер, качества характера. Относительные прилагательные в работе не исследовались, поскольку в большинстве своем они «обозначают не признаки, а вещи, некоторое отношение к которым составляет признак денотата определяемого» [21, с. 234].

² Для исследования были привлечены 10 толковых словарей английского языка. Словарные источники указаны в списке сокращений.

дующие заключения. Во-первых, признаковые имена, обозначающие, казалось бы, некоторую одну характеристику субъекта, не являются монопризнаковыми с точки зрения структуры их значений. В качестве примера рассмотрим структуру значений таких слов, как *red* ‘красный’ и *brave* ‘храбрый’.

Т а б л и ц а 1

Семантические компоненты-модификаторы
в структуре значения слова *red* ‘красный’

Семантические компоненты, модифицирующие классификатор ‘обладание цветом’		Фиксация компонентов в дефинициях 10 привлеченных словарей									
		CALD	CED	RHD	MWD	OD	AHDEL	MD	LDOCE	COBUILD	WRUD
Положение цвета на спектре (радуге)			+	+	+	+					+
Соседствующие или противоположные цвета на спектре			+		+	+					+
Длина волны цвета			+	+							
Субъекты цвета	(Свежая) кровь	+	+	+		+	+	+	+	+	+
	Огонь					+				+	
	Рубин					+					
	Спелый томат		+								
Способность цвета распознаваться человеческим глазом			+	+							
Первичность цвета к другим цветам			+	+							

Простая бинарная структура (род ‘обладание цветом’ – видовое отличие ‘тип цвета’)¹ значения слова *red* выявлена лишь в четырех из десяти привлеченных словарных источников: *red* ‘of the **colour** of **fresh blood**’ (CALD) / ‘**цвета свежей крови**’; *red* ‘having a **color** resembling that of **blood**

¹ Родовой компонент ‘обладание цветом’ в значениях прилагательных был выявлен на основании присутствия слов-идентификаторов посессивных отношений ‘having’, ‘of’ и классификатора ‘color’ в большинстве дефиниций.

(АНДЕЛ) / ‘имеющий **цвет**, напоминающий цвет **крови**’; *red* ‘something that is red is the same **color** as **blood**’ (MD) / ‘что-то красное есть такого же **цвета**, что и **кровь**’; *red* ‘having the **colour** of **blood**’ (LDOCE) / ‘имеющий **цвет крови**’. В большинстве же привлеченных дефиниций прилагательного *red* наблюдается от двух до шести семантических компонентов, модифицирующих или уточняющих классификатор (табл. 1).

Таким образом, семантика единицы *red* представляется как многокомпонентная вариативная структура (рисунок).

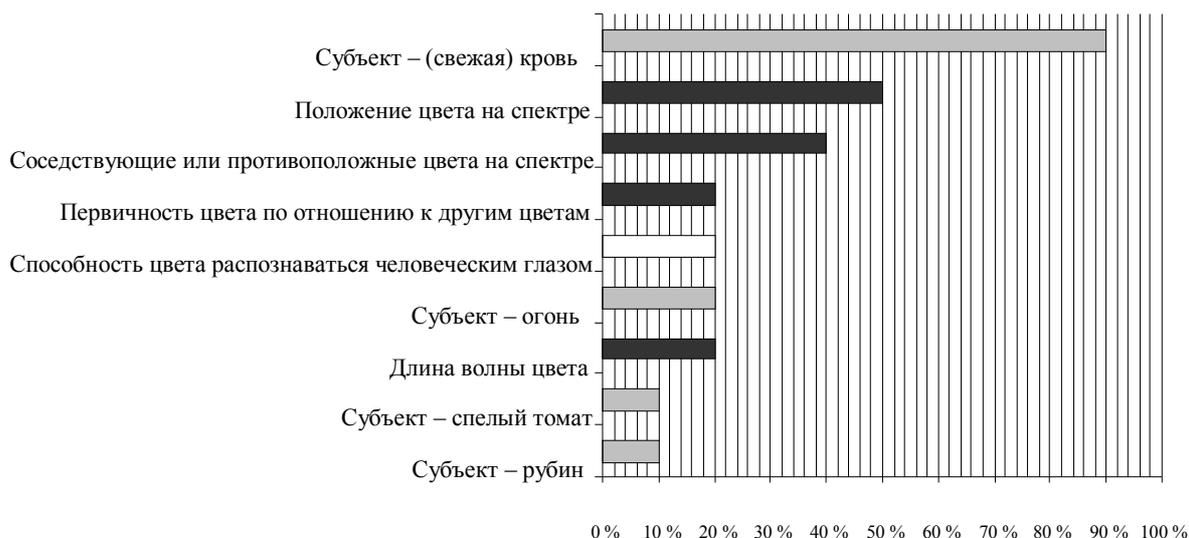

Рис. Организация модифицирующих компонентов значения слова *red* ‘красный’

В качестве наиболее крупных блоков («концептуального стержня» в терминологии А. Вежбицкой [1, р. 332]) значения слова *red* можно выделить **физические** характеристики (положение цвета на спектре, длина волны цвета и пр.), **субъекты цвета** (отсылки к таким объектам действительности, как кровь, рубин и пр.) и **антропоцентрические** характеристики (способность цвета распознаваться человеческим глазом) (соответственно, черные, серые и белые горизонтальные столбцы на диаграмме). Наиболее частотным и, следовательно, значимым и близким к классификатору компонентом прилагательного *red* является компонент ‘(свежая) кровь’, отсылающий к типичному субъекту цвета. Остальные признаки, с разной частотностью зафиксированные в дефинициях (от 50 до 10 %), образуют его ближнюю и дальнюю периферию.

В свою очередь значение прилагательного *brave* ‘храбрый’ описывается с помощью указания на одно видовое отличие лишь в одном из десяти словарей: *brave* ‘possessing or displaying **courage**’ (АНДЕЛ) / ‘имеющий или демонстрирующий **смелость**’ (табл. 2).

Модифицирующие и оценочные компоненты
в структуре значения слова *brave* ‘храбрый’

Семантические компоненты, модифицирующие классификатор ‘обладание качеством / выражение качества’		Фиксация компонентов в дефинициях 10 привлеченных словарей									
		CALD	CED	RHD	MWD	OD	AHDEL	MD	LDOCE	COBUILD	WRUD
Качества личности субъекта	Смелость, бесстрашие	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	Решительность, уверенность		+						+		+
	Моральная сила				+						
	Выносливость			+							
Противоположные качества личности субъекта	Застенчивость		+								
	Трусость		+								+
Физическое состояние субъекта – боль						+		+	+		
Обстоятельства поведения субъекта	Опасность ситуации	+			+	+		+	+	+	+
	Сложность ситуации	+			+				+		

В данном случае единственным модификатором классифицирующего признака ‘обладание качеством / выражение качества’¹ выступает компонент ‘смелость’. В большинстве же привлеченных дефиниций отмечается от двух до пяти модификаторов и оценочных компонентов. Наиболее крупными блоками выступают **психологические** признаки (качества личности субъекта – смелость / бесстрашие, решительность / уверенность, противоположные качества личности субъекта – застенчивость, трусость и пр.), **физиологические** признаки (состояние субъекта – боль) и оценочные компоненты **поведенческого** блока (опасность и сложность ситуации). Таким образом, компоненты значения прилагательного *brave* ‘храбрый’ образуют структуру, в которой наиболее близким к ядру признаком является ‘смелость, бесстрашие’. Вторым по степени значимости является компонент ‘опасность ситуации’, отмеченный в семи из десяти дефиниций, например, *brave* ‘dealing with **danger, pain, or difficult situations with courage and confidence**’

¹ Выделение классификатора ‘обладание качеством / выражение качества’ основано на наличии в дефинициях идентифицирующих слов ‘having’, ‘possessing’, ‘displaying’ etc., а также абстрагирования семы ‘качество’ из многообразия конкретизаторов в дефинициях (‘courage’, ‘resolution’, ‘willing’ etc.).

(LDOCE) / ‘принимаящий **опасность, боль или сложные ситуации с мужеством и уверенностью**’. Остальные признаки составляют дальнюю периферию значения с частотностью актуализации в лексикографическом дискурсе от 30 до 10 %.

Как представляется, полипризнаковость приведенных в качестве примеров прилагательных имеет разные причины. Многокомпонентность структуры значения *red* ‘красный’ обусловлена в большей степени сложностью обозначаемой им характеристики – цвета как физического явления – и разнообразием существующих оттенков внутри каждой части спектра. В значениях же таких единиц, как *brave* ‘храбрый’, находят отражения участники и обстоятельства ситуаций проявления соответствующих качеств человека, что делает их полипризнаковыми единицами с актантной структурой организации значения.

Вторым важным выводом проведенного исследования является то, что монопризнаковость как тенденция характеризует не столько анализируемые прилагательные, сколько отдельные разряды существительных – наименования лиц (например, *man* ‘мужчина’, *woman* ‘женщина’, *teacher* ‘учитель’) (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Количество модификаторов в значениях исследуемых единиц

Исследуемые лексические единицы	Число модификаторов в их значениях	Исследуемые лексические единицы	Число модификаторов в их значениях
<i>man</i> ‘мужчина’	3	<i>mouse</i> ‘мышь’	8
<i>teacher</i> ‘учитель’	3	<i>red</i> ‘красный’	9
<i>woman</i> ‘женщина’	3	<i>brave</i> ‘храбрый’	9
<i>tree</i> ‘дерево’	4	<i>plant</i> ‘растение’	10
<i>big</i> ‘большой’	6	<i>bird</i> ‘птица’	11
<i>person</i> ‘человек’	7	<i>aggressive</i> ‘агрессивный’	12
<i>creature</i> ‘животное’	7	<i>substance</i> ‘вещество’	12
<i>glass</i> ‘стекло’	7	<i>owl</i> ‘сова’	13

Данный факт обуславливается, с одной стороны, узостью характеристик, по которым выделяются отдельные группы людей по сравнению, например, с отдельными видами животных и растений, у которых достаточно большой набор отличительных черт (особенности строения, размножения, размер, окрас и пр.). В некоторой степени ограничивает число дифференцирующих признаков в лексическом значении и функциональная направленность обозначаемого класса сущностей (например, наименований людей по профессии или наименований артефактов). Зависимость же количественных показателей компонентного состава лексического значения от лингвисти-

ческих факторов, как, например, от частеречной отнесенности единицы или гиперо-гипонимического ранга, как следует из полученных результатов, не является строгой.

Выявленные закономерности позволяют также предположить, что полипризнаковость является фундаментальной характеристикой значений лексических единиц, проистекающей из явной или скрытой стохастичности (в терминологии М. В. Никитина [21, с. 104]) всех концептов, стоящих за языковыми знаками. Явными стохастизмами являются имена естественных родов (*bird* ‘птица’, *owl* ‘сова’, *tree* ‘дерево’ и пр.), которые фиксируют концепты с преобладанием индуктивно-эмпирической стороны и значения которых есть изначально вероятностные структуры [Там же], что и находит отражение в их лексикографических дефинициях.

В свою очередь наименования артефактов и лиц характеризуются скрытой стохастичностью, т.е. фиксируют концепты с преобладанием конструктивно-логической стороны, но при *рассмотрении* (курсив наш – Е. Б.) признаков, заданных определением, обнаруживается их вероятностная природа [21, с. 103–106]. Например, концепт, фиксируемый единицей *teacher* ‘учитель’, формально зиждется на одном-единственном признаке (‘род занятий – учить’), который и определяет членство в этой категории. Однако даже в таком номинальном классе денотатов разнообразие его членов (например, учитель детей и преподаватель для взрослых, учитель в школе, в учреждении высшего образования, на дому и пр., обучение за деньги и бесплатно и т.д.) приводит к размыванию границ класса и вероятностной структуризации концепта. Вследствие этого в словарные дефиниции слова *teacher* вводятся дополнительные признаки, призванные дать потребителю еще одну «опору в собственном опыте» [22, р. 572] для более четкого определения области референции слова.

Классы признаков, очерченные значениями прилагательных, также могут быть достаточно неоднородными, что предполагает выделение и в них центральных и периферийных зон и, соответственно, обогащение значений прилагательных дополнительными компонентами. Монопризнаковость же является, скорее, характеристикой реализованного в определенных контекстуальных условиях значения слова, нежели свойством его концептуального содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wierzbicka, A.* Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor : Karoma Publishers, Inc., 1985. – 368 p.
2. *Томашевская, Л. А.* Структура значения антропонимов в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. А. Томашевская ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Горького. – М., 1985. – 26 с.
3. *Pustejovsky, J.* The generative lexicon / J. Pustejovsky // *Computational Linguistics*. – 1991. – Vol. 17, № 4. – P. 409–441.

4. *Фархутдинова, Н. В.* Структурные и категориальные признаки слов и их отражение в словарных дефинициях : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Фархутдинова. – Минск, 1992. – 163 л.
5. *Wisniewski, E.* When concepts combine / E. Wisniewski // *Psychonomic Bulletin and Review*. – 1997. – Vol. 4. – P. 167–183.
6. *Рахилина, Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Рахилина ; Всерос. ин-т науч. и техн. инф. Рос. акад. наук. – М., 1999. – 27 с.
7. *Ключникова, И. В.* Локативность и темпоральность как семантические признаки имен существительных (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Ключникова. – Минск, 2001. – 119 л.
8. *Ивашкевич, И. Н.* Перцептивные признаки как семантические компоненты лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. Н. Ивашкевич. – Минск, 2003. – 120 л.
9. *Croft, W.* *Cognitive linguistics* / W. Croft, D. A. Cruse. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. – 356 p.
10. *Ситянина, Н. В.* Структурно-семантическое исследование наименований объектов и явлений природы в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Ситянина. – СПб., 2004. – 146 л.
11. *Олейник, М. И.* Семантика предметных имен (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. И. Олейник. – Минск, 2005. – 125 л.
12. *Харитончик, З. А.* Лексическое значение как моделируемая сущность / З. А. Харитончик // *Strategii discursive; colocviul intern. de științe ale limbajului 'Eugen Coșeriu'* / col. red.: E. Axenti. – Chișinău : CEP USM, 2006. – Vol. 8. – pt. 1. – P. 62–69.
13. *Кошелев, А. Д.* О схеме лексического значения предметного существительного и ее функционировании в акте коммуникации / А. Д. Кошелев // *Вереница литер : сб. ст. к 60-летию В. М. Живова* / Ин-т рус. языка Рос. акад. наук ; отв. ред. А. М. Молдован. – М., 2006. – С. 516–570.
14. *Гаврилова, О. Ю.* Корреляция семантических и мотивировочных признаков лексических единиц как способов языковой репрезентации знаний (на материале наименований животных в современном английском языке) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Ю. Гаврилова. – Минск, 2008. – 143 л.
15. *Зозуля, О. Л.* Семантика и структурная организация фитонимов в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Л. Зозуля. – Минск, 2008. – 107 л.
16. *Kharitonchik, Z. A.* Lexical meaning as a dynamic entity of variant semantic components / Z. A. Kharitonchik // *Probleme Actuale de Lingvistică, Glotodidactică și Știință Literară: actele colocviului internațional, Chișinău, 5–6 martie, 2009* / Universitatea de stat din Moldova; coord.: L. Zbanț, V. Păcuraru. – Vol. IV, Partea I. – Chișinău, 2009. – P. 113–121.

17. Будникова, Е. И. Значимость семантических компонентов в структуре лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. И. Будникова. – Минск, 2016. – 175 л.
18. Харитончик, З. А. В поисках сущности имен. Избранное : сб. науч. ст. / З. А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2015. – 252 с.
19. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1983. – 123 с.
20. Evans, V. How words mean: lexical concepts, cognitive models and meaning construction / V. Evans. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. – 271 p.
21. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие / М. В. Никитин. – 2-е изд., доп. и испр. – СПб. : Изд. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
22. Bolinger, D. The Atomization of Meaning / D. Bolinger // Language. – 1965. – Vol. 41, № 4. – P. 555–573.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. AHDEL – American Heritage Dictionary of the English Language [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.ahdictionary.com>. – Date of access : 3.05.2018.
2. CALD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary / ed. by P. Gillard [et al.]. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 1562 p.
3. CED – Collins English Dictionary. Complete and Unabridged [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://dictionary.reference.com>. – Date of access : 15.09.2018.
4. COBUILD – The Collins COBUILD Advanced Dictionary of American English [Electronic Resource]. – Электрон. дан. и прогр. (200 Мб). – Harper Collins Publishers Ltd., 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
5. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.ldoceonline.com>. – Date of access : 3.05.2018.
6. MD – Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.macmillandictionary.com>. – Date of access : 04.05.2018.
7. MWD – Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.merriam-webster.com>. – Date of access : 15.09.2018.
8. OD – Oxford Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.oxforddictionaries.com>. – Date of access : 20.05.2018.
9. RHD – Random House Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <http://dictionary.reference.com>. – Date of access : 24.05.2018.
10. WRUD – Webster’s Revised Unabridged Dictionary. DICT Development Group [Electronic resource]. – 1913. – Mode of access : <http://www.dict.org>. – Date of access : 24.05.2018.

The article substantiates the thesis about the fundamentally multi-featured character of linguistic units. A case study of meaning structures of some common English nouns and adjectives

taken in their various lexicographic definitions reveals that multi-featured lexical meanings can be found in both the studied lexico-grammatical classes. So, the number of features in the meaning of a word depends little on the part of speech it belongs to, rather it rests upon some extra-linguistic and pragmatic criteria, such as the degree of variation among the members of the designated class of entities, or the choice of function as a distinctive feature of the denoted class.

Поступила в редакцию 19.09.2019

С. С. Ключенович

ТЕКСТООРГАНИЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭЛЛИПСИСА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

В статье рассматривается специфика эллиптирования в условиях медийного и законодательного дискурсов на материале современного немецкого языка. Рассматривается эллипсис с катафорической направленностью связей, многоэтапное, а также параллельное эллиптирование. Последний способ приводит к образованию семантически емкого универбата. Анализируется взаимодействие эллипсиса и словосложения как речевых процессов с точки зрения выстраивания структуры текста.

В рамках данной статьи представлены результаты исследования двух форм реализации официально-деловой коммуникации: экономического и правового дискурсов. В качестве материала послужили газетно-журнальные статьи и законодательные акты ФРГ. В контексте очерченной проблематики нас больше интересует эллиптирование как процесс не языковой, а речевой, как явление, связанное с речевой деятельностью, с выстраиванием структуры конкретного текста.

Предыдущий этап нашего исследования [1] был посвящен рассмотрению анафорического эллипсиса. Речь идет о ситуации, когда в структуре соответствующего текста сначала фигурирует полная (исходная) конструкция, а уже потом следует эллиптическая единица, включенная в структуру универбата следующего уровня смысловой компрессии. Соответственно, имеет место анафорическая отсылка на предшествующий контекст.

Возможна, однако, и обратная ситуация, т.е. *катафорический эллипсис*. Проследим это на текстовом примере из немецкой газеты «Франкфуртер альгемайне».

*Wenn man Portfoliomanager im vergangenen Jahr nach ihren Favoriten befragte, dann stimmten diese bis auf wenige Ausnahmen ein Loblied auf **Technologieaktien** an. Der Sektorindex **Informationstechnologie** stellte 2009 mit einem Zuwachs von 59 Prozent alle anderen Sektoren in den Schatten <...>*

*Trotz guter Daten der amerikanischen Wirtschaft <...> und positiver Quartalsergebnisse der **Technologieunternehmen** ging dem Technologiesektor die Puste aus (FAZ, 2010).*

Знакомство с текстовым фрагментом позволяет констатировать наличие словообразовательной цепочки *Technologieaktien – Informationstechnologie – Technologieunternehmen*, члены которой объединены общим лексемным компонентом. Примечательно, что структурно неполный композит

Technologieaktien находится в начале этой цепочки. К. Я. Сигал отмечает исключительную редкость катафорической связи в эллиптированных в речи конструкциях, объясняя это тем, что «говорящему трудно подвергать эллипсису компонент, еще отсутствующий в контексте» [2, с. 212]. Данное суждение представляется вполне логичным, однако именно газетно-журнальный дискурс склонен генерировать так называемые «слова-загадки», получающие экспликацию уже в последующей части текста [3, л. 99], где мы встречаем композит *Technologieunternehmen*. Соответственно, *Technologieaktien* подразумевает *Aktien von Technologieunternehmen* ‘акции технологических компаний’. А за технологиями, в свою очередь, стоят именно информационные, а не все их виды (среднее звено словообразовательной цепочки). В итоге в данном тексте возможно констатировать еще одну заслуживающую исследовательского внимания особенность, а именно *двухэтапное эллиптирование*:

Informationstechnologien > Technologieunternehmen > Technologieaktien. (Жирным шрифтом нами выделен эллиптируемый компонент).

Еще одним примером катафорического эллипсиса может послужить следующий новостной материал.

Ingo Kramer löst Dieter Hundt als Arbeitgeberchef ab

*17 Jahre sind selbst für Dieter Hundt genug: Der 75-jährige Arbeitgeberpräsident hat die Geschäfte des **Lobbyverbands BDA** an Ingo Kramer übergeben. Der Bremerhavener Unternehmer war zuvor einstimmig gewählt worden.*

*Chefwechsel beim Arbeitgeberverband: Ingo Kramer folgt Dieter Hundt an der Spitze der **Bundesvereinigung der Arbeitgeberverbände BDA**. Der 60-jährige Kramer wurde am Montag in Berlin einstimmig von der Mitgliederversammlung gewählt* (<https://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/bda-dieter-hundt-tritt-ab-ingo-kramer-folgt-a-934275.html>).

Внимание читателя сразу привлекает своей некоторой логической некорректностью производное *Arbeitgeberpräsident*. Несмотря на то, что это трехлексемный композит, т.е. довольно протяженная единица, ощущается его структурная неполнота. Знакомство с последующим текстом подтверждает это предположение. Эллиптированная часть присутствует в тексте трижды (*Lobbyverband BDA*, *Arbeitgeberverband*, *Bundesvereinigung der Arbeitgeberverbände BDA*). Как видим, это отнюдь не стилистический прием тождественного повтора, а скорее порционированная подача многокомпонентной информации. Так, в первом случае подчеркивается функция лоббирования, во втором – упоминаются те, чьи интересы представляются (т.е. работодатели), а в третьем – дается полное название организации. Правда, на официальном сайте название оказалась еще длиннее: *Bundesvereinigung der Deutschen Arbeitgeberverbände BDA*. Важно отметить, что все три репрезентации эллиптированной части объединяет упоминание ключевой в данном случае лексемы *Verband* ‘союз, ассоциация’.

Следующий текстовый пример заимствован нами из немецкого делового журнала «Виртшафтсвохе».

So viel verdienen die Dax-Chefs

Deutschlands Topmanager haben einer Studie zufolge im vergangenen Jahr im Schnitt etwas weniger verdient als 2017. Angesichts rückläufiger Erträge der Dax-Unternehmen sank die Direktvergütung ihrer Vorstandschefs durchschnittlich um sechs Prozent... (WiWo, 21.03.2019).

В заголовке присутствует катафорический окказионализм *Dax-Chefs*, поэтому именно знакомство с последующим текстом позволяет вскрыть всю конденсированную в нем семантику и увидеть, что привело к созданию столь емкого, и вместе с тем компактного, производного. Так, за первым компонентом универбата стоит композит *Dax-Unternehmen* ‘ведущие компании Германии’¹, а за вторым – *Vorstandschefs* ‘председатели правлений концернов’. Это позволяет проследить сразу две параллельные линии эллиптирования, т. е. одновременно опущены лексемы *Unternehmen* и *Vorstand*. *Двойной эллипсис* представляет собой один из редких случаев в нашей картотеке.

Весьма примечательна многочленная словообразовательная цепочка, которая прослеживается по ходу изложения закона ФРГ об исполнении уголовного наказания. Началом указанной цепочки можно считать словосочетание *Vollzug der Freiheitsstrafe*, которое фигурирует в названии самого закона, однако практически здесь же используется более краткое название этого закона *Strafvollzugsgesetz*, где лексема *Freiheit* ‘свобода’ на формально-поверхностном уровне уже отсутствует. Тем не менее универбат *Strafvollzug* в рамках смысловой структуры текста данного закона семантизируется как ‘исполнение наказания, связанное с лишением свободы’. В самом тексте закона мы встречаем уже следующее:

Der Vollzug ist darauf auszurichten, daß er dem Gefangenen hilft, sich in das Leben in Freiheit einzugliedern (StVollzG § 3).

Очевидно, что в данном случае девербатив *Vollzug*, будучи интегрирован в структуру текста закона об исполнении наказания, принимает на себя ту семантику, которая предполагает соответствующий объект (*Freiheitsstrafe* ‘наказание, связанное с лишением свободы’), упомянутый ранее по тексту. Тем самым девербатив выполняет в рамках данного текста определенную, задаваемую повествовательным развитием этого текста, коммуникативную функцию.

По ходу изложения закона мы встречаем другие производные с ключевой лексемой *Vollzug*, подвергнутой процессу текстовой семантизации:

Der Gefangene wirkt an der Gestaltung seiner Behandlung und an der Erreichung des Vollzugszieles mit (StVollzG § 4).

Как видим, текст «работает» с усеченным, но вместе с тем текстуально семантизированным, девербативом *Vollzug* и интегрирует его в формально-поверхностную структуру композита более высокого порядка (*Vollzugsziel*).

---

¹ Вопросы, связанные с наличием так называемой национально-культурной семантики в структуре экономических реалий, освещены в статье С. С. Ключеновича «Национально-культурная детерминированность номинативных процессов в политическом и экономическом дискурсах» (Вестн. МГЛУ Сер. 1. Филология, 2019, № 3 (100). – С. 98–105).

Аналогичным случаем можно считать и следующий пример:

Der Gefangene darf aus wichtigem Grund in eine andere Vollzugsanstalt überstellt werden (StVollzG § 8).

А вот приводимый ниже пример демонстрирует уже третью ступень эллиптирования (опускается компонент *Vollzug* в сложном слове *Vollzugsanstalt* ‘учреждение исполнения наказания’) с последующим включением лексемы *Anstalt* в состав композита в качестве его определительного члена. *Der Anstaltsleiter kann dem Gefangenen für Lockerungen und Urlaub Weisungen erteilen* (StVollzG § 14).

Практически контактное присутствие слова *Gefangener* ‘заключенный’, безусловно, способствует правильной интерпретации широкозначного слова *Anstalt* ‘учреждение, заведение (напр. больница, лечебница, тюрьма), институт, организация; фирма’. Указанная лексема-репрезентант используется в тексте закона и для создания других словообразовательных комбинаций аналогичного характера. Например:

Ein kranker Gefangener kann in ein Anstaltskrankenhaus oder in eine für die Behandlung seiner Krankheit besser geeignete Vollzugsanstalt verlegt werden (StVollzG § 65).

Анализ приведенных контекстов со всей очевидностью показывает, что опущение определенных лексем стало возможным благодаря имплицированию их семантики в структуру соответствующего производного знака. Импликация же определенных смысловых компонентов поддерживается внутритекстовыми когезивными связями.

Представим в более сжатом виде описанные выше три этапа эллиптирования (*трехступенчатый эллипсис*):

1. *Vollzug der Freiheitsstrafe* > *Strafvollzug* (*Strafvollzugsgesetz*);
2. *Strafvollzug* > *Vollzug* (текстовая семантизация) > *Vollzugsbedienstete*, *Vollzugsplan*, *Vollzugsbehörde*, *Vollzugsanstalt*;
3. *Vollzugsanstalt* > *Anstalt* > *Anstaltsleiter*, *Anstaltskleidung*, *Anstaltsverpflegung*, *Anstaltskrankenhaus* и др.

Условно можно смоделировать один из тех композитов, который должен был бы возникнуть по всем правилам немецкого словосложения, если бы не имело место описанное многоступенчатое эллиптирование. Это могло бы выглядеть, например, следующим образом: *Freiheitsstrafvollzugsanstaltskrankenhaus*. Очевидно, что рассмотренная техника эллиптирования отдельных лексем сказывается положительно на восприятии текста реципиентом благодаря более компактному представлению линейно-протяженных структур.

В свете сказанного интересно рассмотреть сопоставительно еще два фрагмента из этого же закона:

Besondere Sicherungsmaßnahmen ordnet der Anstaltsleiter an. Bei Gefahr im Verzuge können auch andere Bedienstete der Anstalt diese Maßnahmen vorläufig anordnen... (StVollzG § 91); ...

Bedienstete der Justizvollzugsanstalten dürfen unmittelbaren Zwang anwenden, wenn... (StVollzG § 94).

Сопоставление обоих фрагментов в той части, которая выделена жирным шрифтом, естественным образом ставит перед исследователем вопрос о том, чем вызвано употребление формально-структурно полной конструкции *Justizvollzugsanstalt* ниже по тексту. Ответ, как думается, заключается в том, что эллиптические единицы используются, прежде всего, тогда, когда сохраняется тема повествования (“Ellipsen werden vor allem dann verwendet, wenn das Diskursthema <...> beibehalten wird”) [4, S. 149]. Применительно к нашему случаю это, как думается, означает: через повторное употребление исходной протяженной конструкции происходит «подхватывание» темы. Как следствие, имеет место своего рода обрамление эллиптической единицы в предтексте и посттексте полными конструкциями с целью удержания темы, иными словами, обеспечения гарантированно верной интерпретации конденсированной единицы. М. Сельтинг характеризует эллиптические образования как единицы, которые испытывают такую компрессию, что формально представленным остается только самый фокус дискурса (“auf den Fokus verdichtete Einheiten”) [4, S. 149]. По сути, употребление структурно полных соответствий «ставит опоры» для текстовой семантизации эллиптически конденсированных единиц. А это, в свою очередь, обеспечивает «взаимобратимость» эллипсиса, о которой говорит Е. И. Морозова. «Эллипсис отличается от любого “стирания” элементов своей взаимобратимостью. В этом и заключается лингвистическая сущность так называемой опоры на контекст и ситуацию, которые выступают необходимым условием эллипсиса...» [5, л. 9].

Интересным случаем эллипсиса является его использование в катафорической и анафорической функции в рамках одного текста. Так, уже в надзаголовке к журнальной статье употребляется эллиптическая единица:

*Der SPD-Vorsitzende Kurt Beck will mit der **Bahn-Privatisierung** Führungsqualität beweisen...* (WiWo, 14.4.2008, Nr. 16, S. 26).

В начале первого абзаца автор предлагает исходную синтаксическую конструкцию, послужившую основой создания катафорического универбата ***Bahn-Privatisierung***:

*Seinen Zeitplan hat Kurt Beck längst über den Haufen geworfen. Bereits am vergangenen Dienstag sollen sich 19 Spitzenpolitiker der SPD auf ein Konzept zur **Privatisierung der Deutschen Bahn** einigen* (WiWo, 14.4.2008, Nr. 16, S. 26).

Во втором абзаце снова используется эллипсис с одновременной универбацией:

*Am 28. April steht die **Bahn-Privatisierung** dann ganz oben auf der Tagesordnung...* (WiWo, 14.4.2008, Nr. 16, S. 26).

Как видим, здесь уже эллипсис имеет анафорическую направленность по отношению к исходной конструкции. Универбат ***Bahn-Privatisierung*** затем еще неоднократно используется ниже по тексту, что прагматически вполне объяснимо его относительной компактностью и хорошей запоминаемостью.

Развертывание текста стимулирует создание целой серии анафорических эллиптических единиц:

Börsengang der Bahn, Teilprivatisierung der Bahn, Bahn-Börsengang, Bahn-Reform.

По сути возникает целая топиальная цепочка (“Topikkette”) в терминологии Э. Агриколы [6], т.е. цепочка кореферентных выражений. Серия словообразовательных конструкций с компонентом *Bahn* на этом не исчерпывается. В тексте фиксируются также следующие композиты: *Bahn-Chef, Bahn-Aktien, Bahn-Konzernholding, Bahn-Arbeitsgruppe* и др.

Среди этого массива производных конструкций присутствует закономерным образом и ступенчатый эллипсис: *Privatisierungsskeptiker und –befürworter*. Обращает на себя внимание, насколько выстраивание структуры текста поддерживает процесс эллиптирования:

*Je länger sich die Auseinandersetzung um die **Bahn-Privatisierung** hinzieht, desto mehr entwickelt sie sich zur Machtfrage für Beck. Bringt der SPD-Vorsitzende **Privatisierungsskeptiker und –befürworter** in den eigenen Reihen auf eine Schiene und ermöglicht so doch noch den **Börsengang der Bahn**, könnte er...* (WiWo, 14.4.2008, Nr.16, S.26).

Этот фрагмент показывает, что вторая ступень эллипсиса (где название холдинга элиминировано полностью) обрамлена производными первой ступени (здесь отсутствует только часть названия). Такое структурирование данного абзаца обеспечивает сразу несколько преимуществ: избавляет автора от стилистически нежелательного трехкратного повтора названия концерна, дистанцирует неизбежный повтор названия, открывает возможности для интенсивного словообразовательного «освоения» лексемы *Privatisierung* и как следствие компактного представления содержания абзаца.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Эллипсис как речевой процесс опирается на внутритекстовые связи. В силу этого он может иметь не только анафорическую направленность, но и катафорическую. В рамках текста возможно образование целой серии эллиптических единиц.

Механизм эллиптирования лексем в рамках номинативно-смысловых комплексов может «включаться» неединожды, т.е. происходить в несколько этапов. Следствием этого будет многоступенчатый эллипсис.

Эмпирический материал позволяет выявить также такие яркие случаи словосложения, когда прослеживаются сразу две параллельные линии эллиптирования. Речь идет о так называемом двойном эллипсисе, когда за каждым (и определительным, и опорным) компонентом образованного композита исходно стоит некий полилексемный комплекс.

Структура текста «работает» на правильную интерпретацию текстуально семантизированной единицы, например, через лексическое окружение, призванное заузить сферу референции эллиптической единицы, а также через совместную встречаемость разных ступеней эллипсиса или через повторное употребление формально-структурно полной конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ключенович, С. С.* Когезивные основы эллипсиса сквозь призму универбации (на материале экономических и правовых текстов) / С. С. Ключенович // Вестн. МГЛУ. Сер. 1. Филология. – 2019. – № 4 (101). – С. 92–98.
2. *Сигал, К. Я.* Эллипсис как речевой процесс (на материале словосочетаний) / К. Я. Сигал // Вопр. психолингвистики. – 2016. – № 1. – С. 209–217.
3. *Ключенович, С. С.* Имена действия композитного типа в структуре текстов различных функциональных стилей немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. С. Ключенович. – Минск, 2002. – 115 л.
4. *Selting, M.* Sogenannte ‚Ellipsen‘ als interaktiv relevante Konstruktionen? Ein neuer Versuch über die Reichweite und Grenzen des Ellipsenbegriffs für die Analyse gesprochener Sprache in der konversationellen Interaktion / M. Selting // Syntax des gesprochenen Deutsch / Hrsg. P. Schlobinski. – Opladen: Westdeutscher Verl., 1997. – S. 117 – 157.
5. *Морозова, Е. И.* Структурно-функциональные типы и прагматические характеристики эллипсиса во французском языке в сопоставлении с английским (на материале газетно-журнальных публикаций) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. И. Морозова. – Екатеринбург, 2005. – 153 л.
6. *Agricola, E.* Semantische Relationen im Text und im System / E. Agricola. – Halle (Saale): Max Niemeyer, 1972. – 127 S.

The article focuses on the specificity of ellipsis in media and law discourses. The research is carried out on the material of modern German. The main problems are ellipsis with a cataphoric text relation, as well as multi-stage and parallel ellipsis. The last type leads to the formation of a semantically condensed univerbat. The interaction of ellipsis and word compounding as speech processes is analyzed in terms of producing the text structure.

Поступила в редакцию 05.09.2019

А. В. Кирикова, Т. К. Кохнович

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В статье отражены результаты исследования выражения оценки в немецкой речи студентов 3 и 5 курсов МГЛУ в сопоставлении с речью носителей языка. Отмечено, что студенты преимущественно употребляют краткие общеоценочные высказывания. В просодическом оформлении оценочных высказываний имеет место нарушение студентами акцентно-ритмической структуры, наблюдаются различия в тональном уровне завершения фраз-порицаний. Показано, что реализация ими оценочных речевых действий связана с уровнем владения немецким языком и влиянием русского языка на лексическое, грамматическое и просодическое их оформление.

Межличностное общение складывается из взаимного влияния людей друг на друга, из их стремления развить позитивные качества окружающих. Одним из механизмов регулирования взаимоотношений в обществе высту-

пают высказывания, содержащие оценку действий, поведения собеседника. Изучение разного рода оценочных параметров и их актуализации в речи приобрело особое значение в связи с ростом внимания к человеческому фактору в языке. В разряд оценочных явлений входит речевой акт похвалы, сущность и предназначение которого определяется связью этого вида речевой деятельности с категорией добра, с проблемой взаимодействия человека и мира в ценностном аспекте.

Как отмечает О. С. Иссерс, для похвалы основной целью является положительная оценка «качеств знаний, умений адресата, а чтобы получить похвалу, нужно совершить нечто, проявив себя с положительной стороны» [1, с. 208]. В исследованиях Н. А. Трофимовой [2, с. 160] и И. Г. Дьячковой [3] указывается, что похвала – это демонстративные выражения особого одобрения партнера по поводу его поступка, поведения, исключительных успехов, выходящих за рамки требований нормы.

В связи с обсуждаемым вопросом интерес представляет точка зрения немецкого лингвиста В. Циллига, который сформулировал следующие условия успешности похвалы для педагогического процесса [4, S. 241]: реагируя на правильный ответ ученика высказыванием *Ja, das ist richtig*, учитель не высказывает похвалу, а подтверждает, что ответ был верен. Для того, чтобы это высказывание стало похвалой, необходимо выполнение второго условия, смысл которого в следующем: говорящий выражает, что объект оценки соответствует ценностным ориентирам, превышающим норму. Поскольку похвала является средством поощрения адресата, то говорящий, обладающий компетенцией поощрения, сохраняет за собой безусловное правило определять границу между нормой и экстраординарностью. Более того, он в какой-то мере решает, что можно считать достижением, а что нет. Независимо от того, заслужена похвала или нет, намерения говорящего – повышение самооценки адресата, его ободрение и побуждение к дальнейшим усилиям, повышение его мотивации – не меняются.

Оценочные высказывания в форме порицания выполняют функцию ориентиров, помогающих решить проблему выбора, актуальную для каждого из членов общества. В последние годы появился ряд работ, описывающих порицание как речевой акт. Так, Н. А. Трофимова отмечает, что порицание является специфическим речевым актом с заложенным в нем сложным интенциональным содержанием, которое интегрирует выражение неодобрительной оценки и воздействия на эмоциональное состояние адресата [2, с. 255]. Немецкий лингвист Ф. Хундсшнуршер характеризует порицание как 1) побуждение извиниться или оправдаться, т.е. как директивный речевой акт; 2) как утверждение, приписывающее адресату ответственность за какое-то действие; 3) как выражение досады по поводу определенного положения дел или действия [5, S. 146].

Анализ научных работ лингвистов позволяет утверждать, что порицание двунаправленно, его основная иллокутивная цель – оказать эмоциональное воздействие на собеседника, чтобы побудить его исправить отрицательное положение дел, наступившее по его вине. Таким образом, доминирующей

функцией порицания является регулирующая (исправительная). Именно она позволяет отграничить порицание от смежных видов речевых действий, например, от инвективов. Реальное выражение порицания получает с помощью языковых средств, ориентированных на конкретную речевую ситуацию. Представляется, что описание языкового выражения порицания может проводиться по инвариантной модели: говорящий, обладающий компетенцией оценивания относительно нормы, полагает, что адресат по какому-то признаку не соответствует этой норме.

Все вышесказанное показывает, что похвала и порицание занимают значимое место в системе оценочных речевых актов. Для исследования особенностей лексической, грамматической и просодической организации оценочных актов похвалы и порицания в немецкой речи студентов-лингвистов МГЛУ была проведена серия экспериментов. Студентам было предложено в письменной форме отреагировать тремя фразами на следующие ситуации:

1) выразить положительную оценку на просмотренную пьесу в театре – *Sie haben sich ein interessantes Theaterstück angesehen. Sie bringen Ihre Begeisterung zum Ausdruck* (участвовали 40 студентов 3 курса и 20 студентов 5 курса);

2) выразить негативную оценку на плохо написанную учеником контрольную работу – *Sie sind mit der Kontrollarbeit eines Schülers unzufrieden. Sie wenden sich an den Schüler* (участвовали 40 студентов 3 курса и 20 студентов 5 курса);

3) похвалить ребенка за хорошие оценки в школе – *Die Eltern loben ihr Kind für gute Noten* (участвовали 20 студентов 5 курса).

Для решения задач исследования все перечисленные выше задания были предложены двум носителям языка (преподавателям по линии DAAD).

Для анализа просодических характеристик была проведена аудиозапись оценочных суждений, реализованных носителями языка и студентами. Результаты практического исследования могут быть представлены следующим образом.

1. Реализация студентами положительной оценки.

Анализ положительной реакции студентов 3 курса на просмотренную пьесу показал: из 120 фраз, реализованных студентами, 70 ответов (58,3 %) представляли собой односложные лексемы. Наиболее часто употреблялась лексема *toll*, а также различные словосочетания с данной лексемой – *so toll*, *supertoll*, *toll und schön*. Кроме этого, в 16,7 % случаев наблюдались общеоценочные суждения, например: *Das hat mir gefallen*, а частнооценочные высказывания представлены единичными случаями (4,2 %): *Der Regisseur ist ein Genie! Das Sujet und die Schauspieler haben mir gefallen*. При этом общеоценочная лексема в некоторых случаях предшествовала частнооценочной: *Ausgezeichnet! Das ist das beste Theaterstück in meinem Leben!* Степень похвалы увеличивалась за счет различных интенсификаторов (7,5 %): *So wunderbar! Oh, es war super!*

При анализе ответов студентов 5 курса было отмечено, что во фразах-реакциях есть много общего с ответами студентов 3 курса. Так, 42 % испытуемых употребили односложные оценочные лексемы: *toll, super, prima, bravo, wertvoll*. Они отличаются разной степенью похвалы: от менее интенсивного *gut* до более интенсивного *tadellos*. В речи студентов 5 курса представлены фразы, в которых они хвалили не только спектакль в целом, но и актеров, декорации (18 %): *Die Schauspieler haben sich in ihre Rollen perfekt eingelebt. Die Dekorationen waren wunderschön*. Интенсификаторы помогали испытуемым лучше выразить свои эмоции: *Oh, mein Gott! Fantastisch!* (16 % случаев). Студенты 5 курса несколько реже, чем студенты 3 курса используют односложные лексемы (42 %), дают более развернутые ответы, употребляя частнооценочные высказывания (18 %) и интенсификаторы (16 %). В речи отдельных студентов представлены довольно развернутые ответы, например: *Das war etwas absolut hervorragendes! Es war eine wunderschöne Atmosphäre geschaffen, in die ich mich versenkt habe. Und so bin ich auch selbst ein Teil des Stückes geworden! ...*

При анализе похвалы ребенка за хорошую учебу студенты 5 курса, выступающие в роли родителей, хвалили ребенка не только за отличные успехи в учебе, но и за примерное поведение. Они делали прогнозы на будущее, используя фразу *Weiter so!* Наиболее часто (42 % случаев) студенты употребляли выражение *stolz sein auf* Akk.: *Mein Kind, ich bin stolz auf dich!* Наблюдались также краткие, неразвернутые речевые действия похвалы, содержащие общеоценочные предикаты, семантически суженные до частнооценочных интеллектуальных: *Gut gemacht! Richtig! Perfekt!*, а также предикаты интеллектуальной оценки деятельности: *Vernünftig! Tief! Eigenartig!* В редких случаях студенты использовали уменьшительно-ласкательную форму обращения: *Mein Süßchen! Mein Schätzchen!*

Сравнение ответов студентов 3 и 5 курсов показывает не только более высокий уровень владения языком выпускниками, но и их достаточно высокую подготовку к оценке действий, поступков и знаний учащихся.

2. Реализация студентами отрицательной оценки.

Анализ языковых средств выражения указанных речевых действий показал, что в 55 % случаев (68 лексем из 120) студенты 3 курса использовали только оценочные лексемы: *furchtbar, schrecklich, schlimm*. Чаще других употреблялось слово *schlecht*, имели место также единицы, включающие в себя интеллектуальную оценку (*unklug, dumm*), нормативную (*nicht richtig, falsch*). Оценочная лексема в редких случаях присутствовала в повествовательных высказываниях: *Es ist schrecklich. Es ist ganz schlecht!* В 20 % случаев были употреблены интенсификаторы *wirklich, sehr*: *sehr schlecht, wirklich schlecht*. Студенты 3 курса использовали для оценки знаний в 15 % случаев риторические вопросы: *Was hast du getan? Wie konnte man so was schreiben?* и т.д.

В речи студентов 5 курса в 58 % случаев были зафиксированы риторические вопросы. Наиболее типичной ситуацией для употребления данных

высказываний является ролевая структура «вышестоящий – нижестоящий»: *Warum hast du die Arbeit so schlecht geschrieben? Woran denkst du im Unterricht? Wie kann man sich so verantwortungslos dazu verhalten?*. Поскольку цель порицающего субъекта заключается в изменении поведения собеседника, то в речи испытуемых присутствует элемент объяснения, который сочетается с такими директивами, как совет, просьба, требование, предупреждение: *Du hast sehr viele Fehler gemacht. Du könntest die Arbeit besser machen. Ich hoffe, dass du das nächste Mal das schaffst. Mach richtig die Fehlerkorrektur, und wenn dir etwas nicht klar ist, dann stehe ich gerne zur Verfügung.* В редких случаях при отрицательной оценке знаний имело место употребление междометий: *Oh, ich habe etwas anderes von dir erwartet. Ach, du hast es auf die leichte Schulter genommen, so geht es weiter nicht.* Иногда испытуемые использовали глагол *sich schämen*: *Schäme dich deiner leistungsniedrigen Kontrollarbeit.*

Все вышесказанное показывает, что испытуемые 3 и 5 курсов в большинстве случаев владеют оценочной лексикой, необходимой для выражения негативной реакции или досады по поводу определенного положения дел или действия.

3. Реализация положительной и отрицательной оценки носителями языка.

Чтобы сравнить языковые средства реализации положительной и отрицательной оценки в речи носителей языка и студентов-лингвистов, мы предложили двум носителям языка выразить реакцию на три ситуации, указанные выше. Положительная оценка в речи носителей языка реализуется, в основном, посредством частнооценочных высказываний, например, *Das Bühnenbild war sehr originell. Die Kostüme waren sehr schick. Der Hauptdarsteller war brilliant.*

При похвале ребенка носители языка использовали выражение *stolz sein auf* Akk. *Ich bin stolz auf dich!*, а также глагол *machen* и общеоценочные односложные лексемы *Toll gemacht! Das ist ja hervorragend! Super! Schön!*

Негативная оценка была выражена повествовательными предложениями, где присутствовали конъюнктив, интенсификаторы *sehr, mehr, so*: *Das war diesmal ziemlich schwach. Die Ergebnisse hätten besser sein können. Es gibt viel Nachholbedarf. Leider hast du diesmal nicht so gut abgeschnitten. Du hast sehr viele Fehler gemacht. Ich habe mehr von dir erwartet.*

Анализ полученных ответов позволяет отметить, что средства реализации положительной и отрицательной оценки студентами 3 и 5 курсов и носителями языка во многом совпадают. Речь всех испытуемых состоит преимущественно из кратких высказываний. Наблюдения показали, что выражения похвалы и порицания в речи студентов несколько бедны лексически, отсутствуют фразеологизмы, крылатые слова. В речи носителей языка более ярко проявляется положительная оценка за счет прилагательных и интенсификаторов: *sehr, originell, hervorragend, modern, schick, brilliant.* При выражении отрицательной оценки они менее категоричны, чем студенты-лингвисты, и используют такие высказывания, как *ziemlich schwach, nicht so*

gut, hätten besser sein können, viel Nachholbedarf. Студенты выражали негативную оценку в 80 % случаев в более категоричной форме: *Woran denkst du im Unterricht? Furchtbar! Es ist schrecklich!* Значительная часть студентов (70 %) ограничивалась односложными репликами при оценке позитивных или негативных ответов учеников. Только 30 % употребляли более развернутые высказывания, у многих студентов отсутствовало собственное мнение.

Кроме того, в речи студентов имеют место такие ошибки, как

- использование переводной кальки с русского языка при выражении оценки: *Ich konnte meine Augen nicht abwenden. Die Stimmen berühren meine Seele;*

- несоответствие ответа поставленной задаче (оценка пьесы после одного просмотра): *Diesmal war es schon viel besser;*

- употребление инфинитива с частицей *zu* и без *zu*: *Ich empfehle Ihnen sich dieses Theaterstück an(zu)sehen;*

- нарушение порядка слов в предложении: *Für mich das war bezauberndes Theaterstück.*

Полученные результаты свидетельствуют как об интерферентных ошибках, так и о степени владения языком студентами-лингвистами.

4. Просодическое оформление положительных и отрицательных высказываний студентов и носителей языка.

Язык обладает широким инвентарем разноуровневых элементов (лексических, грамматических, фонетических), обеспечивающих процесс взаимодействия партнеров при их вербальном общении. Чтобы правильно воздействовать на партнера и получить ожидаемый результат, необходимо не только выбрать соответствующее лексическое наполнение и грамматическую структуру высказывания, но и просодически верно его оформить. Просодия является средством формирования смысла высказывания наряду с другими языковыми средствами и, выражая эмоционально-модальные значения, способствует формированию общекоммуникативного содержания высказывания, обеспечивающего характер выполняемой им функции.

Для определения просодических характеристик оценочных речевых действий нами были проанализированы фразы, выражающие положительную и отрицательную оценку, произнесенные носителями языка, и эти же фразы, произнесенные студентами 3 и 5 курсов. Всего было исследовано 20 фраз в речи носителей языка и 100 фраз в речи студентов-лингвистов.

В результате анализа воспринимаемых характеристик представленных высказываний мы пришли к выводу, что основные различия в речи носителей языка и студентов-лингвистов касаются акцентно-ритмической структуры фраз, уровня тонального завершения фраз и степени эмоциональности (выразительности) фраз.

Несмотря на краткость исследуемых высказываний, в речи испытуемых наблюдалось некоторое увеличение количества ударных слогов, например: *Du hast sehr 'viele 'Fehler gemacht. Ich bin 'sehr 'stolz auf 'dich.*

Кроме того, главноударные слоги характеризуются недостаточной силой выделенности. Ударные слоги являются опорными точками просодической структуры фразы, однако акцентно-ритмическая структура фразы в некоторых случаях нарушалась неправильными словесными ударениями

1) в сложных существительных: *Nach'holbedarf*, *Bühnen'bild*, *Hauptdar'steller*;

2) в интернациональных словах: *'brillant*, *'international*;

3) в словах с приставками: *hervor'ragend*.

Что касается воспринимаемого тонального уровня завершения фраз, то в речи студентов (это были повествовательные фразы) они характеризуются неполным падением тона, что свойственно для русского языка. Это особенно заметно при восприятии односложных фраз-порицаний. Кроме того, речь студентов как 3, так и 5 курса отмечена как менее выразительная в эмоциональном плане. В речи носителей языка более четко прослеживается отношение говорящего к высказыванию.

Анализ просодического оформления фраз показал, что просодия усиливает лексические компоненты устного высказывания, в нашем случае – это оценочные факторы. Правильное просодическое оформление фразы зависит от степени владения испытываемыми иностранным языком.

Результаты эксперимента позволили установить, что реализация студентами положительных и отрицательных речевых действий тесно связана с уровнем владения иностранным языком и влиянием родного языка на лексическое, грамматическое и просодическое их оформление. Усвоение языковых средств выражения оценки имеет большое значение в межкультурном общении, а также при обучении иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. И. Иссерс. – М. : Комкнига, 2006. – 238 с.
2. *Трофимова, Н. А.* Экспрессивные речевые акты : семантический, прагматический, грамматический анализ / Н. А. Трофимова. – СПб. : ВВМ, 2008. – 377 с.
3. *Дьячкова, И. Г.* Похвала и порицание как речевые жанры : прагматический аспект / И. Г. Дьячкова // Вестн. Омск. ун-та. – 1998. – Вып. 3. – С. 55–58.
4. *Zillig, W.* Bewerten. Sprechakttypen der bewertenden Rede / W. Zillig. – Tübingen : Niemeyer, 1982. – 317 S.
5. *Hundsnurscher, F.* Streitspezifische Sprechakte: Vorwerfen, Insistieren, Beschimpfen / F. Hundsnurscher // Protozoologie. – Opladen, 1993. – Nr. 4. – S. 140–150.

The aim of research in this article is evaluation of speech acts expressing praise and criticism in the speech of MSLU students in German. Based on a number of experiments, we have found and described language means of expressing the above mentioned speech acts of 3rd and 5th year students as well as native speakers. We have defined peculiarities of lexical, grammatical and prosodic arrangement of expressing praise and criticism in the speech of students.

Поступила в редакцию 28.06.2019

М. Г. Симакова, К. И. Мороз

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕМЕЦКИХ ТЕКСТОВ МАЛОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

В настоящей статье исследуется структурно-композиционная и семантико-синтаксическая организация коротких рассказов В. Борхерта и выявляется специфика функционирования языковых средств связности различных уровней, определяющих идиостиль автора. Установлено, что структурные особенности коротких рассказов проявляются в экспозиции, развязке и в использовании повтора как средства композиционного членения текста. Ключевые слова и топикальные цепочки обеспечивают семантическую связность коротких рассказов.

Художественное произведение есть результат образного познания и отображения реальной действительности его создателем. Благодаря идейно-образному изображению мира, которое создает автор, художественное литературное произведение воздействует на читателя рационально и эмоционально.

Произведение художественной литературы имеет сложную структуру, элементы которой находятся между собой в иерархических отношениях. Суть таких отношений заключается в следующем: при наличии плана содержания и плана выражения план содержания определяет форму и систему плана выражения. В художественном произведении роль плана содержания выполняет идейно-тематическое содержание, которому подчинены композиция и язык – план выражения в художественном тексте [1].

Элемент плана выражения – композиция – сам по себе является структурой и состоит из ряда взаимосвязанных компонентов. Каждый автор выстраивает свое литературное произведение, опираясь на композиционные принципы, которые зависят от отражаемой действительности, мировоззрения и художественного метода самого автора, а также определяются идейно-эстетическими задачами, поставленными автором художественного текста [2, с. 56].

В настоящей работе анализируется структурно-композиционная и семантико-синтаксическая организация произведений В. Борхерта, написанных в жанре короткого рассказа. Рассказ рассматривается как малая эпическая жанровая форма художественной литературы, небольшое по объему текста и изображенных явлений жизни прозаическое произведение.

В немецкой литературе жанр короткого рассказа получил развитие во второй половине XX века. Немецкие литературоведы выделяют короткий рассказ как малую форму эпического произведения. „Kurzgeschichte – Form der erzählenden Dichtung, bei der eine [alltägliche] Begebenheit knapp berichtet wird, die Personen nur skizziert werden und der Schluss meist eine Pointe enthält“ [3].

Рассказы В. Борхерта отличаются реалистичностью. Автор повествует о фронтовых переживаниях, страхе, физическом и духовном опустошении человека во время войны (рассказы „Nachts schlafen die Ratten doch“, „Der

viele viele Schnee“ и др.), описывает ее последствия, чувства людей в послевоенное время (рассказы „Die Küchenuhr“, „Die traurigen Geranien“, „Die lange lange Straße lang“ и др.). Для его рассказов характерна краткость изложения. Автор не описывает сложившиеся обстоятельства и положения вещей детально, а использует для этого цвет. Например, в рассказе „Der viele viele Schnee“ главный герой – немецкий солдат, стоящий на посту в заснеженном русском лесу. В. Борхерт использует белый цвет для обозначения холода, а также показывает недоверие и подозрительность ко всему в чужой стране. Героя окружают деревья с черными ветвями. Черный цвет символизирует здесь угрозу и опасность. Так, с помощью контраста черного и белого цветов подчеркивается сильное чувство страха персонажа перед лицом опасности.

Автор также использует цвет для передачи положительных эмоций. Например, в рассказе „Nachts schlafen die Ratten doch“ зеленый цвет показывает надежды мальчика Юргена на лучшее. В рассказе „Die lange lange Straße lang“ серый цвет обозначает неизвестность, неопределенность, а желтый воздействует на читателя жизнеутверждающе.

В рассказах В. Борхерта преимущественно изображается одно событие, повествуется об определенной жизненной ситуации. Например, в рассказе „Die traurigen Geranien“ автор пишет о знакомстве двух молодых людей. Для его рассказов характерно ограниченное число действующих лиц. В большинстве случаев излагается история главного героя. Задача персонажей второго плана заключается в раскрытии его характера или ситуации в целом. Однако в рассказе „Die traurigen Geranien“ – два главных героя, а ситуация и характеры героев раскрываются через диалог.

Отличительной чертой коротких рассказов В. Борхерта является то, что в большинстве из них повествование ведет сам автор. Однако в рассказах „Die lange lange Straße lang“ и „Die Professoren wissen auch nix“ рассказчиком выступает сам главный герой. В рассказе „Die lange lange Straße lang“ показан молодой человек, который возвращается домой. Он вспоминает своих умерших однополчан, размышляет об их матерях, встречает голодных женщин и детей. Долгий путь домой символизирует всю войну, а все то, что персонаж видит, о чем думает, отражает последствия войны.

Короткие рассказы В. Борхерта по объему небольшие (1–5 страниц). Однако некоторые значительно объемнее. Так, например, рассказ „Schischyphusch oder der Kellner meines Onkels“ занимает 12 страниц, а рассказ „Die lange lange Straße lang“ – 21 страницу.

Особенности идиостиля В. Борхерта можно проследить в экспозиции его коротких рассказов. Несмотря на их малый объем в проанализированных произведениях она достаточно большая. Автор информирует читателя о состоянии и окружении героя, его характере, месте, где он находится, подготавливает читателя к конфликту рассказа. Так, например, в рассказе „Die Professoren wissen auch nix“ экспозиция занимает 2,5 страницы. Примечательно то, что сам рассказ, в котором повествуется о тяжелобольном молодом человеке, занимает 5 страниц. Главный герой рассказывает о том,

что его окружает, как он себя чувствует, описывает своего отца, который переживает за больного сына. В экспозиции рассказа В. Борхерт обращает внимание читателя на спор между отцом и сыном и подчеркивает, что, несмотря на всю серьезность и безвыходность ситуации, каждый член семьи находит в себе силы не пасть духом.

Однако в рассказах „Die Küchenuhr“ и „Nachts schlafen die Raten doch“ экспозиция необъемная и составляет 3 предложения. В рассказе „Die Küchenuhr“ автор коротко поясняет, что лицо главного героя выглядит старым, но по походке можно понять реальный возраст (главному герою всего двадцать). Таким образом, автор дает читателю понять, что в прошлом главный герой пережил что-то страшное. В рассказе „Nachts schlafen die Raten doch“ В. Борхерт описывает обстановку, окружающую главного героя. Обломки, единственное уцелевшее в разрушенном здании иссиня-красное от вечернего солнца окно, наступающая ночь символизируют опасность.

Особенности идиостиля В. Борхерта также проявляются в развязке рассказов, которая характеризуется небольшим объемом, стремительностью. В развязке повествуется о том, что произошло после кульминации. Однако рассказ „Die lange lange Straße lang“ отличается не только своей развернутостью, но и содержанием. Главный герой не говорит о событиях после кульминации, а задает вопросы о том, что ему делать дальше, каково его будущее и будущее всех людей после войны.

Первым знаком художественного произведения является заголовок, будучи организующим элементом текста. В структуре текста он играет существенную роль: передает в сжатой форме основную тему или идею художественного произведения. Данная функция заголовка обуславливает его связь со всем текстом. При этом понимание смысла заголовков в полном объеме представляется возможным лишь после прочтения текста, несмотря на то, что в их качестве В. Борхерт использует слова и словосочетания с однозначной семантикой. Некоторые заглавия представляют собой назывные односоставные предложения, например, „Die Küchenuhr“, „Schriftsteller“, „Die Kirschen“. Употребляются также имена существительные с определением. Заглавие может передавать настроение главных героев (например, прилагательное *traurig* в заголовке рассказа „Die traurigen Geranien“ отражает печаль, тоску главной героини), помогает определить время действия („Liebe blaue graue Nacht“), место и окружение („Die lange lange Straße lang“ и „Der viele viele Schnee“).

В заголовках автор использует повторы. В рассказе „Die lange lange Straße lang“ путь по улице до места назначения символизирует войну, которая длилась невероятно долго. В произведении „Der viele viele Schnee“ белый снег отражает враждебную обстановку, опасность, которая окружает немецкого солдата в русском лесу. Заглавия короткого рассказа также могут представлять собой простые двусоставные распространенные предложения, которые повторяются в дальнейшем в завязке, в развитии действия либо

в кульминации. Однако декодировать заголовки рассказов „Nachts schlafen die Raten doch“, „Die Krähen fliegen abends nach Hause“, „Die Professoren wissen auch nix“ можно только после их прочтения.

В заголовках В. Борхерт употребляет также имена собственные. Например, в заголовке рассказа „Maria, alles Maria“, где речь идет о слепой вере человека и его молитвах святым, чтобы избежать наказания, используется имя святой.

В семантической организации текста большое значение имеют ключевые слова. В большинстве рассказов в качестве ключевых можно выделить один или более элементов заглавия текста. Например, в коротком рассказе „Maria, alles Maria“ ключевыми являются следующие слова: *der Pole, beten, erschlagen*, а также имя святой *Maria*. Исключения составляют рассказы „Die traurigen Geranien“ и „Die Professoren wissen auch nix“. В первом рассказе в качестве ключевых выступают слова *die Nase, Symmetrie, Harmonie*; во втором – слова *die Schreibmaschine, die Leber, der Affe u Kokosnüsse*.

Наряду с ключевыми словами связность коротких рассказов В. Борхерта обеспечивается также топикальными цепочками. Для этого писатель зачастую использует такие средства, как местоименный повтор и слова, связанные тематической общностью, например, в рассказе „Die Küchenuhr“ это слова *tellerweiße Küchenuhr – sie – die blauen Zahlen – die Zeiger*. Топикальная цепочка рассказа „Preußens Gloria“ начинается с объекта *zwei Gesichter* и далее распространяется словами, связанными отношением включения: *zwei dunkle Gestalten – die grinsenden Gesichter*. Приведем также пример топикальной цепочки с местоименным повтором из рассказа „Die traurigen Geranien“: *Die Nase – diese Nasenlöcher – die – das eine – das andere*.

Немаловажную роль в семантической и синтаксической организации текста играет повтор. Он выступает как средство композиционного и архитектурного членения текста, как способ выделения важной мысли и как основной элемент построения языковых лейтмотивов. В рассказе „Die lange lange Straße lang“ повтор, символизируя военное время, долгий путь солдат домой, служит средством выделения основной мысли о гибели во время войны множества людей.

...57 haben sie bei Woronesch begraben. 57, die hatten keine Ahnung, vorher nicht und nachher nicht. Vorher haben sie noch gesungen. Zickezackejuppheidi. ...Da hat es gerumpelt wie ein alter Lastwagen mit leeren Tonnen über Kopfsteinpflaster: Kanonenorgel. Dann haben sie 57 bei Woronesch begraben. Vorher haben sie noch gesungen. Hinterher haben sie nichts mehr gesagt. 9 Autoschlosser, 2 Gartner, 5 Beamte, 6 Verkäufer, 1 Friseur, 17 Bauern, 2 Lehrer, Pastor, 6 Arbeiter, 1 Musiker, 7 Schuljungen. 7 Schuljungen. Die haben sie bei Woronesch begraben. Sie hatten keine Ahnung.

Und mich haben sie vergessen. Ich war noch nicht ganz tot. juppheidi. Ich war noch ein bisschen lebendig. Aber die andern, die haben sie bei Woronesch begraben. 57. 57. Mach noch ne Null dran. 570. Noch ne Null und noch ne Null. 57000. Und noch und noch und noch. 57000000. Die haben sie bei Woronesch begraben. Sie hatten keine Ahnung. Sie wollten nicht [4, с. 70].

Писатель использует также повтор как средство оформления абзацев. Повторение предложения выступает как элемент архитектоники произведения. В этом случае важным фактором является повтор структуры, а лексический повтор выступает в качестве зачина. В. Борхерт использует лексическую анафору (повторение сходных элементов в начале каждого абзаца):

57 gehen nachts zu ihrem Vater. 57 und Leutnant Fischer. Leutnant Fischer bin ich. 57 fragen nachts ihren Vater: Vater, warum? Und der Vater bleibt 57mal stumm. Und er friert in seinem Hemd. Aber er kommt mit.

57 gehen nachts zum Ortsvorsteher. 57 und der Vater und ich. 57 fragen nachts den Ortsvorsteher: Ortsvorsteher, warum? Und der Ortsvorsteher bleibt 57mal stumm. Und er friert in seinem Hemd. Aber er kommt mit.

57 gehen nachts zum Pfarrer. 57 und der Vater und der Ortsvorsteher und ich. 57 fragen nachts den Pfarrer: Pfarrer, warum? Und der Pfarrer bleibt 57mal stumm. Und er friert in seinem Hemd. Aber er kommt mit.

57 gehen nachts zum Schulmeister. 57 und der Vater und der Ortsvorsteher und der Pfarrer und ich. 57 fragen nachts den Schulmeister: Schulmeister, warum? Und der Schulmeister bleibt 57mal stumm. Und er friert in seinem Hemd. Aber er kommt mit. 57 gehen nachts zum General. 57 und der Vater und der Ortsvorsteher und der Pfarrer und der Schulmeister und ich. 57 fragen nachts den General: General, warum? Und der General – der General dreht sich nicht einmal rum. Da bringt der Vater ihn um. Und der Pfarrer? Der Pfarrer bleibt stumm.

57 gehen nachts zum Minister. 57 und der Vater und der Ortsvorsteher und der Pfarrer und der Schulmeister und ich. 57 fragen nachts den Minister: Minister, warum? Da hat der Minister sich sehr erschreckt. Er hatte sich so schon hinterm Sektkorb versteckt, hinterm Sekt. Und da hebt er sein Glas und prostet nach! – Süden und Norden und Westen und Osten. Und dann sagt er: Deutschland, Kameraden, Deutschland! Darum! Da sehen die 57 sich um. Stumm. So lange und stumm. Und sie sehen nach Süden und Norden und Westen und Osten. Und dann fragen sie leise: Deutschland? Darum? Dann drehen die 57 sich rum. Und sehen sich niemals mehr um. 57 legen sich bei Woronesch wieder ins Grab. Sie haben alte arme Gesichter. Wie Frauen. Wie Mutter. Und sie sagen die Ewigkeit durch: Darum? Darum? Darum? [4, с. 76]

Связность текста в коротких рассказах В. Борхерта осуществляется с помощью преимущественно катафорических и анафорических средств лексическо-грамматического уровня, выраженных местоимениями:

Der Mann sah von oben auf das Haargestrüpp. Aber dann sagte er plötzlich: Ja, hat euer Lehrer euch denn nicht gesagt, dass die Ratten nachts schlafen? [4, с. 33]; Dann kamen Männer. Die kamen ohne Kommentar davon [4, с. 106], а также наречиями: Als sie sich kennenlernten, mein Onkel und der Kellner, war ich dabei. Ich war damals gerade so groß, dass ich die Nase auf den Tisch legen konnte [4, с. 132]; Союзами: Dabei war mein Onkel natürlich kein Gastwirt. Aber er kannte einen Kellner [4, с. 132].

Видовременные формы глаголов как средства связи морфологического уровня используются В. Борхертом реже, например:

Sie saßen und hielten Parade ab. Und weil sie einen Krieg lang nur Männer gesehen hatten, sahen sie jetzt nur Mädchen. Eine ging vorbei [4, с. 106]; Ich bin unterwegs. Zweimal hab ich schon gelegen. Ich will zur Straßenbahn. Ich muss mit [4, с. 70].

При помощи синтаксических средств связи в коротких рассказах В. Борхерта осуществляется параллельная связь между предложениями:

Riechst du das geborgenmachende Grau, das die Katzen in Rotterdam und Frisco so sinnlich sehnsüchtig singen macht? Riechst du das Graublau der verführerischen Nacht das alkoholige, sternentaugige, das die verdorbensten der Marseiller Mädchen zu Madonnen macht, wenn es sich unter ihren Lidern, in ihren Locken und auf ihren Lippen verfangt? Riechst du das nebelige, flußdunstige Blaugrau, das uns das Gestern verhüllt und das Morgen versteckt riechst du das, du in Altona und du in Bombay? Riechst du die Nacht und berauscht sie dich nicht? [4, с. 96].

В результате проведенного исследования установлено, что короткие рассказы В. Борхерта имеют ряд характерных признаков: краткость изложения, реалистичность, изображение одного или нескольких событий, ограниченное число действующих лиц. Структурные особенности коротких рассказов писателя проявляются в достаточно объемной экспозиции и в небольшой, но стремительной развязке. Для идиостиля В. Борхерта характерно использование повтора как средства композиционного и архитектурного членения текста.

В качестве заголовка автор использует предложения, имена собственные и словосочетания с однозначной семантикой, являющиеся в тексте ключевыми, однако полностью заголовки могут быть декодированы только после прочтения текста. Наряду с ключевыми словами семантическая связность коротких рассказов В. Борхерта обеспечивается также топикальными цепочками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сыров, И. А. Способы реализации категории связности в художественном тексте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. А. Сыров. – М., 2005. – 293 л.
2. Тураева, З. Я. Текст: структура и семантика : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 144 с.
3. Duden Wörterbuch [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.duden.de/rechtschreibung/Kurzgeschichte>. – Date of access : 25.01.2018.
4. Кошкина, Е. Г. Fünfzehn Kurzgeschichten von Wolfgang Borchert: пособие по дом. чтению на нем. яз. на основе коротких рассказов немецкого писателя В. Борхерта / Е. Г. Кошкина. – М. : БукиВеди, 2012. – 180 с.

The article examines the structural-compositional and semantic-syntactic organisation of short stories by W. Borchert. The specificity of functioning which the language means of cohesion demonstrate at different levels, characteristic of W. Borchert's individual style has been revealed.

Поступила в редакцию 04.07.2019

Д. И. Тупик

СИСТЕМНАЯ И КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
(на материале французского языка)

В статье представлен комплексный анализ лексико-семантического поля «Информационные технологии» под углом зрения системных данных французского языка, а также контекстуальных особенностей употребления соответствующих единиц в неспециализированной французской прессе национального уровня. Лексикографический анализ материала указывает на некоторые различия в толкованиях гиперонимов поля в эталонном толковом словаре и специализированном электронном словарном источнике. Определенное место в трактовке ряда элементов поля занимают стилистические нюансы, заимствования и рекомендуемые наименования. В условиях неспециализированного журналистского дискурса единицам поля свойственна крайне широкая тематическая распространенность. Частотность их употребления прямо пропорциональна широте семантики, четко просматривается тенденция к использованию заимствованных наименований.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий в последние десятилетия сопровождается активной работой над семиотическим и метаязыковым аспектами этой сферы. Сегодня классический толковый словарь французского языка Le Robert уже не является единственным источником знания об электронных ресурсах, а различные интернет-издания предлагают оригинальное онлайн-видение и интерпретацию соответствующей терминологии [1]. Указанный источник, как и ряд других подобных ему, добавляет определенные особенности при работе с системным лексическим материалом на основе Le Robert, и прежде всего это становится понятным при определении гиперо-гипонимической структуры изучаемого поля. Ее вычленение принципиально важно для создания лексического корпуса исследования в соответствии с принципами дефиниционной методики как разновидности компонентного анализа [2; 3].

Во французском языке имя исследуемого лексико-семантического поля (ЛСП) представлено термином «*technologie(s) de l'information et de la communication*» (ТИС) [4]. Это означает, что одним из гиперонимов следует признать *technologie*. На этапе уточнения остальных ядерных единиц возникают некоторые трудности, связанные с сопоставлением словарных дефиниций классического источника [4] и специализированного онлайн-источника [1]. Так, толкования для *information* в них существенно различаются. Ср. *Élément ou système pouvant être transmis par un signal ou une combinaison de signaux (→ message), appartenant à un répertoire fini; ce qui est transmis (objet de connaissance, de mémoire)* 'элемент или система, передаваемые с помощью сигнала или совокупности сигналов (→ сообщение) и принадлежащие определенной сфере; то, что передается (объект знания, памяти)' [4]. *Faits et connaissances déduits des données. L'ordinateur manipule et génère des données. La signification déduite des données est l'information : c'est-à-dire que l'information est*

une conséquence des données. Les deux mots ne sont pas synonymes bien qu'ils soient souvent utilisés l'un pour l'autre 'факты и знания, полученные из данных. Компьютер создает данные и оперирует ими. Значение, выведенное из данных, является информацией, т.е. информация – это следствие данных. Данные и информация не являются синонимами, хотя часто употребляются взаимозаменяемо' [1]. Из определений ясно видно, что классический словарь дает общенаучное значение (это сопровождается особой пометой *sc.* 'науч.'), существенно и несколько неоправданно расширяет границы исследуемого поля. Специализированный словарь ориентирует нас на *données* 'данные' и более четко показывает направление развертывания поля: компьютерные технологии. В этой связи целесообразнее выделить *informatique* 'информатика, обработка данных' в качестве второго гиперонима.

В отношении термина *communication* 'коммуникация' отметим, что для нашего материала он становится нерелевантным по двум причинам. Во-первых, его широкая семантика не позволит сконцентрироваться на специфическом и чрезвычайно насыщенном терминами лексическом корпусе: первичная обработка всех лексических единиц, в семантике которых присутствует 'communication', указывает на наличие слов, никак не связанных с интересующей нас лексической сферой (ср. *autiste* 'аутист', *campagne* 'кампания', *échange* 'обмен', *moyen* 'средство'). *Communication* участвует в толковании 210 единиц, но только некоторая часть из них представляет для нас интерес. Во-вторых, несмотря на то, что *informatique* 'информатика' несколько уже по значению, она определяется как одна из наук, включенных в 'теорию коммуникации наряду с неврологией, когнитивными науками и некоторыми гуманитарными и социальными науками': *...activités et connaissances concernant la communication au moyen de signes, notamment entre les êtres humains (neurosciences, sciences cognitives, informatique, certaines sciences humaines et sociales)* [4]. В качестве дополнительного аргумента приведем отсутствие определения *communication* в избранном нами консультативном онлайн-словаре и наличие в нем толкования для *informatique*, сопровождаемое ссылкой на Французскую Академию, что в целом совпадает с подходом эталонного для нас Le Robert.

Обоснование консультативной функции используемого нами специализированного онлайн-словаря состоит в следующем. Его ценность определяется тем, что это бесплатный ресурс, который постоянно обновляется. Важно, что новые термины, вошедшие в употребление, часто представлены со ссылками на официальные документы французского правительства типа [5] и указанием на происхождение слова, обычно английское, например: *relationnel – Anglais:relational) se dit d'une base de données construite sur un modèle fondé sur la théorie mathématique des relations...* ("Vocabulaire de l'informatique") 'относительный (анг. *relational*) – база данных, построенная на математической теории отношений... («Словарь информатики»)' [5]. Вместе с тем этот ресурс не является академическим и в ряде случаев существенно расходится с эталонным. Например, прилагательное *nomade* 'удаленный' представлено Le Robert в контексте электронных устройств,

способных осуществлять передачу и обработку данных, не находясь в конкретном месте (офисе), отсюда и произошло сочетание *travail à distance* (прост. удалёнка, фр. *travailleur nomade, informatique nomade*). В то же время онлайн-сервис представляет этот термин лишь в связи с ‘запуском особой франкофонной поисковой системы, вначале принадлежавшей компании LibertySurf, а затем Tiscali’: *annuaire de recherche francophone sur le Web racheté par la société LibertySurf. La société LibertySurf a été racheté par Tiscali*.

Таким образом, используемые в исследовании электронные ресурсы находятся в отношениях иерархии; при этом их сравнение становится показателем семантической динамики и асимметричности ряда изучаемых единиц.

Итак, установление двух гиперонимов, *technologie* и *informatique*, позволило с помощью заявленной методики определить состав исследуемого поля. Оно подразделяется на два микрополя, носящих имена соответствующих гиперонимов, и является асимметричным образованием: 17 единиц «*technologie*», 128 единиц «*informatique*» (всего 145). Вместе с тем привлечение консультативного онлайн-словаря может в определенной степени повлиять на это «неравенство». Действительно, академический словарь, рецензируемый Французской Академией, располагает значительным репертуаром лексических средств толкования. Но это не исключает право исследователя учитывать данные официальных специализированных интернет-ресурсов. К примеру, *wifi* в соответствии с данными Le Robert не включено в изучаемые микрополя согласно формальным семантическим признакам дефиниции, в то время как онлайн-словарь определяет это слово через «*technologie*»: *nom commercial pour la technologie IEEE 802.11x de réseau local ethernet sans fil (WLAN)* ‘коммерческое наименование **технологии** IEEE 802.1x – беспроводной локальной сети (WLAN)’. В ряде случаев динамика развития информационных технологий не позволяет классическим лексикографическим источникам (в силу методологии их создания) планомерно трансформировать и актуализировать соответствующие толкования. Например, слово *cyberespace* ‘киберпространство’ вошло во французский язык как следствие появления Интернета в 70-е гг. прошлого столетия, регистрируется в [4] 1995 годом и не обнаруживает признаков причастности к нашему материалу. Тогда как онлайн-словарь ясно указывает на его принадлежность к микрополю «*Technologie*» и расширяет его семантику, уже выходя за рамки глобальной сети: *espace constitué par les infrastructures interconnectées relevant des technologies de l’information, notamment l’internet, et par les données qui y sont traitées* ‘пространство, которое состоит из связанных между собой инфраструктур, относящихся к информационным технологиям, в частности, Интернет, и из обрабатываемых в нем данных’. Подобная трудность в актуализации касается и стилистических нюансов некоторых единиц: в начале 2000-х гг. *geek* ‘гик’ еще имело просторечную окраску (помета *fam.* [4]), которую, вероятно, утратило сегодня [1], во французском языке появился даже исконный эквивалент *technophile* букв. ‘любитель технологий’.

Далее в структурном плане в качестве субполей в рамках выявленных микрополей выделяются следующие: «*domaine d'application*» 'область применения', «*matériel*» 'оборудование', «*logiciel*» 'программное обеспечение', «*utilisateur*» 'пользователь'. Девять терминологических областей применения соответствующих единиц в силу асимметричности микрополей представлены в них неравномерно: полный спектр закономерно обнаруживается в части «*informatique*» (дидактика, информатика, техника, технологии, экономика, метрология, электроника, инженерия, мультимедиа).

Отличительной чертой большого количества единиц поля является словарная помета *anglic*. В системе специальных обозначений словаря Le Robert она означает 'избыточное, нецелесообразное заимствование'. Обычно в таких случаях по рекомендации Французской Академии словарная статья получает зону *recommandation officielle* 'рекомендуемое наименование'. В этом смысле достаточно известным ранее было, например, слово-аббревиатура *CD* (англ. *compact disk* 'компакт-диск'), для которого было предложено наименование *disque audionumérique*, конечно, не принятое узусом в силу непрактичной громоздкости (см. об этом подробнее в [6]). Отметим также, что онлайн-словарь лишен в таких случаях оценочной тональности, но все же указывает на происхождение той или иной единицы. Кроме того, при анализе его рубрики «последние добавленные [слова, толкования. – Д. Т.]» представлены как исконные наименования, так и заимствования, в т.ч. прямые: ср. *big data, face ID, hashtag, iPhone, minage, wordpress; chaîne de blocs, influenceur, rétrolien, poste à poste, réseau de stockage, surcadencer*.

Часть исследования, посвященная контексту, ставит цель определить, насколько полно системная семантика реализуется в актуальном журналистском письменном дискурсе. Для соблюдения установок практикоориентированного академического подхода представляется обоснованным привлечь тексты неспециализированных национальных французских изданий, например, «Le Figaro» (lefigaro.fr) и «Le Nouvel Observateur» (nouvelobs.com). Учет данных обоих изданий обусловлен стремлением к нейтрализации их политической и идеологической ориентации.

В отношении объема контекста, достаточного для определения значения единицы через ее окружение, мы опираемся на тезисы Г. В. Колшанского, согласно которым «достаточность контекста каждый раз определяется актом понимания, освобождающим коммуникантов от дальнейшего наращивания контекста как в чисто языковом, так и в паралингвистическом плане [7, с. 121]. Иными словами, даже если одна фраза позволяет выявить реализацию того или иного значения единицы, предшествующие и последующие могут в расчет не приниматься.

Анализ контекстов проводился с помощью поисковых систем указанных сайтов путем сплошной выборки по ключевым словам, т.е. элементам ЛСП «Technologie(s) de l'information», в электронных материалах свободного доступа, опубликованных за последние 10 лет. Наиболее общее статистическое заключение сводится к тому, что оба издания приблизительно в рав-

ной степени интересуются тематикой информационных технологий в самых различных ее аспектах: от политики и спорта до деятельности благотворительных организаций в развивающихся странах.

Вторая (также достаточно закономерная) особенность контекстуального развертывания поля состоит в том, что широта семантики единицы и, следовательно, возможности ее лексической сочетаемости прямо пропорциональны частоте употребления этой единицы. Например, *Bluetooth* ‘блютус’ использовался в 1 599 контекстах проанализированных материалов, в то время как *start-up* ‘стартап’ встретился 13 678 раз, а *numérique* ‘цифровой’ 33 581 раз. Причем для последнего характерно присутствие в каждой из девяти терминологических областей (см. вышеприведенные данные о субполях).

Наиболее любопытной частью анализа оказалась та, которая посвящена соотношению элементов поля, имеющих помету *anglic*. ‘неоправданное заимствование [из английского языка. – Д. Т.]’ в сравнении с *recommandation officielle* ‘рекомендуемое наименование’. В их отношении выявлено две особенности. Первая заключается в том, что заимствованные наименования используются в прессе в подавляющем большинстве контекстов; рекомендуемые наименования составляют лишь 5–10 %: *start-up* (vs. ‘jeune pousse’) 9 663 употреблений [8], *geek* (vs. ‘technophile’) 1 460 употреблений [9] и др. Но факты их использования с течением времени могут стать более многочисленными, ведь до их принятия системой они не употреблялись вовсе. Этот вопрос может быть поставлен в рамках отдельного исследования тенденций заимствования чрезвычайно насыщенной англицизмами сфере информационных технологий. Для некоторых «заимствованных» единиц отмечаются стилистические особенности употребления в прессе. Мы уже упоминали о том, что *geek* ‘гик’, пока имеющий помету просторечного регистра, намечает тенденцию к освобождению от нее. Эта тенденция действительно подтверждается контекстом в большинстве случаев, однако о полной нейтрализации сегодня речь не идет: «**le geek** est un mutant menaçant le fonctionnement des entreprises» [10] ‘гик – это мутант, угрожающий нормальной работе компаний’; «comment une bande de jeunes d’aujourd’hui (**geeks**, sans-emploi, rêveurs, radicaux) se retrouve prise au piège» ‘как сегодня попадают в западню молодежные компании (гики, безработные, мечтатели, радикалы)’ [11]; «dans la masse des **geeks** à capuche de la Silicon Valley, certaines pionnières se distinguent en affirmant leur féminité» ‘В Силиконовой Долине из серой массы гиков в капюшонах выделяются новаторы женского пола, которые заявляют о своей женственности’ [12].

Подводя итоги, отметим, что заявленная проблематика ввиду семантической и контекстуальной «подвижности» соответствующего материала представляется чрезвычайно интересной и перспективной для регулярного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Goguey, E.* Dictionnaire de l'informatique et d'internet [Ressource électronique] / E. Goguey. – Mode d'accès : <http://www.dicofr.com/>. – Date d'accès : 31.07.2019.
2. *Pottier, B.* La définition sémantique dans les dictionnaires / B. Pottier // Travaux de linguistique et de littérature. – 1965. – Vol. 3, № 1. – P. 33–39.
3. Dictionnaire de linguistique / J. Dubois [et al.]. – Paris : Larousse, 1980. – 517 p.
4. Le nouveau petit Robert [Ressource électronique] : dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / Dictionnaires Le Robert ; texte remanié et amplifié sous la dir. de J. Rey-Debove, A. Rey. – 4 Mo de mémoire vive ; 3 Mo d'espace libre sur le disque dur ; Windows 3.1 ; lecteur de CD-ROM double vitesse ou plus rapide (conseillé) ; écran VGA 16 coul. (256 conseillées) ; carte son. et haut-parleurs. – Paris : Dictionnaires le Robert, 2014. – 1 disque optique numérique (CD-ROM).
5. Journal officiel de la République Française [Ressource électronique]. – n°93 du 20 avr. 2007. – P. 7078. – Texte n° 84. – Mode d'accès : <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000428762&categorieLien=id>. – Date d'accès : 31.07.2019.
6. *Walter, H.* Le français dans tous les sens / H. Walter. – Paris : Ed. Robert Laffont, S.A., 1994. – 386 p.
7. *Колшанский, Г. В.* Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – Изд. 4-е. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010. – 152 с.
8. Start-up [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <http://recherche.lefigaro.fr/recherche/start-up>. – Date d'accès : 02.08.2019.
9. Geek [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.nouvelobs.com/recherche?q=geek&and=1&d1=&d2=&p=&r=&j=&page=1>. – Date d'accès : 02.08.2019.
10. Le geek est un mutant menaçant le fonctionnement des entreprises [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <http://www.lefigaro.fr/decideurs/emploi/2018/11/08/33009-20181108ARTFIG00006-le-geek-est-un-mutant-qui-menace-le-fonctionnement-des-entreprises.php>. – Date d'accès : 02.08.2019.
11. Le choc Dennis Kelly côté séries comme côté scènes [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.nouvelobs.com/series/20190721.OBS16202/le-choc-dennis-kelly-cote-series-comme-cote-scene.html>. – Date d'accès : 02.08.2019.
12. Les militantes du style de la Silicon Valley [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <http://madame.lefigaro.fr/business/les-militantes-du-style-dans-la-silicon-valley-120318-147684>. – Date d'accès : 02.08.2019.

The article presents the analysis of the semantic field “Information technology” with regard to its systemic data in the French language, and its contextual peculiarities in

unspecialized national press editions. The examined lexical units can have semantic and stylistic differences according to the lexicographical source. Also the elements of this field have a very high degree of thematic diversity in journalism.

Поступила в редакцию 30.09.2019

В. В. Яскевич

ОСОБЕННОСТИ ФОНОЛОГИЧЕСКОГО СЛУХА У НОСИТЕЛЕЙ И НЕНОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

В статье рассматриваются принципиальные различия процесса декодирования речевых сигналов носителями и неносителями языка. Поставленный фонетический эксперимент с использованием английских квазислов позволил определить остроту фонологического слуха у двух категорий испытуемых. Подробно изучены типы и частотность ошибок и неточностей в восприятии гласных и согласных звуков и их отличие от восприятия носителями языка. Полученные данные указывают на наличие универсально-типологических ошибок, связанных с природой акустического сигнала, а также конкретно-языковых, вызванных давлением родной фонологической системы.

Область исследований механизма восприятия звучащей речи человеком многогранна и полна дискуссионных вопросов. Нет единого мнения относительно того, какие блоки или модули можно выделить в этом механизме, какие способности речевосприятия можно считать врожденными, а какие приобретенными, какие перцептивные стратегии выходят на первый план в связи с типологическими особенностями языка (например, высокий функциональный вес процесса членения речевого потока на слова в языках с фиксированным ударением) и т.д.

Очевидна практическая важность исследования восприятия речи. Существует целый ряд сфер потенциального применения результатов перцептивных речевых исследований. Среди них можно назвать область автоматического распознавания речи, которая позволяет решать такие практические задачи, как речевой ввод данных в компьютер или телефон, печать «под диктовку», речевое управление компьютерными системами и приборами. Только детальное изучение и учет результатов анализа «человеческого» восприятия речи позволит определить стратегии автоматического распознавания и выявить принципиальные ограничения, с которыми столкнется система декодирования речевых сигналов.

Другая область, развитие которой во многом зависит от анализа и понимания процессов речевосприятия – это изучение слухоречевых патологий. Существующие теории излагают причины и механизмы таких распространенных расстройств, как афазия, агнозия и пр. Разработав модель восприятия речи, исследователи могут вводить в нее модификации, соответствующие разного рода патологиям, таким образом верифицируя концепции речевых расстройств и осуществляя экспериментальный поиск вариантов эффективной терапии.

Наиболее актуальная область для сферы образования – это исследование особенностей фонологического слуха в процессе восприятия родного и изучаемого языков. Проникновение в природу восприятия речевых сигналов довольно сложная задача, поскольку исследователи лишены возможности прямого наблюдения за процессами, происходящими в головном мозге. Тем не менее, специалисты в области перцептивной фонетики могут делать важные выводы, основываясь на самих результатах восприятия звучащей речи. Все данные указывают на наличие различных акустических ключей к распознаванию. Изучение характера восприятия звучащей речи неносителями языка представляет собой отдельную и весьма актуальную задачу. Исследования такого рода позволяют оценить степень давления родной фонологической системы и найти способы минимализации ее влияния.

Цель настоящего исследования заключалась в том, чтобы выяснить разницу в восприятии акустических речевых сигналов носителями и неносителями английского языка. Для объективного анализа степени влияния фонологической системы родного языка на восприятие изучаемого языка нами был избран метод предъявления *асемантических звуковых фрагментов*. Асемантические стимулы необходимы, когда исследуется интерпретация носителем языка конкретного акустического признака речевого сигнала на этапе долексического анализа. Экспериментально доказано, что подобный подход позволяет получить «объективную» оценку звучания фрагментов устной речи в отвлечении от субъективных интерпретаций исследователя и лексических знаний испытуемого, а также дает возможность сопоставить ее с результатами инструментального анализа [1].

Ниже представлены примеры асемантических фрагментов. Примеры приведены в транскрипции, поскольку в графическом виде, как отдельные слова, они не существуют.

/i:məʊt/   /'dʒeləreɪ/   /θɪə/   /'tʒ:nəl/

Необходимо отметить, что несмотря на то, что эти звукокомплексы представляют собой несуществующие слова, они не противоречат английской фонологии и не содержат фонотактически недопустимых комбинаций.

Для проведения фонетического эксперимента нами были сформированы две группы испытуемых. Первая контрольная группа состояла из трех носителей южно-английской произносительной нормы, а вторая – из пятнадцати студентов, изучающих английский язык на продвинутом уровне.

Испытуемым обеих групп было предложено прослушать асемантические фрагменты один раз и записать услышанное. Носители языка записывали услышанные квазислова по принципу традиционной орфографии. Учитывая, что все испытуемые второй группы были студентами факультета английского языка, владеющими правилами транскрибирования, услышанные звукокомплексы им предстояло записать в транскрипции.

Полученные от испытуемых данные были детально проанализированы на предмет верности или ошибочности идентификации, а также на предмет фонемных субституций.

Общий процент верной фонемной идентификации квазислов составил 86 % у носителей языка и 53 % у неносителей языка. Таким образом, острота фонологического слуха с исключительной опорой на акустический сигнал даже у студентов с высоким уровнем владения английским языком отстает на 33 %.

Более подробный анализ позволил определить ошибки универсально-типологического характера и ошибки, обусловленные влиянием фонологической интерференции. Для этого мы сопоставили фонемные субституции, зарегистрированные у носителей и неносителей языка. Вокалическая и консонантная системы рассматривались отдельно. Варианты фонемных субституций у носителей языка весьма ограничены. Зарегистрировано только три типа ошибок, которые также повторяются у неносителей языка. Среди них замена межзубных на зубно-губные, что свидетельствует об их объективной перцептивной и акустической близости, а также замена звонкого смычно-взрывного /k/ на /g/, что подтверждает утверждения некоторых исследователей о дискуссионном фонологическом статусе признака глухости/звонкости в английском языке [2; 3].

Фонемные субституции в восприятии неносителей языка гораздо более частотны и разнообразны. Часть из них (а именно недоразличение межзубных и зубно-губных, а также глухости/звонкости) полностью совпадают с теми ошибками, которые были обнаружены в контрольной группе, а значит, они обусловлены самой перцептивно-акустической природой данных звуков. Другие могут быть результатом действия фильтра русской фонологической системы. Ниже приведена таблица фонемных субституций в двух сопоставляемых группах.

Данные, полученные от неносителей языка, отличаются не только большей частотностью ошибок, но и наличием того, что можно назвать «фантомной» идентификацией фонем. Испытуемые могут услышать реализации фонем, представляющих собой слабый фриктивный шум, глотальную смычку или сонорный тембр там, где их нет (табл. 1). Ложные реализации фонем /θ/ и /v/ были идентифицированы в абсолютном начале и конце квазислова, глотальная смычка в абсолютном конце, а фантомная реализация фонемы /l/ всегда фигурировала в позиции перед смычно-взрывным согласным. Вероятно, эти ошибки являются результатом попыток семантизировать услышанную цепочку звуков и «подогнать» ее под существующее слово или фрагмент слова.

Т а б л и ц а 1

Характер идентификации согласных фонем носителями
и неносителями языка

Количество вариантов неверной идентификации (носители языка)			
4	3	2	1
-	-	-	/θ/ → /f/ /ð/ → /v/ /g/ → /k/

Количество вариантов неверной идентификации (неносители языка)			
4	3	2	1
/-/ → /t/, /θ/, /v/, /l/	/θ/ → /f/, /s/, /ð/ /ð/ → /v/, /w/, /b/ /t/ → /d/, /k/, /-/	/f/ → /θ/, /v/ /v/ → /b/, /θ/ /s/ → /θ/, /-/ /n/ → /ŋ/, /m/	/m/ → /n/ /b/ → /m/ /d/ → /-/ /k/ → /p/ /p/ → /-/ /tʃ/ → /dʒ/

Так же, как и у носителей языка, у неносителей нестабильно восприятие межзубных согласных. Однако они могут восприниматься не только как губно-зубные, но и как губно-губные, сибиланты, и смычно-взрывные. Возможен также обратный вариант – губно-зубные и сибиланты ошибочно идентифицируются как межзубные. Нестабильно восприятие носовых сонантов. Губно-губной смычно-взрывной иногда воспринимается на слух как сонант /m/. На стыке двух смычно-взрывных согласных, имеющих разное место образования, первый согласный часто не воспринимается на слух.

Описанные выше случаи погрешностей в восприятии неносителей языка практически всегда имеют отношение к звукам или звуковым явлениям, не имеющим прямого аналога в родном языке.

Отдельно были рассмотрены особенности восприятия гласных звуков. Все полученные данные приведены в табл. 2. Ошибочная идентификация у носителей языка была зафиксирована только в отношении одного звука. Дифтонг /əʊ/ в абсолютном конце слова всеми тремя испытуемыми воспринимался на слух как комбинация нейтрального гласного и боковой сонанта /əɪ/. На наш взгляд, это объективное подтверждение реальности одной из новейших тенденций в британском произношении, а именно вокализации сонанта /l/ [4].

Таблица 2

Характер идентификации гласных фонем
носителями и неносителями языка

Количество вариантов неверной идентификации (носители языка)				
5	4	3	2	1
-	-	-	-	/əʊ/ → /əɪ/
Количество вариантов неверной идентификации (неносители языка)				
5	4	3	2	1
/ɑ:/ → /ʌ/, /ɔ:/, /z:/, /ɒ/, /e/	/ʌ/ → /ɑ:/, /z:/, /ɒ/, /e/	/æ/ → /e/, /ʌ/, /z:/	/e/ → /æ/, /z:/ /ə/ → /ɪ/, /ʊ/ /z:/ → /e/, /ɒ/ /ɪ/ → /i:/, /ə/ /ɒ/ → /ɔ:/, /ɑ:/	/i:/ → /ɪ/ /ɔ:/ → /ɒ/ /eɪ/ → /æ/ /aʊ/ → /əʊ/

Что касается случаев ошибочной идентификации гласных носителями языка, можно с уверенностью сказать, что полученные экспериментальные данные позволяют наблюдать две основные тенденции. Первая тенденция состоит в том, что носители русского языка с трудом различают гласные, противопоставленные по признаку долготы и напряженности. Поскольку у испытуемых не было возможности распознать существующие английские слова, им приходилось полагаться исключительно на свой фонологический слух. В результате ошибки были зафиксированы в отношении всех коррелирующих по долготе гласных.

Вторая тенденция заключается в том, что гласные более низкого подъема труднее воспринимаются на слух, чем гласные среднего и высокого подъема. Например, в отношении гласного /ɑ:/ нами зарегистрировано 5 вариантов неверной идентификации. Перцептивные сдвиги наблюдаются во всех направлениях, как по ряду, так и по подъему. Искажения в восприятии гласного /ʌ/ происходят по диагонали: либо в сторону повышения подъема к звукам более переднего ряда, либо понижению подъема к звукам более заднего ряда. Неверная идентификация гласного /æ/ происходила за счет перцептивного смещением в смешанный ряд или средний подъем.

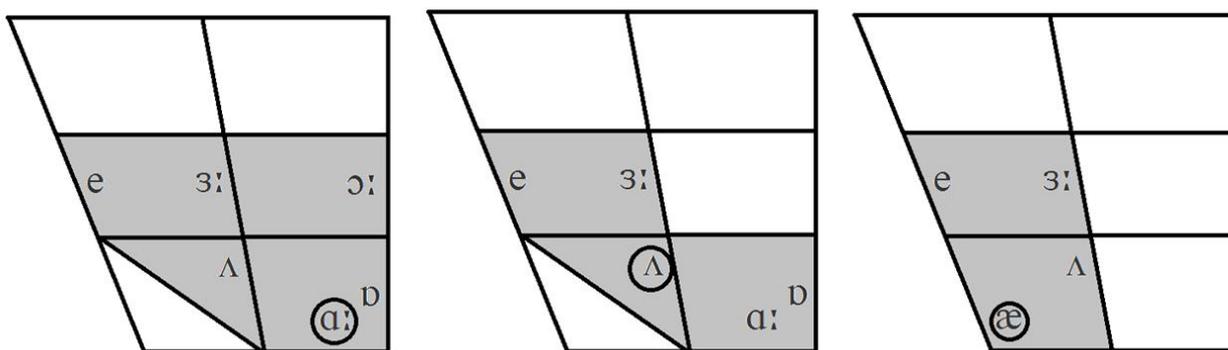

Рис. Поле перцептивного искажения гласных

На рисунке показаны артикуляторно-перцептивные диаграммы, обобщающие размах ошибочной идентификации гласных. Очевидно, что наличие лишь одного а-подобного звука в русском языке усложняет дифференциацию сразу нескольких английских гласных низкого подъема, что и подтверждается данными настоящего исследования. С дидактической точки зрения это свидетельствует о необходимости интенсивной тренировки фонологического слуха в условиях академического билингвизма.

Что касается консонантизма, пристального внимания требуют межзубные согласные, носовые сонанты и стыки смычно-взрывных согласных.

Объясняя принципы перцептивных замен, Л. В. Бондарко указывает на существование так называемого «психологического пространства». Положение согласных и гласных в этом пространстве, по ее мнению, определяется «не столько артикуляторно-акустическими свойствами, сколько отношениями, существующими в языке, и речевыми характеристиками, зависящими

от этих системных отношений лишь в определенной мере» [5]. Полагаем, что асимметрия между указанным психологическим пространством, привязанным к родному языку, и объективным фонологическим пространством изучаемого языка является основной причиной большинства ошибок в восприятии звуков речи.

Полезной и продуктивной в этой связи представляется идея Л. В. Бондарко о «воспитании» фонологического слуха. Этот процесс предполагает формирование навыков и умений выделения полезных акустических (слуховых) ключей, которые служат базой для лингвистической интерпретации речевого сообщения. Осмысленные речевые отрезки не могут эффективно использоваться для выявления и тренировки таких фонетически полезных ключей, поскольку их восприятие ориентировано не только на акустический сигнал. Любой носитель языка пользуется контекстуальными подсказками, своим знанием лексики, правил синтаксиса и комбинирования слов [6]. Полагаем, что комплексы традиционных упражнений на фонемную идентификацию и дифференциацию можно дополнить заданиями на точность восприятия псевдослов (бессмысленных звукокомплексов, построенных по фонотактическим законам языка). Такой тип заданий может служить верификацией степени сформированности фонологического слуха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венцов, А. В. Проблемы восприятия речи / А. В. Венцов, В. Б. Касевич. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994. – 232 с.
2. Gimson, A. C. An introduction to the pronunciation of English / A. C. Gimson; revised by Susan Ramsaran. – 4th ed. – London: Edward Arnold, 1989. – 364 p.
3. Roach, P. English Phonetics and Phonology. A Practical Course. / P. Roach. 3rd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 283 p.
4. Wells, J. C. Accents of English / J. C. Wells. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 226 p.
5. Бондарко, Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи / Л. В. Бондарко. – Ленинград: изд-во ЛГУ, 1981. – 199с.
6. Кодзасов, С. В. Общая фонетика: учебник / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М. : Рос. Гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.

The article deals with the differences in the nature of oral speech perception in native and non-native speakers. A phonetic experiment using English pseudo words made it possible to determine the accuracy of phonological hearing in the two categories of subjects. The article also presents a detailed study of the types and frequency of errors and inaccuracies in the perception of vowels and consonants caused by the filter of the native phonological system.

Поступила в редакцию 11.10.2019

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**В. В. Губкина, Е. П. Маюк****СТРУКТУРНО И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ГИПЕРБОЛЫ И ЛИТОТЕСА В БЛОГ-КОММУНИКАЦИИ**

Устанавливаются особенности моделирования образа женщины в контексте интернет-дискурса, анализируются гипербола и литотес, их структурно-семантические и прагматические характеристики, используемые мужчинами для формирования как негативных, так и позитивных образов противоположного пола. Автор определяет механизмы создания женских образов в блогосфере мужчинами разного возраста. Выявлены и описаны основные факторы, влияющие на актуализацию наиболее популярных женских образов, а также критерии, определяющие выбор соответствующей лексики. Обозначены разновидности литотеса и гиперболы, а также коммуникативные цели их использования.

С развитием современных технологий происходит трансформация процесса коммуникации и появляется все больше средств вербального самовыражения и самопрезентации.

Существование анонимности в интернет-коммуникации, которая позволяет преодолеть социальные, психологические и личностные барьеры, предоставляет возможность провести более полный анализ общения между мужчинами и женщинами. Исследование гендерных особенностей речевой интеракции в интернет-дискурсе необходимо в современном мире ввиду новизны данного средства массовой коммуникации и вследствие отсутствия достаточно обширной базы знаний в данной сфере. Однако, следует отметить, что гендерные аспекты в блогосфере уже изучаются в работах таких ученых, как О. Ю. Гукосьянц [1], Т. С. Жукаускене, Н. А. Мишанкина [2] и других лингвистов.

В нашем исследовании рассматривается речевое поведение мужчин по отношению к женщинам в контексте блог-коммуникации. Цель работы – установить структурно-семантические и прагматические характеристики гиперболы и литотеса – лексико-стилистических средств, которые объективируют женские образы в мужских блогах. Объектом исследования выступает блог как особый жанр интернет-коммуникации. Предметом работы являются лексические приемы (гипербола и литотес), посредством которых мужчины моделируют образ женщины.

В качестве фактического материала был использован контент трех популярных мужских блогов: mujchin.net, masculist.ru, antiwomen.ru. Общий объем контента составил 40 текстов.

В ходе анализа эмпирического материала были выделены как положительные, так и отрицательные женские образы. Под положительным образом понимается наиболее привычный, одобряемый большинством мужчин обобщенный тип женщины, характеризуемый набором общепринятых социумом позитивных качеств (рис. 1).

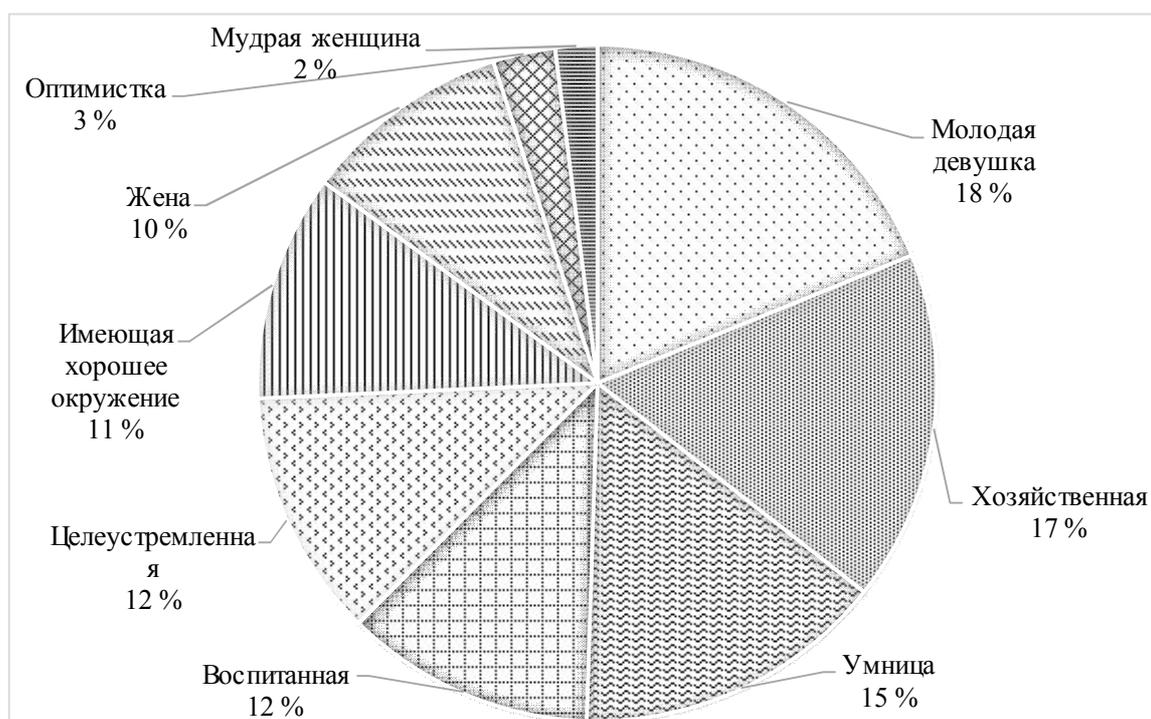

Рис. 1. Характеристики, формирующие положительный образ женщины в мужских блогах

В большинстве случаев мужчины придерживаются традиционного образа женщины: привлекательная внешность, отсутствие вредных привычек, высокие моральные качества, подчеркнутая феминность, способность вести быт и выполнять супружеские обязанности, образованность, отсутствие токсичного окружения, широкий кругозор, также незначительное количество или полное отсутствие предыдущих ухажеров. Именно такой образ женщины возводится в абсолют:

Настоящая женщина старается нравиться своему единственному мужчине, а не всем и безусловно признает авторитет и главенство мужа.

Для того, чтобы быть идеальной, женщине много не надо. Нужно просто послушной быть, мужу угождать, за домом смотреть, а главное – себя не запускать. И будет вам счастье, женщины.

Одновременно образы, отличные от идеала, либо порицаются, либо игнорируются:

Раздражает огромное количество подруг этих, неприкрытая меркантильность, прощупывание на спонсорство со стороны малознакомых женщин и демонстративная сексуальность.

Если женщина имеет завышенные потребности, и создать семью для нее не главная задача, то и тратить время на нее не стоит.

Положительный образ женщины в первую очередь, по мнению мужчин, предполагает ее юный возраст (19 %), так как они считают, что молодость и красота являются важными факторами в выборе партнерши или временной спутницы:

Конечно, лучше взять в жены **молодую хорошую девчонку**, если есть возможность.

Сияющая улыбка красивой девушки стоит больше, чем образование или должность, которые у нее могут быть.

Более того, особа помладше считается податливой, и мужчина с легкостью сможет воспитать ее исходя из своих взглядов и предпочтений. Даже мужчины за сорок подчеркивают, что хотели бы встречаться с юными девушками.

В отношении положительного образа женщины в основном мужчины делают упор на такие моральные качества, как верность (14,7 %), умение понять (16 %), лояльность и терпимость (11,7 %):

Настоящая женщина всегда лояльна по отношению к своему мужу и его стратегическим интересам и уважает мужчину уже просто потому, что он мужчина.

Моя жена порядочная и верная, вижу ее любовь.

Внешность занимает вторую позицию, так как для мужчин во все времена была важна наружная привлекательность противоположного пола:

Я за тело, главное, чтобы красивая была.

Идеальная женщина – это сексуально привлекательная особа, которая мыслит, как мужчина.

В основу отрицательного образа, наоборот, положены порицаемые обществом характеристики (рис. 2).

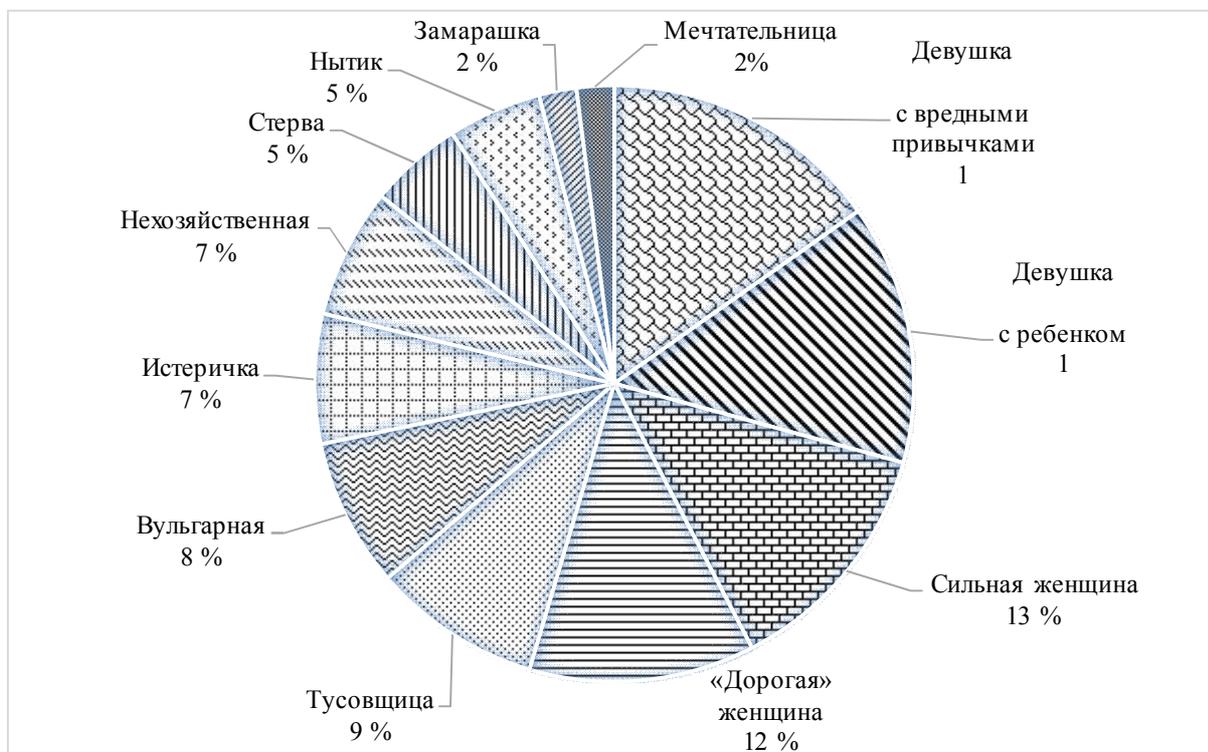

Рис. 2. Характеристики, формирующие отрицательный образ женщины в мужских блогах

К примеру, образ сильной женщины (12,9 %), рассматривается мужчинами, как негативный. Представители сильного пола выражают свою неприязнь к «карьеристкам» и подчеркивают, что они в основном «мужеподобные»:

Бесит этот карьеризм и феминизация (молодое поколение заражено на 99,9 %).

Карьеристка, помешанная на деньгах. Ей нужен достойный, а достоинство измеряется лишь бабосами.

Наиболее критикуемыми образами стали девушки / женщины с вредными привычками (15,2 %):

Для меня курящая женщина – это вульгарщина какая-то...желтые зубы, вонь изо рта.

Женщина, которая пьет или курит, или все одновременно, не пригодна к отношениям или браку.

«Сложный» характер также является одной из негативных характеристик. В данное понятие входят такие пункты, как немотивированная агрессия, постоянные упреки, критика и излишняя эмоциональность (6,8 %):

Мужики и так недолго живут, чтобы еще тратить нервы на истеричных женщин.

От жены просто тошнит, когда она пилит по любому поводу.

В большинстве случаев мужчины критичны и к таким внешним недостаткам женского пола, как избыточный вес, неконвенциональная внешность, неопрятность, а также фигура, которая не вписывается в общепринятые стандарты красоты (2,3 %):

Она прямо полный набор: грязнуля и толстуха!

Ужасно боюсь, что в будущем жена будет уродина.

Женщины, уже состоявшие в браке и имеющие ребенка, также порицаются, т.к. мужчины не хотят растить чужого ребенка и по этой причине считают, что такой тип не достоин внимания с их стороны (13,7 %):

Разведенка с прицепом, как принято ее называть – это болезненное проявление именно нашего времени, в которое упало значение семейных ценностей, рухнули идеалы «семьи на всю жизнь», семейного, полноценного воспитания детей.

В случае женитьбы на разведенной женщине с ребенком возможна масса подводных камней.

В 33 % случаев женщин критикуют именно неженатые мужчины в возрасте от 28 до 39 лет. Предположительно их знания основаны на предыдущем печальном опыте. Мужчины перечисляют типы подруг, которые им не подошли, находят те качества, которые их не устраивали, и обобщают данную информацию в описании нежелаемого образа:

Раздражают все эти бабы, все как одна жирные с короной на голове.

Раздражает: пирсинг, непонятный маникюр на руках, особенно когда ногти подтачивают как пики. А под всеми этими когтями, накладными ресницами и косами, тоннами штукатурки обычно скрывают сильно несвежую тушку.

Для моделирования женских образов современные мужчины часто используют такие лексико-стилистические средства, как гипербола (в 59 % случаев) и литотес (в 32 % случаев).

В первую очередь стоит дать определение понятию *гипербола*. Это чрезмерное преувеличение каких-либо качеств или свойств, явлений, процессов с целью создания яркого и впечатляющего образа.

Можно выделить различные виды данного приема, которые используются мужчинами для актуализации женских образов в блог-коммуникации:

1. Речевая гипербола, которая характеризуется абсурдностью, противоречием здравому смыслу и созданием комического эффекта (56 %);
2. Числовая гипербола (11 %);
3. Сравнения и метафоры (19 %);
4. Стертая гипербола, выступающая как выразительное узуальное средство (14 %).

В блогах различные виды гиперболы в основном служат для усиления негативных эмоций и отрицательного отношения мужчин к определенным чертам женщин. К примеру, критика характера или поведения женщин:

Они ж все каралевны, прынцессы и вообще звезды. Сидят там годами.

В примере употребляется стертая гипербола, которая делает речь более выразительной в данном контексте общения.

Моя бывшая – сатанинское отродье во плоти.

Здесь реализуется прием гиперболизированной метафоры, для создания максимально негативного образа.

Также мужчины преувеличивают и женские недостатки во внешности:

Какое шокирующее чувство я испытал однажды, когда раздеваясь, девушка сняла грудь вместе с лифчиком.

*Ну представьте, познакомились вы со знойным красавцем, дошло у вас до постели, и тут он **вытаскивает из штанов картофелину, снимает с плеч наплечники, и с облегчённым нуком распускает корсет, выпуская на волю три складки сала...***

В этом случае для объяснения своей позиции мужчина воспользовался речевой метафорой, которая отличается абсурдностью.

*Приходит офигенный мужчина, а с ним **страшенная бабица и парочка орущих спиногрызов.***

В приведенном выше контексте мужчина прибегнул к стертой гиперболе с целью преувеличения внешних недостатков.

*30-летние бабы **должны брать лопату, две гвоздики и медленно ползти в сторону кладбища.***

Снова речевая гипербола, т.к. наблюдается эффект комичности.

С помощью данного приема реализуется негативная оценка женских взглядов или профессии:

Да, титул блогерка должен произноситься с придыханием и благоговейным закатыванием глаз.

Если танец живота танцует, так непременно с мечтой о 23-х турках, не иначе.

В указанном выше примере числовая гипербола позволяет мужчине обрисовать образ распутной женщины.

Полный шлак все эти парикмахерши, стилисты, косметологи, массажистки. У них вообще нет никаких барьеров в голове.

Феминизм шагает по планете. И если сперва он делал первые робкие шаги, то сегодня совсем распоясался.

Если так пойдет и дальше, то скоро феминистки потребуют право мыться в мужской бане вместе с мужчинами и заявят свои права на лучшие места в парилке, обязав мужчин прислуживать им, не поднимая глаз.

Также мужчины используют стилистическую фигуру, оборот, в котором содержится художественное преуменьшение величины, силы значения изображаемого предмета или явления – литоту.

В их речи применяются такие виды литоты, как троп уменьшения (22 %) и троп смягчения (78 %). Троп преуменьшения усиливает значения слов и словосочетаний, делает упор на отдельные явления путем уменьшения их признаков. А троп смягчения применяется для снижения категоричности высказывания при характеристике негативного явления. Так же, как и к гиперболизации, мужчины прибегают к литотесу для негативной оценки, однако данный прием позволяет им смягчить критику. Рассмотрим, к примеру, отзыв на особенности характера:

Какие искренние слезы? Дешевая манипуляшка.

В этом случае троп уменьшения позволяет придать уничижительный оттенок слову манипулятор.

Моя жена, конечно, не самый умный человек, которого я встречал.

Такая неуловимая нежертва для охотника.

Как видно из примеров, троп смягчения употребляется, чтобы избежать категорично негативной оценки.

Также имеет место критика внешних особенностей:

Она не настолько молодая насколько я бы хотел.

Моя бывшая не была самой прикольной [о внешности] девчонкой на курсе.

Троп смягчения также не позволяет прибегать к очень жесткой критике и придает речи нейтральный оттенок.

Литотес, в отличие от гиперболы, служит и для положительной оценки внешности:

У нее совсем не плохая фигурка была для ее лет.

В вышеупомянутом примере мужчины с помощью тропа смягчения выражают позитивную оценку.

Однако в отношении женских взглядов и профессий литотес употребляется в негативном ключе:

Не могу не согласиться с оратором, который назвал всех феминисток недалекими.

Танцорки со своим танцем живота – не моя стихия.

В этих случаях троп смягчения позволяет мужчине выразить критику менее категорично.

*У меня знакомая – пивная **пристрастилка**.*

*Вот кажется трясешь ты **жирком** на животе и вроде безобидно.*

В данных высказываниях прием уменьшения используется с целью выразить презрительное отношение.

В целом мужчины прибегают и к гиперболе, и к литотесу для выражения своей субъективной оценки по отношению к женскому поведению, внешности, характеру и профессии. Представители сильного пола выражают свои мысли с помощью различных видов гиперболы (сравнение, метафоры – числовая, речевая, стертая) и литоты (уменьшительные и смягчающие тропы). Чаще всего встречаются гипербола как речевой прием (56 %) и метафоры (19 %), а также троп смягчения (78 %). Для выражения сдержанной критики мужчины-комментаторы употребляют литотес, однако он встречается реже чем гипербола. В большинстве случаев мужчины предпочитают усиливать свою речь с помощью гиперболизации. В целом оба приема помогают выразить отрицательную оценку, однако литотес смягчает негативные комментарии и служит средством выражения положительной оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гукосьяни, О. Ю.* Механизмы самопрезентации мужчин в англоязычной компьютерно-опосредованной коммуникации / О. Ю. Гукосьян // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 2, Языкознание. – 2014. – № 2 (21). – С. 95–102.
2. *Жукаускене, Т. С.* Образ женщины в современном русскоязычном блоге / Т. С. Жукаускене, Н. А. Мишанкина [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-diskursa>. – Дата доступа : 02.04.2019.
3. *Приходько С.* Гипербола и литотес как инструменты политической полемики / С. Приходько [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/106116/1/Prihodzko.PDF>. – Дата доступа : 02.04.2019.

The peculiarities of representation of woman in male blogs in the context of Internet discourse are examined. The linguistic means such as litotes and hyperbole used by men to create positive and negative images of women are analyzed. The mechanisms, as well as the factors of female images formation, are defined.

Поступила в редакцию 08.10.2019

Н. А. Кахновіч

СЕМАНТЫКА І СІНТАГМАТЫКА ЛЕКСЕМ
ЧЕСТЬ, ПОЧТИВОСТЬ, УЧТИВОСТЬ У СТАРАБЕЛАРУСКАЙ МОВЕ
НА ФОНЕ ПОЛЬСКАЙ МОВЫ XVI ст.

У артыкуле разглядаецца семантычны склад і асаблівасці сінтагматыкі лексем *честь*, *почтивость*, *учтивость* у параўнанні з польскімі *cześć*, *почciwość*, *uczciwość*. Удакладнены слоўнікавыя дэфініцыі беларускіх адзінак. Выяўлена, што ў абедзвюх мовах пераважала семантыка «знешняга гонару» (значэнні ‘пашана’ і ‘тытул, пасада’), а большасць устойлівых спалучэнняў былі агульнымі.

М. Ю. Лотман, які паклаў пачатак даследаванням старажытнарускіх лексем *честь* і *слава*, адзначаў, што калі мы прыпісваем слову ў гістарычным тэксце «простае», «відавочнае» значэнне, то часцей за ўсё адбываецца падстаноўка значэння з сучаснай даследчыку мадэлі свету [1, с. 118]. Так, П. С. Стэфановіч паказаў, што старажытнарускае *честь* хутчэй за ўсё не мела значэння, блізкага тагачасным заходнееўрапейскім і пазнейшым уяўленням пра кодэкс гонару, а яго семантыка, працягваючы праславянскую і стараславянскую, выбудоўвалася вакол значэнняў ‘пашана’ і ‘статус, пасада, улада’ [2, с. 87]. Семантычнае поле «Чэсць» у старабеларускай мове дагэтуль не атрымала падрабязнага разгляду, хоць, безумоўна, паняццевая сфера, якую яно ахоплівала, была не менш значнай і багатай за старажытнарускую, а колькасць адзінак, якія можна аднесці да гэтага поля, складае некалькі соцень. Мэта дадзенага даследавання – удакладніць значэнні асобных лексем семантычнага поля «Чэсць» у старабеларускай мове на падставе дадзеных сінтагматыкі і выявіць нацыянальна-культурную адметнасць паняццяў, што стаяць за гэтымі словамі, праз параўнанне з польскімі адпаведнікамі.

Для апісання мы вылучылі тры лексемы: *честь* (больш за 430 кантэкстаў у Картацэцы Гістарычнага слоўніка беларускай мовы), *учтивость* (116), *почтивость* (106). Выбар адзінак абумоўлены іх частотнасцю, агульным паходжаннем, блізкасцю значэнняў і частым ужываннем побач у адным тэксце.

У межах артыкула мы засяродзімся на ўстойлівых словазлучэннях накішталт *честь тратити*, *почтивость учинити* і г.д. (тут і далей – калакацыі) і спалучэннях слоў са злучальнай сувяззю, накішталт *ку чти и славе*, *з учтивостью и набоженством* (тут і далей спрошчана – калекцыі [3, с. 299–307]). Такім чынам, мы выкарыстоўваем элементы метадалогіі Люблінскай школы этналінгвістыкі, а таксама традыцыйны параўнальны метада.

Даследчык С. М. Талстая падзяляла семантыку чэсці / гонару ў славянскіх мовах на «знешні гонар» і «ўнутраны гонар». Да першага тыпу значэнняў належаць разнастайныя знакі пашаны; другі тып значэнняў сапраўды развіваецца пазней і выяўляе пэўныя маральныя прынцыпы, унутраны кодэкс паводзін [4, с. 224]. Якія значэнні згаданых лексем вылучаюцца ў гістарычных слоўніках беларускай мовы?

Для лексемы *честь* прыводзіцца: 1. ‘годнасць; комплекс найвышэйшых маральна-этычных прынцыпаў’; 2. ‘павага, пашана’; 3. ‘тытул, пасада’; 4. ‘пачастунак, банкет’; 5. як выклічнік (напр., *честь и хвала на веки*) [5, т. 1, с. 365–367], або таксама: 1. ‘добрае імя, аўтарытэт’; 2. ‘павага, пашана’; 3. ‘ушанаванне’; 4. ‘пір’ [6, т. 2, с. 470]. Параўноўваючы, можна заўважыць, што вылучэнне некаторых семем з’яўляецца спрэчным. Таксама бачым непаслядоўнасць у размеркаванні значэнняў для лексемы *учтивость*: 1. ‘пачцінасць’; 2. ‘багацце’ [5, т. 35, с. 356–357], а таксама: 1. ‘пачцінасць’; 2. ‘гонар’; 3. ‘прыстойнасць’; 4. ‘глыбокая пашана’ [6, т. 2, с. 430] – у апошнім падзеле чацвёртае значэнне відавочна дублюе першае. Для лексемы *почтливость* абодва гістарычныя слоўнікі пазначаюць тры значэнні: 1. ‘пачцінасць, пашана, павага’; 2. ‘чэсць, гонар’; 3. ‘цнота (жаночая)’ [5, т. 27, с. 415–416].

Звяртае на сябе ўвагу непаслядоўнасць у інтэрпрэтацыі ілюстратыўнага матэрыяла ўнутры артыкулаў. Напрыклад, цытата: *абы малженство светое в почтливости было заховано* (Ст. 1588) – прыводзіцца як прыклад рэалізацыі першага значэння, пры гэтым да другога значэння прымеркавана аналагічнае: *шляхту над шляхту не маем повышати але всю шляхту заховати в их почтливости* (Ст. 1529-Ф). Непаслядоўна падзяляюцца яўна сінанімічныя калакацыі. Напрыклад, *горло и почтливость тратит* (Ст. 1588) прыводзіцца ў ілюстрацыі да значэння ‘чэсць, гонар’, у той час як у артыкуле «Честь» аналагічнае выражэнне *честь горло именье тратит* (Ст. 1566) прыводзіцца ў значэнні ‘тытул, пасада’.

Як інакш можна сістэматызаваць значэнні згаданых лексем, калі звярнуць асаблівую ўвагу на ўстойлівыя спалучэнні слоў, якія сустракаюцца ў старабеларускіх тэкстах?

У якасці асноўнага значэння лексемы *честь* трэба вылучыць семему ‘пашана’, бо менавіта да «знешняга гонару» можна аднесці такія ўстойлівыя спалучэнні, як *великая честь; божая / вечная / людская честь; быти в чести, мети в чести, держати в чести; чти годный; воздати честь, учинити честь, держати честь / чести; с честью проводить; отнести честь*; канструкцыі са складанымі злучнікамі *на честь, ку чти, для чести*; калекцыі *честь и слава / на честь и славу* і да т.п.; *честь, слава, поклон; честь, слава, повага; честь и хвала; честь и память; честь и пошанованье; честь и дары; честь и радость; честь и набоженство* і г.д. Семема ‘пір, пачастунак’, звязаная з папярэдняй метанімічна, сапраўды вылучаецца як асобная, але не мае вялікай колькасці спецыфічных фармальных паказчыкаў: *быти на чести, ездити на честь, просити на честь* і да т.п. Шэраг калакацый, якія сустракаюцца толькі ў юрыдычных тэкстах, выяўляе існаванне асобнай семемы ‘тытул, пасада’: *тратити честь, отбывати чти, отсудити чти; честь и горло; честь, горло, именье; служба и честь* – гаворка вядзецца пра прыналежнасць да шляхты і права карыстацца адпаведнымі прывілеямі. Нарэшце, некаторыя кантэксты носяць дыфузны характар [5, с. 225]: так, калакацыі *накшталт шкодити чести, приганти на честь / ку чти, зволочати чти / честь, боронити чести* – могуць датычыць а) статуса, б) рэпутацыі, в) унутранага пачуцця ўласнай годнасці, г) прынцыпаў.

Лексема *почтивость* прыкладна ў роўных прапорцыях сустракаецца ў двух асноўных значэннях: ‘пашана’ (*великая почтивость; мети в почтивости; ховати в почтивости; чинити почтивость; для почтивости; почтивость и повага; слава и почтивость* і інш.) і ‘тытул, пасада’ (*горло и почтивость* і пад.; *почтивость тратити; отсуженье почтивости; зоставити при почтивости, сегати на почтивость; отпадывати от почтивости* і г.д.). Выразна вылучаюцца семемы ‘рэпутацыя’ (*почтивость и слава добрая*) і ‘цнатлівасць’ (*почтивость стратити*) – хоць у картатэцы знаходзім толькі па два прыклады для кожнай. Выкарыстанне ж слова *почтивость* у адным шэрагу з назвамі маральных каштоўнасцей у складзе устойлівых формул прысягі, напр.: *под вѣрою суменьемъ и поцтивостями нашими* (Апакр.) – дазваляе зрабіць дапушчэнне аб развіцці семантыкі «ўнутранага гонару». І, нарэшце, як і для лексемы *честь*, бачым дыфузныя кантэксты: *доткливый почтивости, примовити ку почтивости, шкодити почтивости; боронити почтивости; ити о почтивость*.

Лексема *учтивость* мае найменш развітую сетку значэнняў. У пераважнай большасці кантэкстаў рэалізуецца семема ‘пашана’: *учтивость пристойная; мети в (великой) учтивости; учтивость выражати; учтивость отдавати; учтивость чинити; быти в учтивости; мети учтивость у неко-го; ховати в учтивости; з учтивостью и набоженствомъ; з великою учтивостью и боязнию* і г.д. Адзінкавыя ўжыванні ў значэнні ‘статус, пасада’ (*тратити учтивость*), а таксама ўжыванні ў кантэкстах, якія дапускаюць выяўленне дыфузнага значэння (*шкодити учтивости*); тое ж датычыць семемы ‘багацце’, вылучанай ГСБМ.

Безумоўна, асобныя значэнні лексем могуць не мець фармальнай рэпрэзентацыі ў выглядзе калакацый. У шэрагу тэкстаў *честь* і *почтивость* выступаюць аб’ектамі і суб’ектамі ментальнай дзейнасці і яўна служаць назвамі нейкага ўнутранага рэгулятара: *запаятали чсти и души свои* (АЗР I); *абы паметали на пна бга на справедливость его светую и на почтивост свою* (Ст. 1566); *почтивость сама вела бы насъ* (Атыла) – гэтыя словаўжыванні здымаюць пытанні наконт прысутнасці «ўнутранага гонару» ў семантычным складзе даследаваных лексем.

Такім чынам, слоўнікавыя дэфініцыі даследаваных лексем, уніфікаваныя з улікам сінтагматычных асаблівасцей, маглі б выглядаць прыкладна так:

ЧЕСТЬ. 1. ‘пашана’; 2. ‘тытул, пасада’; 3. ‘пір, пачастунак’; 4. (адз.) ‘этычны прынцып’; 5. (?) ‘рэпутацыя’.

ПОЧТИВОСТЬ. 1. ‘пашана’; 2. ‘тытул, пасада’; 3. (адз.) ‘этычны прынцып’; 4. (адз.) ‘цнатлівасць’; 5. (адз.) ‘рэпутацыя’.

УЧТИВОСТЬ. 1. ‘пашана’; 2. (адз.) ‘тытул, пасада’; 3. (адз.) ‘багацце’.

Ці мае семантыка апісаных старабеларускіх лексем нейкія культурна-спецыфічныя асаблівасці ў параўнанні з семантыкай польскіх лексем XVI ст. *cześć, poczciwość, uczciwość*?

«Słownik polszczyzny XVI wieku» падае 12 значэнняў лексемы *cześć* разам са шматлікімі выпадкамі метаніміі і іншых тыпаў другаснай матывацыі (напрыклад, 2. ‘ушанаванне (...)’; а. ‘знакі гэтага ўшанавання’) [7, t. 4, s. 152].

Пры гэтым наборы семем для беларускага *честь* і польскага *cześć* у цэлым вельмі падобныя: так, найбольш частотным з’яўляецца ўжыванне адпаведных лексем у значэнні ‘пашана’, а семемы ‘рэпутацыя’ і ‘маральны прынцып’ адзначаюцца пэўнай недавылучанасцю ў якасці самастойных. У пераважнай большасці супадае сінтагматыка: напрыклад, устойлівым спалучэнням слоў *тратіти честь, отсудити чти; честь и горло, честь горло именье* (семема ‘статус, пасада’) – адпавядаюць польскія калакацыі *cześć tracić, czci odsądzić; cześć i gardło, cześć i imienie* (11a. ‘honor w pojęciu prawnym’). Нават калі планы выражэння розныя, амаль аднолькавымі будуць кагнітыўныя мадэлі такіх калакацый – напрыклад, уяўленне пра гонар як пра каштоўнасць, якая падлягае дэструкцыйнаму ўздзеянню і патрабуе абароны (*шкодити, зволочати чти / czci uwłaczać, urągać, uwieść; заховати во чти / cześć zachować, боронити чести / bronić czci*), або характарыстыка пашаны з пункту гледжання інтэнсіўнасці (з *великою честью / z wielką czcią*), сакральнасці – прафаннасці (*божая – людская, земная, марная честь / boża, boska – ludzka, proźna, marna, obłudna cześć*) і з пункту гледжання абавязковасці (*пристойная, належная, повинная / przystojna, należąca, powinna, powinowata, własna*).

Сярод польскіх калакацый, не зафіксаваных для старабеларускай мовы ў Картатэцы Гістарычнага слоўніка..., варта назваць *czolem za cześć* ‘формула развітання або падзякі’, *mieć w cześć, mieć się w cześć* ‘паводзіць сябе годна, з гонарам’; *za cześć poczytać, mieć, pokładać, przyjmować, przypisować, wziąć* ‘лічыць за гонар’; *cześć sprawić, cześć udzielać* ‘зрабіць гонар’; *ostatnia cześć* ‘апошні гонар, пахаванне’; *cześć ogradzać* ‘забяспечваць перад падазрэннем у рабунку’ – у формуле ліста памежных ваенных камандзіраў, які папярэджваў аб распачынанні польскім каралём вайны з крыжацкім ордэнам; *nie zostawić [na kim] czci za pieniądze, za półgrosza, nie zostawić czci na kim* літаральна ‘не пакінуць на кімсьці гонару за грош, за паўгроша’. Сярод старабеларускіх калакацый, не зафіксаваных для польскай мовы XVI ст., можна назваць *держати в чести, держати честь; приганти на честь / ку чти*; а таксама некалькі канструкцый са злучальнай сувяззю: *честь и дары, честь и память, служба и честь, честь и набоженство, честь и веселье, честь и радость*; не знойдзем зафіксаваных у ГСБМ ідыём *позовь чести* (‘выклік, павестка гонару’) і *честь твоя* (форма ветлівага звароту) [5, т. 36, с. 365]. Некаторыя са згаданых спалучэнняў маюць адпаведнікі ў старарускай мове (напр., *держати в чести, держати честь, честь и дары*) і, мяркуючы па храналогіі помнікаў, выводзяцца яшчэ са старажытнарускіх часоў; іншыя ўкладаюцца ў сетку асноўных кагнітыўных мадэляў поля, пар. *честь и набоженство – учтивость и набоженство / nabożeństwo i uczciwość; честь и память – честь и слава / cześć i sława*.

Найбольш частотным значэннем для лексемы *poczciwość* з’яўляецца ‘пашана’, у сінтагматыцы тут назіраецца большае супадзенне з лексемамі *честь / cześć*, чым для старабеларускай лексемы *почтливость*, напр.: *być w poczciwości, poczciwość mieć, w poczciwości dźierżeć, poczciwość wyrządzać*,

poczciwości godny, dla poczciwości, ku poczciwości, na poczciwość і г.д. У складзе дыфузных значэнняў згадваецца семема ‘рэпутацыя’. Прынцыповае адрозненне ў лексічнай структуры польскай лексемы *poczciwość* XVI ст. ад старабеларускага *почтывость* – гэта вялікая доля семантыкі «ўнутранага гонару» (семемы ‘цнота’ і ‘цнатлівасць’). Можна дапусціць, што ў польскай культуры XVI ст. адно з паняццяў, якія стаялі за лексмай *poczciwość*, утварала асобны канцэпт, сляды якога знаходзім у прадмове да Статута ВКЛ 1588 г.: «...абы водлуг того пристойного и мудрого баченья живот човечий так справовал, яко бы се за тым, што ест почтывого, завжды удавал, а што непочтывого, абы се того выстерегал» (Ст. 1588). Аб больш развітай семантыцы «ўнутранага гонару» сведчыць калекцыя *cnota i poczciwość* ‘цнота і пачцівасць’ або менш частотная *poczciwość, miara* ‘пачцівасць, умеранасць’; спалучэнні тыпу *chować / żyć w uczciwości*; а таксама *poczciwość domu, macierzyńska, męska, miła, ojcowska, przodków*, выражэнне *poczciwość ginie* і інш.

Польскім слоўнікам зафіксаваны шматлікія выпадкі метанімічных ужыванняў лексемы *poczciwość* – напр., пад значэннем 5. ‘*chluba, duma; powód do chluby, dumy*’ (‘гонар, гордасць; прадмет гонару, гордасці’) [7, t. 25, s. 261]. Тыповыя для сучаснай беларускай мовы, яны амаль не сустракаюцца ў картатэцы, адзінае выключэнне складае, мабыць, урывак з Бібліі Скарыны: *похвала убо човѣька ест почтывость вѣца его* (Скар., Іс.).

Што тычыцца спецыфікі беларускай лексемы *почтывость*, характэрнай рысай з’яўляецца вялікая колькасць яе ўжыванняў у формулах прысягі, якія нават не згадваюцца ў слоўніковым артыкуле «*Poczciwość*», але былі ўласцівымі сінтагматыцы слова *cześć*, пар.: *pode cziq, pode cziq i sumieniem, pode wiarq i (a) cziq (i przysięga) / под вѣрою суменьемъ и поцтивостами нашими, под верою подъ почтывостью и сумненемъ нашимъ*. Гэта асабліваасць можа тлумачыцца традыцый перакладу лацінскіх праўных формул *sub fide et honore, sub honore et conscientia*, а таксама больш раннім працэсам ірадацыі сінонімаў *cześć – poczciwość* у польскай мове

На жаль, дагэтуль не выйшаў том польскага слоўніка з артыкулам «*Uczciwość*», таму мы можам зрабіць толькі папярэднія высновы адносна функцыянавання гэтай лексемы, абапіраючыся на дадзеныя пошуку па электроннай версіі слоўніка [8]. Так, вядома, што амаль усе вызначаныя беларускія калакацыі маюць польскія адпаведнікі: *быти в учтывости / być w uczciwości; учтывость отдавати / oddawać uczciwość; з великою учтывостью и боязню / bojaźń, uczciwość* і г.д. – пацвярджаецца наяўнасць семемы ‘пашана’. У больш познім слоўніку польскай мовы, які ахоплівае даследаваны перыяд, у дэфініцыі лексемы *uczciwość* можна знайсці семему ‘шаноўнасць, годнасць пашаны, прыстойнасць, слушнасьць’ [9, T.VI, s. 27], якая мае тую ж метанімічную прыроду, што і семема ‘багацце’, вылучаная аўтарамі беларускага слоўніка. Нарэшце, выраз *pod uczciwością* і блізкі яму *pod utratą uczciwego, honori, pod karą bezceństwa* у тым жа слоўніку могуць сведчыць пра наяўнасць семемы ‘статус, пасада’.

Падагульняючы даследаванне, мы можам зрабіць наступныя высновы:

1. Для лексем *честь*, *почтивость*, *учтивость* у старабеларускай мове агульным з'яўляецца структураванне іх семантыкі вакол «знешняга гонару» (найбольш частотныя семемы 'пашана' і 'статус, пасада', менш частотныя 'пір, пачастунак', 'рэпутацыя', 'багацце'), што рэпрэзентуецца вялікай колькасцю калакацый з адпаведным значэннем.

2. Можна сцвярджаць, што ўжо ў старабеларускай мове пачалося фармаванне ўяўленняў пра «ўнутраны гонар» (вылучэнне асобнай семемы 'этычны прынцып', наяўнасць семемы 'цнатлівасць').

3. Да культурнаспецыфічных асаблівасцей семантычнага поля «Чэсць» у старабеларускай мове на фоне польскай мовы XVI ст. належаць у першую чаргу некаторыя выпадкі словаўжыванняў ядзернай лексемы (устойлівыя спалучэнні *держати честь*; *пригнати на честь*; *честь и дары*, *честь и память* і г.д.) і замацаванне за лексемай *почтивость* калек з лацінскіх формул прысягі без развіцця семантыкі «ўнутранага гонару», уласцівага польскаму *rozcziwość*.

У цэлым параўнанне старабеларускіх лексем *честь*, *почтивость*, *учтивость* і польскіх лексем XVI ст. *cześć*, *rozcziwość*, *uczciwość* сведчыць пра выключна высокую ступень падабенства паміж адпаведнымі адзінкамі як у семантыцы, так і ў сінтагматыцы. Сярод прычын такой з'явы варта назваць: 1) генетычную і геаграфічную блізкасць моўных сістэм; 2) уплыў польскай мовы на старабеларускую, які ўзрастаў на працягу XIV–XVIII ст. і прывёў да шматлікіх запазычанняў; 3) дамінаванне ў кагнітыўным аспекце сярэднявечнай карціны свету і каштоўнасцей, агульных для тагачаснай Еўропы. Заканамерным працягам даследавання павінна стаць параўнанне выбраных адзінак з іх старарускімі адпаведнікамі і канцэптамі больш далёкіх культур.

ЛІТАРАТУРА

1. Лотман, Ю. М. Об оппозиции «честь» – «слава» в светских текстах киевского периода / Ю. М. Лотман // Избр. ст.: в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 2. – С. 111–126.
2. Стефанович, П. С. Древнерусское понятие чести в памятниках литературы домонгольской Руси / П. С. Стефанович // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – 2004, № 2 (16). – С. 63–87.
3. Niebrzegowska-Bartmińska, S. Wzorce tekstów ustnych w perspektywie etnolingwistycznej / S. Niebrzegowska-Bartmińska. – Lublin, 2007.
4. Толстая, С. М. Русская ЧЕСТЬ и польский HONOR / С. М. Толстая // Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. T. 5: Honor / Pod red. J. Bartmińskiego. – Lublin, 2017. – S. 223–236.
5. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1982 – 2017. – Т. 1–37.
6. Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі: у 2 т. / Склад. І. У. Будзько [і інш.]; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск, 2013. – 515 с.

7. Słownik polszczyzny XVI wieku / St. Bał, M. R. Mayenowa i in. – Wrocław, 1966–2009. – Т. 1–37.
8. Korpus polszczyzny XVI wieku // Słownik polszczyzny XVI wieku [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://sprxvi.edu.pl/korpus/>. – Дата доступу: 12.07.2019.
9. Linde, S. Słownik języka polskiego / S. Linde. – Warszawa, 1994–1995. – Т.1–6.

Спіс цытаваных крыніц Картатэкі Гістарычнага слоўніка беларускай мовы

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. – СПб, 1846–1853. – Т. I–V.

Апакр. – Апокрисисъ албо отповедь на книжки о съборе берестейскомъ (Вільня, 1598).

Атыла – Гісторыя аб Атыле, каля 1580 г. – У кн.: *Веселовский, А. Н.* Из истории романа и повести. Сборник Отделения русского языка и словесности. – СПб, 1888. – Т. 44, № 3. – С. 173–235.

Скар., ІС. – «Библия руска» выдання Ф. Скарыны 1516–1519 гг. – Кніга Ісуса Сірахава.

Ст. 1529 – Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 г. – Временник императорского общества любителей древностей российских. – М., 1854.

Ст. 1566 – Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 г. Рукапіс Дзяржаўнай публічнай бібліятэкі імя М. Я. Салтыкова-Шчадрына, Ф, II, 34.

Ст. 1588 – Статут Вялікага Княства Літоўскага (Вільня, 1588).

The article deals with the main sememes and their characteristic collocations of the Old Belorussian lexemes *česć*, *uščivaść*, *paščivaść* and their Polish equivalents. An exceptionally high degree of similarity in the use of Old Belorussian and Polish units has been established, e.g. predominance of semantics of the “external honor” (the most frequent sememes were ‘respects’ and ‘title, position’) and structural and semantic unity of the collocations.

Поступила в редакцию 07.10.2019

М. О. Тригук

ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМОВ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ С. ЕСЕНИНА (на материале стихотворений поэта и переводов Р. Бородулина)

В статье рассматриваются приемы перевода русской метафоры на белорусский язык. Материалом для анализа послужили метафоры из стихотворений С. Есенина и их переводы на белорусский язык, выполненные поэтом Р. Бородулиным. Описываются стратегии передачи метафорического образа на язык перевода, устанавливаются основные приемы перевода авторской метафоры и некоторые закономерности их использования.

Талант С. Есенина отмечали А. Блок, Б. Пастернак, С. Городецкий, Ф. Сологуб, Н. Клюев, М. Горький и др. Многие критики воспринимали поэта как продолжателя пушкинских традиций в русской литературе: С. Есенин «порой пушкинскими словами прорывал нам о своей молодости, о своем одиночестве, о своей бесприютной головушке, о потерянных любви и дружбе, о родине, о русской матери...» [1, с. 75]. Закономерно, что творчество поэта привлекало внимание не только читателей, но и переводчиков. Стихотворения С. Есенина переводились на немецкий, английский, французский, итальянский и славянские языки. Широко известны переводы С. Есенина на белорусский язык, мастерски выполненные переводчиком и поэтом Рыгором Бородулиным, который называл Сергея Есенина «очами России» и «испытывал радость от долгой, нелегкой, но благодатной работы» над переводом стихотворений поэта [2].

Иностраный читатель получает представление о стиле поэта по переводу, в то время как перевод основан на «индивидуальном переосмыслении образно-смысловых особенностей художественного текста», а «творческие характеристики перевода и его импровизационный аспект особенно ярко выражены в переводе поэзии» [3, с. 6]. Качественный поэтический перевод соответствует таким критериям, как единство формы и содержания, точность словоупотребления и естественность звучания, стремление к сохранению рифмы и ритма, национального своеобразия и особенностей авторского идиостиля. Именно с проблемой сохранения стиля связан выбор переводческих решений при передаче стилистических средств, в частности метафоры.

Метафора является универсальной единицей для языковых систем, но при этом сравнительно непросто передается с одного языка на другой (Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Т. А. Казакова, А. Д. Швейцер и др.). В стиле С. Есенина метафора является частотным средством создания экспрессивности и служит выявлению содержательно-концептуальной информации. Цель исследования – выявить приемы перевода авторской метафоры С. Есенина и особенности их использования при переводе на белорусский язык стихотворений поэта. Материалом для анализа послужили 129 метафор из стихотворений С. Есенина, выявленные методом сплошной выборки, и их переводы на белорусский язык, выполненные Р. Бородулиным [4; 5].

При переводе метафор в стихотворениях С. Есенина переводчик следует «закону сохранения метафоры», в соответствии с которым метафора и ее оригинальный образ сохраняются при наличии возможности. В белорусском тексте исходный образ представлен в 75 % метафор, т.е. переводчик стремится воссоздать индивидуально-авторские метафоры на языке перевода, одновременно отражая стиль и личность поэта и обогащая словарный запас языка перевода: *На тропу голубого поля // Скоро выйдет железный гость, Злак овсяный, зарею пролитый, // Соберет его черная горсть. – На сцяжынку блакітнага поля // Госць жалезны выйдзе на скон. // І зару*

аўсянага болю // Чорнай жменяй захопіць ён. Переводчик может сохранять метафору как прием, заменяя оригинальный образ другим метафорическим образом. В анализируемых стихотворениях замена образа применяется при переводе 25 % метафор, т.е. гораздо реже по сравнению со стратегией, при которой авторский образ воспроизводится полностью. Переводчик изменяет образ в большей или меньшей степени: *...текла былая // Наша жизнь, что былой не была... – Як ляцела вясна былая, // Раскажу, хоць былой не была; Сёгодня я // В ударе нежных чувств. – Я сёння // У палоне пачуцця.* Переводчик избегает неоправданного разрушения метафор, которое, по мнению И. Р. Гальперина, изменяет исходный смысл фразы и снижает ее эстетический и прагматический эффект [6]. Так, прием разрушения художественного образа практически не используется. В переводе опускается авторская метафора *томясь в неласковом плену*, описывающая состояние лирического героя: *Но, всегда ища себе родную // И томясь в неласковом плену, // Я тебя нисколько не ревную, // Я тебя нисколько не кляню. – Хоць шукаю родную адну я, // Ні на кого не звярну віну, // Я цябе нікольнікі ні раўную, // Я цябе нікольнікі не кляню.* Выявленное соотношение стратегий перевода метафорических единиц возможно благодаря близкородственному статусу русского и белорусского языков и установке переводчика на сохранение оригинальной образности С. Есенина.

Рассмотрим особенности приемов перевода метафоры при переводе стихотворений С. Есенина. П о л н ы й п е р е в о д метафоры применяется, если для ее единиц совпадают правила сочетаемости и традиции выражения эмоционально-оценочной информации. Названный прием используется при переводе 36 метафор: *Весной и солнцем на лугу // Обвита жёлтая дорога... – Вясной і сонцам на лугу // Спавіта жоўтая дарога; Только будут колосья-кони // О хозяине старом тужить. – Толькі будуць калоссі-коні // Па кармільцы старым тужыць.* Благодаря ему в переводе сохраняется своеобразие индивидуально-авторской метафоры С. Есенина, которая употребляется для воссоздания пейзажных зарисовок или описания эмоционального состояния человека. Полный перевод позволяет передать и авторское ощущение неразрывной связи человека и природы, которое в том числе реализуется и через метафору: *На бору со звонами плачут глухари. – Зноў глушцы са звонамі плачуць у бары; Хорошо в черёмуховой вьюге... – Хораша ў чарэмхавай завеі; Если тронуть страсти в человеке, // То, конечно, правды не найдёшь. – Як зачэпіш страці ў чалавеку, // То не знойдзеш праўды ўсё адно.*

При переводе поэтического текста часто имеют место т р а н с ф о р м а ц и и. Трансформацией, как определяет Л. К. Латышев, является «намеренное отступление от структурного и семантического параллелизма между исходным языком и языком перевода в пользу их равноценности в плане воздействия» [7, с. 34–35]. Трансформации являются обоснованными, если они обеспечивают большую степень эквивалентности переводимому отрезку, служат для воссоздания образности, сохранения важной фоновой инфор-

мации либо снятия избыточной, преодоления межъязыковых различий, достижения компактности перевода, его эстетичности и логичности [8]. Соотношение приемов перевода метафоры (полного перевода и различных типов трансформаций), используемых Р. Бородулиным, представлено на рис. 1.

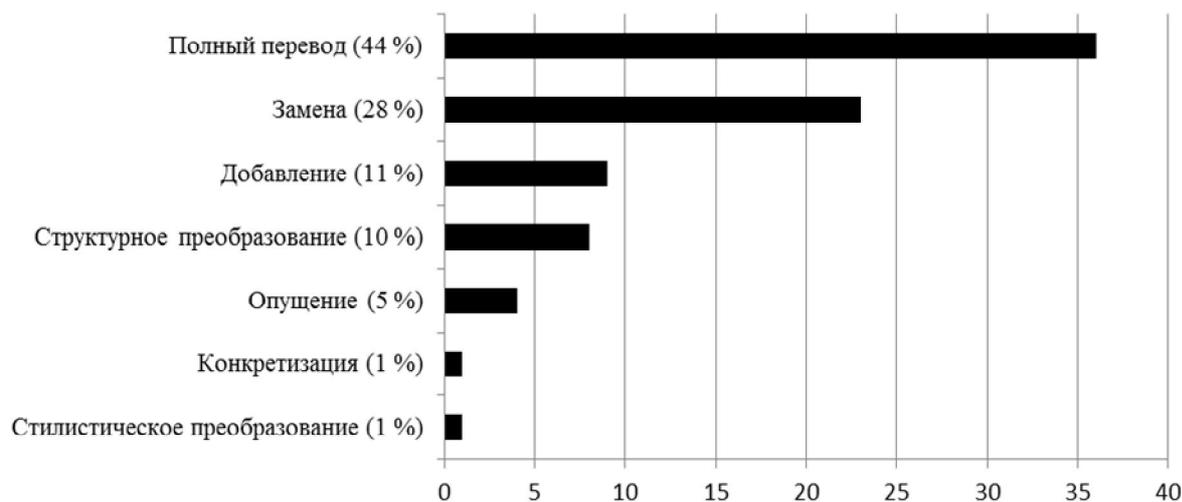

Рис. 1. Соотношение переводческих решений при переводе метафоры

З а м е н а (23 случая) является одним из наиболее частых приемов перевода метафоры у Р. Бородулина. В данном случае происходит замена части исходного содержания иным, соответствующим исходному по прагматической функции: *Оттого душе моей не жёстко // Ни желать, ни требовать огня... – I таму душы не так марозна: // I жаданне, i агонь міне; В городской и горькой славе // Я хотел прожить пропащим. – З гарадской палыннай славы // Я хацеў пражыць прапащым; Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи, – К светлой тайне приложил уста. – Кто ўсё ж выдумаў // Твой гнуткі стан і плечы, – // Вусны светлай таямніцай разгавеў*. При описании состояния души используется наречие *марозна* с имплицитной отрицательной коннотацией в данном контексте, как и наречие *жёстко*; атрибутивная характеристика *палынны* связана с вкусовыми ощущениями, как и *горький*; и исходное словосочетание *приложил уста*, и его эквивалент *разгавеў вусны* имеют отсылку к библейской тематике. Таким образом, перевод метафор учитывает особенности индивидуально-авторских метафор С. Есенина, благодаря чему их эквиваленты на белорусском языке являются близкими к оригинальным. При переводе метафоры может применяться и к о н к р е т и з а ц и я. Например, отрицательное местоимение *ничто* заменено существительным *жаль*: *I ніхто душы не патрывожыць, // I дрыжаць яе не змусяць жаль. – I ничто душы не потревожит, // I ничто её не бросит в дрожь...*

Д о б а в л е н и е, или введение дополнительных слов, как правило, возникает для отражения языковых различий. Данный прием перевода может быть обусловлен такими причинами, как отсутствие нужной лексемы или ЛСВ, перестройка синтаксической структуры, перевод значений, выра-

женных в оригинале грамматически и стилистически. При переводе метафоры Р. Бородулиным такой прием используется 9 раз. Сравним исходный и переводной текст: *Когда кипит морская гладь, // Корабль в плачевном состоянии. – Калі ўскіпае гнеў марскі наўзбоч, // То карабель у горкім стане; Такой рыдалистой дрожью // Неотлетевших журавлей. – Журбой рыдалистай, аджытай // Неадляцельх жураўлёў; И золотеющая осень, // В берёзах убавляя сок, // За всех, кого любил и бросил, // Листовою плачет на песок. – І восень, грэючы ўспамінам, // Збаўляючы ў бярозах сок, // За ўсіх, каго кахаў і кінуў, // Лістамі плача на пясок.* Переводчик добавил как отдельные лексемы *гнеў, аджыты*, так и словосочетание *грэючы ўспамінам*. Данное добавление, конечно, влияет на ритм и рифму стихотворения. Тем не менее следует отметить, что названные фрагменты вносят дополнительную информацию о природе и внутреннем мире человека. На наш взгляд, добавление выступает как способ конкретизации состояния лирического героя на основе интерпретации переводчиком текста оригинала.

О п у щ е н и е (4 случая) противоположно по отношению к приему добавления и основано на импликации слов, которые не несут значимой смысловой нагрузки. Так, может быть исключена атрибутивная характеристика: *И навстречу испуганной маме // Я цедил сквозь кровавый рот... – І цадзіў я спалоханай маме, // Рот хаваючы ў рукаве...* Определение *кровавый* (рот) легко восстанавливается на основе контекста. Может опускаться редко употребляемое слово: *Простыла // Этих дней кипяток вязь... – Прастыла // Кіпятлівасць пары тае...* Лексема *вязь* в прямом значении называет ‘соединение, сплетение нескольких букв в один сложный знак’ [9]. В переносном употреблении актуализируется сема ‘соединение в единое целое’ о днях человеческой жизни, для указания на которые используется слово *пара*. В переводе *Плач тальянки, голас адзінокі – // А такі ён блізкі, а такі далёкі* опущено определение *дальний* (в тексте оригинала *дальний плач тальянки*), при этом сохраняется однокоренное прилагательное *далёкий*. В целом в анализируемых переводах опущения незначительно влияют на восприятие строк, но упрощают переводчику организацию поэтического текста.

Структурное преобразование встречается 8 раз. Данный прием перевода используется при различном грамматическом оформлении метафоры в языке оригинала и языке перевода. Как известно, в белорусском языке формы причастий ограничены в своем использовании, что отражается в последовательной замене причастных оборотов придаточными определительными: *Уж сердце наполнилось иной, // Кровь отрезвляющею брагой. – Бо сэрца напілося той, // Што кроў працверажжае, брагай; Как будто дождик моросит // С души, немного омертвелой. – Нібыта дождж імжаць не сціх // З душы, што неўпрыкмет змярцвела.*

Кроме структурного преобразования, вызванного заменой причастного оборота, в переводах метафоры встречается перестановка, или изменение расположения языковых единиц в тексте перевода по сравнению с ориги-

налом. В данных переводах это явление вызвано не различием речевой традиции, а стремлением к сохранению рифмы и ритма: *Ты іншым выпіта з вясны, // Мне, зрэшты, досыць засталася: // Дым валасоў тваіх шклянны, // Вачэй прытомленая восень.* Ср.: *Твоих волос стеклянный дым // И глаз осенняя усталость.*

Редко используемой трансформацией в анализируемых переводах является стилистическое преобразование, представленное одним случаем. При переводе метафоры *Басанож гуляць не звабіць болей // Край бярозавага паркалю* глагол *шляцца*, переданный общеупотребительной лексемой *гуляць*, подвергается замене, при этом исходный глагол имеет пометы *прост., неод.* [9].

При переводе метафоры Р. Бородулин часто обращается к таким переводческим решениям, в которых сочетаются несколько приемов перевода. Всего выявлено 8 типов таких переводческих преобразований, частотность использования которых представлена на рис. 2.

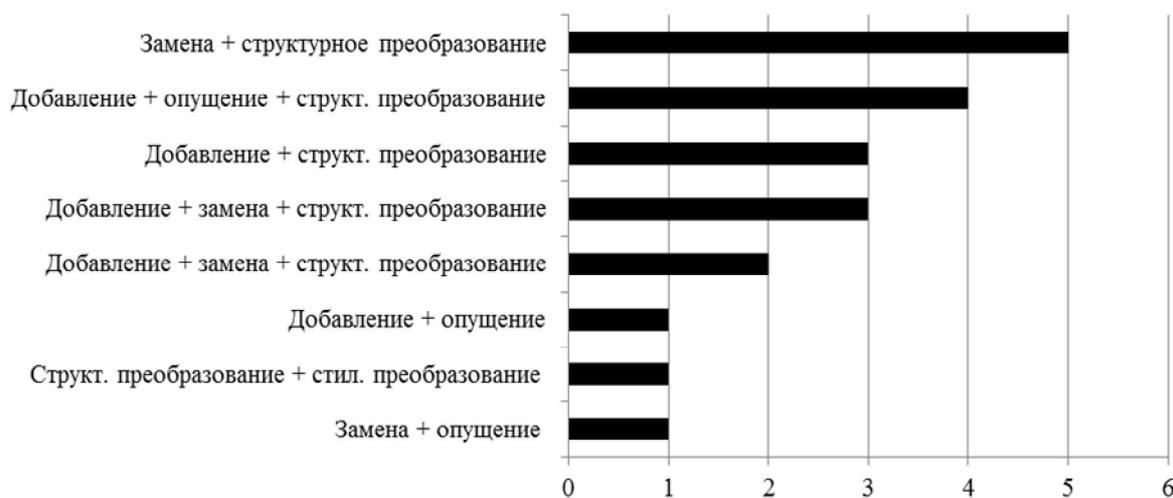

Рис. 2. Типы комбинированных переводческих решений

Наиболее частотны следующие комбинации приемов: замена + структурное преобразование, добавление + опущение + структурное преобразование, добавление + структурное преобразование в сочетании с заменой или без нее и др. Приведем примеры переводческих решений: *Всё сжигает житейская мреть. – Крылы паліць будзёнасці мрэць; Да и ты пойдёшь своей дорогой // Распылять безрадостные дни. – Шлях табе адзін наканаваны: // Распыляць бязрадасныя дні; ... я в сплошном дыму, // В развороченном бурей быте – ...увесь я ў тумане, // Дзе бура звычайнасць зрушыла старую...* В данных случаях при использовании отдельных приемов (добавление, замена) возникают дополнительные смыслы. Так, фраза становится более конкретной благодаря замене местоимения *всё* существительным *крылы*, символически связанным с ощущением свободы. Добавление лексемы (как, например, лексемы *наканаваны*) может усиливать исходный смысл фразы и выражать его более экспрессивно.

При переводе есенинских метафор оригинальные авторские образы переданы в 75 % случаев, а разрушение метафорического образа практически не встречается. В качестве основных приемов перевода используются полный перевод и такие трансформации, как замена, структурное преобразование и добавление, причем добавление у Р. Бородулина служит конкретизации состояния лирического героя на основе интерпретации переводчиком текста оригинала. При переводе метафоры Р. Бородулин часто использовал сочетание приемов в одном переводческом решении (прежде всего, замены, структурного преобразования, добавления либо опущения в различных комбинациях). Кроме того, приемы добавления, опущения и структурного преобразования во многом способствуют сохранению ритма и рифмы поэтического текста. Таким образом, выбранные приемы перевода дополняют друг друга и в определенной мере компенсируют смысловые потери, связанные с преобразованием оригинального текста, отражая поиск переводчиком оптимального способа передачи авторской метафоры с учетом стремления к сохранению черт индивидуально-авторского стиля русского поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скорыходов, М. В.* Смерть Есенина как культурологический феномен / М. В. Скорыходов // Вестн. НГУ. – 2009. – № 54. – С. 73–76.
2. *Мухаревский, М.* Белорусские поэты о Сергее Есенине [Электронный ресурс] / М. Мухаревский // Проза.ру. – Режим доступа : <https://www.proza.ru>. – Дата доступа : 09.09.2019.
3. *Макарова, Л. С.* Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Л. С. Макарова ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2005. – 39 с.
4. *Есенин, С.* Стихи [Электронный ресурс] / С. Есенин // РуСтих : Стихи классиков. – Режим доступа : <https://rustih.ru/sergej-esenin>. – Дата доступа : 01.09.2019.
5. *Ясенін, С.* Выбранае : Вершы і паэмы / С. Ясенін. – Мінск. : Маст. літ., 1976. – 207 с.
6. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
7. *Латышев, Л. К.* Технология перевода / Л. К. Латышев. – М. : Академия, 2005. – 320 с.
8. *Архипов, А. Ф.* Самоучитель перевода с немецкого языка на русский / А. Ф. Архипов. – М. : Высш. шк., 1991. – 255 с.
9. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Режим доступа : <http://www.ozhegov.org>. – Дата доступа : 09.09.2019.

The paper deals with the techniques of translation of the Russian metaphors into the Belarusian language. The strategies of metaphorical image rendering in the language of translation are defined, the main techniques of the author's metaphors translation and some patterns of their usage by R. Baradulin in the translation of the poems by S. Esenin are determined.

Поступила в редакцию 02.10.2019

Е. В. Хомцова

МОДЕЛИ КОГНИТИВНОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ НА БАЗЕ ОБЛАСТИ-ИСТОЧНИКА «ПРЕДМЕТ БЫТА»

В данной статье рассматривается один из способов репрезентации концепта «предмет быта» посредством исследования языковой семантики, ее развития, семантических переносов в русском, белорусском и английском языках. Дается описание метафорических моделей, выделенных на базе области-источника «Предмет быта». Выделены целевые фреймы, составляющие данные модели, а также приведены количественные результаты исследования, которые отражают частотность употребления этих моделей в русском, белорусском и английском языках.

Современное понимание роли метафоры в познании окружающей действительности и отражении его результатов в языке состоит в том, что она выступает креативным когнитивным механизмом, позволяющим обнаруживать сходство между различными предметами и явлениями вследствие применения знаний и опыта, приобретенных в одной области, для решения проблем в другой области.

Концептуальная метафора – это базовая ментальная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмыслять объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях), получающая выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений.

В данной главе проведен анализ лексических единиц, отобранных нами в процессе исследования и классифицированных по следующим лексико-семантическим группам [ЛСГ]: «Мебель и предметы интерьера», «Кухонные принадлежности», «Обувь», «Одежда», «Головные уборы». В качестве области-источника выступает концепт «предмет быта». При проведении анализа отобранного материала было установлено, что метафорический перенос из области-источника «Предмет быта» осуществляется в следующие области-цели: 1) «Артефакт»; 2) «Природа»; 3) «Человек»; 4) «Животное»; 5) «Действие».

Концептуальная метафора – один из важнейших когнитивных механизмов, основанный на установлении связей между концептами (концептуальными структурами), относящимися к разным областям знания (доменам). Метафора – это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [1, с. 5].

Из теории концептуальной метафоры следует, что метафора основана на взаимодействии двух концептуальных зон – области-источника (в нашем исследовании – предмет быта) и области-цели и заключается в проекции (mapping) элементов структуры одной области на структуру другой [1, с. 9].

В процессе исследования на материале трех языков были выделены следующие устойчивые метафорические когнитивные модели, по которым предметно-бытовая лексика развивает переносные значения: ПРЕДМЕТ БЫТА → АРТЕФАКТ, ПРЕДМЕТ БЫТА → ПРИРОДА, ПРЕДМЕТ БЫТА → ЧЕЛОВЕК, ПРЕДМЕТ БЫТА → ЖИВОТНОЕ, ПРЕДМЕТ БЫТА → ДЕЙСТВИЕ. Также были выделены единичные семантические переносы, не образующие устойчивых когнитивных моделей.

Лексические единицы были отобраны путем сплошной выборки из «Иллюстрированного тематического словаря русского языка» (1989) под ред. Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасановой. Для определения лексических значений отобранных единиц использовались: Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова (Москва, 2000), «Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners» (5-е изд., Лондон, 2009), а также толковые словари белорусского языка: «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» ў пяці тамах (1978–1984) и «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (больш за 65 000 слоў, 2016). Данные словари являются наиболее представительными, содержат в своем составе достаточный объем языковых единиц, отражают нормы современного словоупотребления.

В данном исследовании все отобранные лексические единицы были рассмотрены «тройками», в русском, белорусском и английском языках соответственно (94 л.е. в каждом языке). Всего было проанализировано 115 семантических переносов в русском языке, 70 – в белорусском языке, 151 – в английском языке. Данные модели, распространенные в трех языках, указывают на когнитивные закономерности: связь концептосфер и устойчивые когнитивные модели. Далее более подробно рассмотрим каждую модель.

Наиболее продуктивной метафорической моделью явилась модель ПРЕДМЕТ БЫТА → АРТЕФАКТ, которая охватила 121 семантический перенос на материале трех языков. В рамках данной модели все семантические переносы были разделены на две группы: метафорический перенос по функции и перенос по сходству. Таким образом, область-цель в данной метафорической модели представлена следующими семантическими переносами:

перенос по сходству:

Веник (пренебр.) – О плохом букете (безвкусно подобранном, увядшем и т.п.). *Зачем тебе этот веник?*

Вилка – название различных устройств, приспособлений с раздвоенным концом. *Штепсельная вилка.*

Каўпак – крышка над чем-н. округлой или конусообразной формы. *Каўпак для лампы.*

Рукаў – труба или кишка для отвода жидкостей, газов, сыпучих тел.
Пажарны рукаў.

Fork/вилка – раздвоенная деталь, инструмент или часть оборудования.

Sleeve/рукав – трубчатая часть (например, полый мост или втулка), предназначенная для установки поверх другой части.

перенос по функции:

Нож – режущая часть производственных орудий, инструментов, машин.
Бульдозерный нож.

Свеча (техн.) – приспособление для воспламенения горючей смеси в двигателе внутреннего сгорания. *Свеча зажигания. Проверить свечи.*

Падушка – специальный термин. Название подложек в основе механизмов, сооружений, которые смягчают толчки, гасят вибрацию, предохраняют от давления. *Падушка падмурка.*

Knife/нож – острый режущий диск или инструмент в машине.

Метафорическая модель ПРЕДМЕТ БЫТА → ПРИРОДА на материале трех языков представлена в основном семантическими переносами (60).

Воронка – яма, образованная разрывом артиллерийского снаряда, мины, бомбы. *Земля изрыта воронками.*

Ковш (мор.) – округлая по форме бухта; искусственное прибрежное углубление в портах с причалами для судов. *Катер медленно выходил из ковша.*

Карона – светлый ореол вокруг Солнца, видимый во время солнечного затмения. *Солнечная карона.*

Candle/свеча – тонкий, прямой вертикальный побег, формирующийся на сосне весной.

В плане эмоционально-экспрессивной окрашенности все переносные значения можно разделить на две группы: нейтральную, не обладающую коннотативными значениями, и экспрессивно-окрашенную. Внутри модели ПРЕДМЕТ БЫТА→ЧЕЛОВЕК семантические переносы были разделены во всех языках на 3 группы: значения с положительной коннотацией, с отрицательной коннотацией и нейтральные значения. Распределение лексических единиц по данным группам осуществлялось на основе помет лексическим значениям в современных толковых словарях, которые отражают функционально-стилистическое расслоение лексики. Эти очевидные знания подтверждаются данными языковых корпусов. Всего данная модель на материале трех языков представлена 37 семантическими переносами.

Примеры с отрицательной коннотацией:

Бочка (разг.-сниж.) – о чрезвычайно полном человеке.

Вешалка (грубо.) – о немолодой женщине. *Старая вешалка.*

Лапаць (разг. слово, презрительное.) – об отсталом, некультурном человеке.

Примеры нейтральных значений:

Портрет – (разг.) о том, кто очень походит на кого-либо. *Сын – портрет отца.*

Шырма (перенос. знач.) – тот, кто служит для прикрытия истинных целей, дел, намерений и под. *Дзе бог, там і распуста, / Пад крыльцам божым бруд ямчэй хаваць. / Святошы ўмеюць шырму святасці саткаць / Даволі густа.*

Dish/блюдо – привлекательный или сексуальный человек.

Переносы с положительной оценочной семантикой в данной модели не были выделены.

Метафорическая модель ПРЕДМЕТ БЫТА → ЖИВОТНОЕ во многих случаях представлена в русском, белорусском и английском языках семантическими переносами (36).

Рубашка – цвет шерсти, масть (о животных). *Пятнистая рубашка.*

Шуба – верхний покров некоторых животных. *А як сонца зірне, / Я [завёрка] скачу на сасне. / Цёпла ў шубе маёй / І суровай зімой.*

Rocket – внешняя сумка у сумчатых животных.

Метафорическая модель ПРЕДМЕТ БЫТА → ДЕЙСТВИЕ представлена 15 семантическими переносами на материале трех языков.

Штопор (авиа.) – падение самолета по крутой спирали с одновременным вращением. *Ураган перевел машину в штопор.*

Свечка (обычно с глаголами *дать, сделать*) – вертикальный подъем, взлет вверх (мяча, самолета и др.). *Футбаліст даў свечку.*

Collar – акт задержания: арест, захват.

Fork – деление на ветви.

Также были выделены единичные семантические переносы, не образующие устойчивых когнитивных моделей: 22 – в русском языке, 10 – в белорусском и 35 – в английском языке. Их единичность доказывает, что такая модель в когнитивной системе отсутствует, поскольку только в случае, если транспозиция, перенос, имеет множественные реализации, то можно говорить об устойчивой когнитивной модели, о связи между концептуальной областью-источником и областью-целью.

Очевидно, что во всех рассматриваемых языках есть и сходные, и различные семантические транспозиции на базе семантики 'предмет быта'. В русском и белорусском языках как (близкородственных) сходств больше: из 94 проанализированных русско-белорусских пар слов было выявлено 50 сходных семантических переносов, из них 40 являются дословными совпадениями, например, *нож/нож, подушка/падушка, рубашка/рубашка.*

Между английским и русским, английским и белорусским языками очевидным образом различий больше, а сходств меньше. Однако существуют определенные сходства анализируемых лексических значений в данных языках. Все слова анализировались «тройками»: в русском, белорусском и английском языке. Из 94 проанализированных русских, белорусских и английских троек слов было выявлено 15 троек, имеющих одинаковые или очень близкие лексические значения, которые содержат перенос из сферы-источника «Предмет быта» в сферы-мишени (сферы-магниты) «Человек»,

«Артефакт», «Животное», «Природа», «Действие», а также были выделены 3 русско-английских пары слов. Кроме того, подобные совпадения были обнаружены и среди единичных семантических переносов. Приведем несколько примеров, подтверждающих данный вывод:

Mantle/мантия – мягкая внешняя стенка тела, которая покрывает оболочку моллюска или ракушки;

Мантия – складка кожи у некоторых беспозвоночных животных, охватывающая тело. *Мантия медузы*;

Мантыя (специальный термин) – две складки кожи, которые свешиваются справа и слева вниз со спины некоторых беспозвоночных животных.

Spur/шпора – жесткий острый шип (как на крыльях или ногах птицы или насекомого), особенно на ноге петуха;

Шпора – роговой заостренный выступ на ногах у некоторых птиц, преимущественно самцов, служащий для защиты и нападения.

Шпора – твердый заостренный роговой выступ на ногах самцов некоторых птиц, который служит им оружием при защите или нападении. [Певень] быў маладзец у поўным сэнсе гэтага слова – плечы і крылы яго адлівалі золатам, а на нагах красаваліся шпоры.

Sheet/простыня – обычно прямоугольный лист бумаги, особенно для печати.

Простыня – длинный пространственный лист бумаги. *Газетная простыня (разворот газеты)*.

Подобные тройки слов распределились в соответствии с выделенными моделями следующим образом:

ПРЕДМЕТ БЫТА → ЧЕЛОВЕК – совпадений в трех языках одновременно выявлено не было, совпадения встречаются только относительно русско-белорусских пар слов, большая часть из которых являются дословными совпадениями: *тряпка/ануча*, *котелок/кацялок*, *лапоть/лапаць*, *портрет/партрэт*, *ширма/шырма* (из 5 случаев – 4 пары дословных совпадений);

ПРЕДМЕТ БЫТА → АРТЕФАКТ – 5 троек: *sap/колпак/каўпак*, *knife/нож/нож*, *apron/фартук/фартух*, *candle/свеча/свечка*, *plate/тарелка/талерка*, *sleeve/рукав/рукаў*;

3 русско-английских пары слов: *shutter/шторка*, *fork/вилка*, *sheet/простыня*.

ПРЕДМЕТ БЫТА → ПРИРОДА – 4 тройки слов: *belt/пояс/пояс*, *sap/шанка/шанка*, *carpet/ковер/диван*, *mantle/мантия/мантыя*;

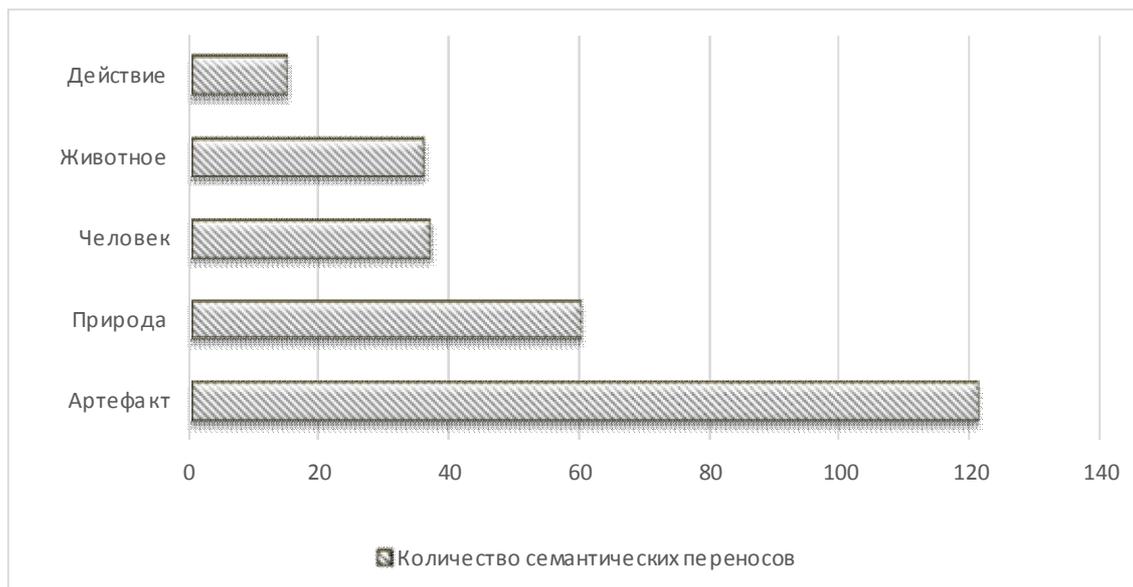
3 русско-английских пары слов: *scoop/ковш*, *table/стол*, *tunic/туника*.

ПРЕДМЕТ БЫТА → ЖИВОТНОЕ – 2 тройки слов: *mantle/мантия/мантыя*, *stockings/чулки/панчохи*, *spur/шпора/шпора*;

ПРЕДМЕТ БЫТА → ДЕЙСТВИЕ – 1 тройка слов: *meat grinder/мясорубка/мясарубка*;

Единичные семантические переносы – 3 тройки слов: *mirror/зеркало/люстра*, *screen/ширма/шырма*, *portrait/портрет/партрэт*.

Полученные результаты показывают, что значительная часть выявленных пар относится к модели «Предмет быта → Артефакт». Данная закономерность определяется категорией неодушевленности, которая характеризует в данном случае как область-источник, так и область-цель. Более наглядно полученные результаты отражены на рисунке.

Количество семантических переносов

Деление семантических переносов в рамках модели ПРЕДМЕТ БЫТА → ЧЕЛОВЕК на группы с точки зрения эмоционально-экспрессивной окрашенности (значения с отрицательной или положительной коннотацией и нейтральные значения) позволяет сделать следующий вывод: преобладают переносы с отрицательной оценочной семантикой (15 семантических переносов). Переносы с положительной оценочной семантикой в данной модели отсутствуют, что позволяет сделать вывод о том, что лексемы с отрицательными семантическими оттенками встречаются гораздо чаще, чем с позитивными. Данное явление представляет собой лингвистическую универсалию, т.е. проявляется в лексических единицах всех известных человеческих языков, в устойчивых словосочетаниях, а также текстах.

Отметим также, что не все соответствующие наименования предметов быта в английском и белорусском языках имеют переносное значение, в связи с этим анализу подлежало разное количество семантических переносов в каждом языке.

Например, *скатерть* – о гладкой, ровной поверхности. *Снежная скатерть равнины*. В то же время аналогичная лексическая единица *абрус* в белорусском языке не имеет переносного значения.

Будильник – монах в монастыре, обязанный будить остальных для ранней или ночной молитвы. Лексема *будзільнік* в белорусском языке не имеет переносного значения.

Покрывало – то, что покрывает, окутывает что-л. *Сквозь пыльное покрывало земли виднеется солнце.* Лексема *Bedsread* в английском языке не имеет переносного значения.

Вешалка – разг. гардероб. *Школьная вешалка.* 5. Грубо. О немолодой женщине. *Старая вешалка.* Лексема *Hanger* в английском языке не имеет переносного значения.

Когнитивные процессы, наблюдаемые посредством изучения фактов языка, на материале конкретного языка реализуются, в частности, в устойчивых моделях семантической деривации. Сопоставление разных языков, обобщение и лексико-семантическая типология позволяют делать выводы о когнитивных процессах, моделях и закономерностях.

ЛІТАРАТУРА

1. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УССР, 2004. – 256 с.

This article deals with the analysis of the concept "household item" by studying language semantics, its development and semantic transfers in Russian, Belarusian and English. Some metaphorical models, selected on the basis of the source domain "household item" are described. The target frames that make up these models are highlighted, and some quantitative results that reflect the frequency of use of these models in Russian, Belarusian and English are presented.

Поступила в редакцию 26.09.2019

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н. В. Ламеко

СЕНСОРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В РОМАНЕ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА
«ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В ЮНОСТИ»

В статье исследуется сенсорная образность в романе ирландского модерниста Джеймса Джойса «Портрет художника в юности». Выявляются основные способы ее создания в тексте (визуальные, вкусовые, звуковые, тактильные и ольфакторные эпитеты; глаголы чувственного восприятия; поливалентность лексем сенсорной семантики; синестезия; персонификация и др.). Доказывается, что сенсорная образность важна для понимания духовной эволюции главного героя Стивена Дедала и специфики его эстетических взглядов.

Роман «Портрет художника в юности» (*A Portrait of the Artist as a Young Man*, 1916) занимает особое место в творческом наследии ирландского модерниста Джеймса Джойса. В этом автобиографическом произведении осмысливаются ключевые события из детства и юности автора. Особое внимание писатель уделяет духовным исканиям Стивена Дедала и трансформации героя из воспитанного в строгом религиозном духе юноши в художника-вольномдумца. Как и в сборнике рассказов «Дублинцы» (*Dubliners*, 1914), Джойс обращается к эпифании, чтобы показать переломный момент в жизни главного героя, его метаморфозу. Получив предложение присоединиться к ордену иезуитов, мечтавший о карьере священника Стивен вдруг понимает, что данный путь не для него, и делает выбор в пользу свободы и творчества. Несмотря на очевидный акцент на сфере духовного, роман изобилует деталями чувственного восприятия. Сенсорная поэтика представлена всеобъемлюще: Джойс вводит в текст зрительные, слуховые, тактильные, ольфакторные и вкусовые образы, помогающие раскрыть специфику мироощущения главного героя, дихотомию души и тела.

Для «Портрета художника в юности» характерен жанровый синтез: в произведении заметны черты философского, психологического романов, романа о художнике (*Künstlerroman*). Богатую сенсорную образность «Портрета» можно объяснить его принадлежностью к жанру романа воспитания (*Bildungsroman*), в котором подробно описаны стадии формирования личности главного героя. Джойс показывает вехи становления Стивена Дедала: маленький ребенок, изучающий окружающий мир, набожный мальчик в католических учебных заведениях, подросток, раскрывающий в себе чувственное начало и переживающий кризис духовности, и, наконец, юный, но уже сформировавшийся человек, решивший посвятить свою жизнь творчеству. Это отражено в структуре текста, состоящего из пяти частей, каждая из которых посвящена важному этапу жизни героя. Детали сенсорного восприятия

преобладают в первых главах произведения, так как речь идет о ребенке, основным способом постижения мира для которого является инстинктивно-чувственный.

Повествование открывается сказкой, которую отец рассказывает маленькому Стивену. Обладавший идеальным слухом Джойс унаследовал любовь к музыке от отца и отразил эту особенность у своего героя. Ребенок не просто следит за историей, он воспринимает ее практически как музыкальное произведение, о чем свидетельствуют ритм, рифмы и звуко-подражание в тексте: *Once upon a time and a very good time it was there was a moocow coming down along the road and this moocow that was coming down along the road met a nicens little boy named baby tuckoo* [1, p. 7] ‘Однажды давным-давно, в старое доброе время, шла по дороге коровушка Му-му, шла и шла и встретила на дороге хорошенького-прехорошенького мальчика, а звали его Бу-бу...’ [2, с. 5]). Кроме того, он слушает песни, которые исполняют родители. Но ребенок не только слышит музыку окружающего мира, его мировосприятие синкретично. На Стивена обрушивается поток разнородных сенсорных впечатлений: он отличает родных по запаху (*his mother had a nicer smell than his father* [1, p. 7] ‘От мамы пахнет приятнее, чем от папы’ [2, с.6]), видит себя со стороны и осознает свою физическую слабость (*he felt his body small and weak amid the throng of players and his eyes were weak and watery* [1, p. 8] ‘Он чувствовал себя маленьким и слабым среди толпы играющих, и глаза у него были слабые и слезились’ [2, с. 7]), чувствует угрозу от соприкосновения с определенными людьми (*and he felt his forehead warm and damp against the prefect’s cold damp hand. That was the way a rat felt, slimy and damp and cold* [1, p. 24] ‘И он почувствовал руку надзирателя на своем лбу и почувствовал, какой горячий и влажный у него лоб под рукой надзирателя. Как будто прикоснулась крыса – скользкая, влажная и холодная’ [2, с. 25–26]) и т.д. Джойс в изобилии использует слова сенсорной семантики (*smell* ‘запах’, *taste* ‘вкус’, *sound* ‘звук’), цветовые (*green* ‘зеленый’, *reddish* ‘красноватый’, *golden* ‘золотой’), вкусовые (*sweet* ‘сладкий’, *sour* ‘кислый’, *bitter* ‘горький’), звуковые (*loud* ‘громкий’, *shrill* ‘пронзительный’), тактильные (*wet* ‘мокрый’, *damp* ‘влажный’), обонятельные (*winy* ‘винный’, *stinking* ‘зловонный’) эпитеты, глаголы чувственного восприятия (*to hear* ‘слышать’, *to feel* ‘чувствовать’, *to see* ‘видеть’) и т.д. Некоторые лексемы поливалентны и передают специфику восприятия чего-либо разными органами чувств. Так, *soft* имеет несколько значений (‘мягкий’, ‘слабый’, ‘нежный’, ‘приглушенный’, ‘спокойный’, ‘легкий’ и др.) и сочетается с разными словами: *soft hiss* ‘слабое шипение’, *soft linen* ‘мягкое белье’, *soft grey sky* ‘тусклое серое небо’, *soft speeches* ‘ласковые речи’. Кроме непосредственной характеристики предметов или явлений, Джойс прибегает к суггестии. Например, слова *velvet* ‘бархат / бархатный’ или *silk* ‘шелк / шелковый’ вызывают ассоциации с определенными тактильными ощущениями.

В третьей и четвертой частях романа Джойс большое внимание уделяет телесности героя, обретающего сексуальный опыт и переживающего вследствие этого сильный внутренний конфликт. Находящийся под влиянием

католической системы ценностей, юноша болезненно воспринимает собственную греховность. Кульминационным моментом становится проповедь священника, живописующего картины Страшного Суда и участи грешников в аду. Пораженный Стивен собственным телом ощущает все то, через что придется пройти отступникам веры: *A wave of fire swept through his body: the first. Again a wave. His brain began to glow. Another. His brain was simmering and bubbling within the cracking tenement of his skull* [1, p. 142] ‘Огненная волна взметнулась и спалила его тело! Одна, другая. Мозг начал раскаляться. Еще волна. Мозг закипает, бурлит в раскалывающейся коробке черепа’ [2, с. 172]. Детально воссоздавая нервное потрясение героя и его муки совести, Джойс передает болевые ощущения Стивена. Автор использует слова *brain* ‘мозг’ и *skull* ‘череп’, акцентируя внимание на физиологическом аспекте страданий юноши. Картина, созданная Джойсом, угрожающе натуралистична, так как психические расстройства нередко провоцируют резкое ухудшение здоровья. В надежде на спасение души Стивен начинает вести себя экстатично и прибегает к практике умерщвления плоти. Ему кажется, что исцелиться возможно, только избавившись от мирских соблазнов и подавив даже простые физические желания. Ригористичность Стивена по отношению к себе не выдерживает испытания лишь в ситуации нравственного выбора, когда приходится решать, хочет ли он стать служителем Бога. Юноша переживает инсайт и понимает, что выбор в пользу собственного «я» для него означает свободу и неподчинение, несовместимые с церковными догмами. Символично, что Джойс описывает это через метафору падения: *He would fall* [1, p. 184] ‘И он падет’ [2, с. 225]. В этих словах можно увидеть не только библейский мотив, но и традиционное представление об утрате невинности как о падении. Стивен осознает, что полноценная жизнь непосредственно связана с созиданием, что у него есть право на ошибки: *To live, to err, to fall, to triumph, to recreate life out of life!* [1, p. 196] ‘Жить, заблуждаться, падать, торжествовать, воссоздавать жизнь из жизни’ [2, с. 238]. А глагол *to recreate* ‘воссоздавать’ в таком контексте можно интерпретировать по-разному: он отсылает к витальным силам человека, а также знаменует потребность в творчестве, материал для которого художник черпает из жизни. Избрав свой путь, главный герой достигает гармонии духовного и телесного начал, так как раскрепощение тела способствует освобождению души.

История Стивена, освободившегося от влияния католицизма и бунтующего против косности и консервативности ирландского общества, получит продолжение в романе «Улисс» (*Ulysses*, 1922). Парадоксально, но в этом произведении автор уделяет меньше внимания телесности юноши, несмотря на явное указание на его интимную жизнь (место действия 15-го эпизода – публичный дом, где окончательно пересекаются пути главных героев романа Стивена Дедала и Леопольда Блума). В «Улиссе» Стивен, в первую очередь, интеллектуал, сосредоточенный на размышлениях о судьбе Ирландии, собственной семье, искусстве. Разрабатывая схемы прочтения своего текста, писатель указал, что первым трем эпизодам не соответствуют органы человеческого тела. Телемак-Стивен не сосредоточен на жизни тела, его

стихия – разум. Об этом красноречиво свидетельствует интеллектуально емкий поток сознания героя, насыщенный аллюзиями на тексты культуры и отсылками к трудам философов разных эпох.

В пятой части «Портрета», раскрывающей эстетические взгляды Стивена и его творческое кредо, доминирует диалог. Уже не ограниченный рамками традиционной ирландской морали и католического воспитания, главный герой ведет полемику, вступает в дискуссию с друзьями, защищает свою систему ценностей. Сенсорные образы в данном случае не имеют принципиального значения, хотя полностью не исчезают из текста. Они важны, так как отражают склонность героя не только к рациональному, но к чувственному постижению окружающей действительности. Он все так же тонко воспринимает игру красок и светотени, слышит музыку рассвета и будто улавливает душу вещей, предметов и природных явлений: *Towards dawn he awoke. O what sweet music! His soul was all dewy wet. Over his limbs in sleep pale cool waves of light had passed. He lay still, as if his soul lay amid cool waters, conscious of faint sweet music. His mind was waking slowly to a tremulous morning knowledge, a morning inspiration. A spirit filled him, pure as the purest water, sweet as dew, moving as music* [1, p. 246–247] ‘На рассвете он проснулся. О, какая сладостная музыка! Душа его была росновлажная. Бледные, прохладные волны света скользили по его спящему телу. Он лежал тихо, а душа его словно покоилась на прохладных волнах, внимая негромкой, сладостной музыке. Рассудок медленно пробуждался, готовясь вобрать в себя трепетное утреннее знание, утреннее вдохновение. Его наполнял дух чистый, как чистойшая вода, сладостный, как роса, стремительный, как музыка’ [2, с. 305]. Возвышенные мысли героя и его тонкое чувство красоты говорят о поэтическом восприятии действительности. Субъективная картина мира Стивена предельно эстетична, радикально отличается от взглядов окружающих его людей, более рационалистичных, приземленных и вместе с тем менее свободных.

Одно из ведущих художественных средств в поэтике романа – синестезия, что заметно и в вышеприведенном фрагменте текста. Как художественный прием, широко использующийся в поэзии (например, символистской), она свидетельствует не только об особенностях психики главного героя, но и о творческом способе постижения мира, креативном потенциале Стивена. Он чувствует связи между звуками, цветами, запахами, вкусами и будто наощупь ощущает нематериальное. Отдельные вещи вызывают у него ассоциации с чем-либо из других сфер. Исследуя феномен синестезии в сфере искусств, М. А. Петров определяет ее как «результат работы подсознания, функционирования «сенсорных» механизмов, способность восприятия и претворения окружающего мира посредством слияния художественных переживаний, ощущений в абстрактное репрезентативное целое» [3, с. 93]. Стивен, с детства погруженный в книжную культуру, к юности накопил много подобных переживаний. В его потоке сознания можно выделить как распространенные синестетические образы (*sweet music* ‘сладкая музыка’), так и оригинальные поэтические (*dewy wet soul* ‘влажно-росистая душа’).

Джойс также использует прием персонификации, демонстрируя, как богатое воображение Стивена наделяет неодушевленные предметы и явления

природы душой. Описания сопровождаются деталями сенсорного характера. В качестве примера можно рассмотреть фразу *the tide was flowing in fast to the land with a low whisper of her waves* [1, p. 197] ‘с тихим шепотом волны прилива быстро приближались к берегу’ [2, с. 240]. Слово *whisper* ‘шепот’ здесь полифункционально. Перенося человеческую характеристику на волны, писатель подчеркивает, что Стивен воспринимает их как живых существ. С другой стороны, это музыкальный образ, передающий степень интенсивности звука. А словосочетание *low whisper* – яркий пример синестезии.

Склонность Стивена к мышлению синестетическими образами важна и для понимания специфики его творческого потенциала. С. В. Конанчук отмечает, что синестезия «проявляется в художественной культуре, прежде всего, как тенденция синтеза и интеграции разных видов искусства, появление в искусстве новых синтетических форм, что приводит к становлению принципиально нового типа культуры» [4, с. 3]. Поскольку главный герой «Портрета» – альтер-эго Джойса, эстетические взгляды Стивена непосредственно отражают специфику творческого мышления его создателя. Ирландский автор – один из выдающихся экспериментаторов в мировой литературе, стремившийся к универсальному осмыслению бытия. Его романы «Улисс» и «Поминки по Финнегану» (*Finnegans Wake*, 1939) открывают читателю уникальный художественный мир, в котором синтез имеет категориальное значение как на уровне философии, так и поэтики текстов. Подтверждением тому являются и концепция личности в произведениях (*Everyman or Noman* ‘Всякий или Никто’ и *Here Comes Everybody* ‘А вот и Всякий’ как символы универсального Человека), и поэтика «выж-женной земли» «Улисса», и синтетический язык «Поминок» на основе морфем из десятков языков мира. У джойсовского героя склонность к универсальному мышлению проявилась еще в детстве. Так, например, Стивен подписывает свой учебник по географии: *Stephen Dedalus / Class of Elements / Clongowes Wood College / Sallins / County Kildare / Ireland / Europe / The World / The Universe* [1, p. 17] ‘Стивен Дедал / Приготовительный класс / Клонгоуз Вуд Колледж / Сэллинз / Графство Килдер / Ирландия / Европа / Земля / Вселенная’ [2, с. 17]. Ребенок осознает себя частью огромного пространства, изучению и художественному осмыслению которого он посвятит свою жизнь.

В пятой части романа Джойс показывает погруженного в творческий процесс Стивена, сочиняющего стихи. Импульсом к созиданию служит вспышка вдохновения, а затем следует напряженная работа мысли. Финальный вариант появляется, когда молодой человек чувствует жар желания и видит в воображении возлюбленную, также охваченную страстью. Неудивительно, что в произведении поэта есть сенсорные образы: *your eyes have set man's heart ablaze* [1, p. 254] ‘Сердце сторает в твоих очах’ [2, с. 314]; *and still you hold our longing gaze with languorous look and lavish limb* [1, p. 254] ‘Но все ты стоишь в истомленных очах, и томный твой взор манит за собой’ [2, с. 314]. Поэтика текста Стивена синтетична, так как в нем присутствуют явные отсылки к религиозной традиции. Несмотря на то, что молодой человек порывает с прошлым, богатая культура, в рамках которой он формировался, накладывает на него отпечаток. Это находит отражение и в его способе мышления, и в речи, и в индивидуальной художественной манере.

Помимо фантазии для Стивена важны воспоминания и впечатления, в которых сильна сенсорная составляющая. Зачастую человек запоминает что-либо благодаря острым ощущениям, которые испытывал в определенный момент. Они воскресают в сознании, когда вспоминается какое-то событие. С точки зрения художественного метода вкрапление в повествование подобных элементов роднит поэтику Джойса с искусством импрессионизма, главным для которого было передать впечатление. Это заметно не только в «Портрете», но и в более ранних произведениях автора – в поэтическом сборнике «Камерная музыка» (*Chamber Music*, 1907) и в «Дублинцах». Параллели с искусством рубежа XIX–XX вв. вообще значимы в романе Джойса. Так, часть запоминающихся образов создана на основе сочетания материального и нематериального, что напоминает тезис из «Манифеста символизма» Жана Мореаса о том, что поэзия стремится облечь Идею в осязаемую форму. В своем сознании Стивен визуализирует нематериальное: *In the virgin womb of imagination the word was made flesh* [1, p. 247] ‘В девственном лоне воображения Слово обретает плоть’ [2, с. 305–306], *I desire to press in my arms the loveliness which has not yet come into this world* [1, p. 286] ‘Я хочу сжимать в объятиях красоту, которая еще не пришла в мир’ [2, с. 355]. Как творческий человек и медиум между земной реальностью и пространством чистого искусства, он видит гораздо больше, чем непосвященные.

Таким образом, сенсорная образность является одной из важнейших черт поэтики романа Джеймса Джойса «Портрет художника в юности». Она помогает раскрыть эволюцию Стивена Дедала, показать становление его личности. Мышление синестетическими образами и склонность к масштабному, универсальному осмыслению бытия, синтез чувствительности и интеллекта раскрывают особенности эстетической системы главного героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Joyce, J. A Portrait of the Artist as a Young Man* / J. Joyce. – London : Penguin, 1996. – 288 p.
2. *Джойс, Дж. Портрет художника в юности* / Дж. Джойс; перевод с англ. М. Богословской. – СПб. : Азбука, 2000. – 378 с.
3. *Петров, М. А. Симультанность в искусстве. Культурные смыслы и парадоксы* / М. А. Петров. – М. : Индрик, 2010. – 176 с.
4. *Конанчук, С. В. Проблема синестезии и синтез искусств в современной эстетике: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.04* / С. В. Конанчук; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2014. – 24 с.

The article deals with the sensory imagery in *A Portrait of the Artist as a Young Man* by James Joyce. Special attention is paid to different ways of its creation in a literary text (epithets related to sight, taste, sound, touch and smell; verbs of perception; polyvalence of sensory lexemes; synesthesia; personification, etc.). Sensory imagery is an important means of revealing the protagonist's spiritual evolution and aesthetic theory.

Поступила в редакцию 08.10.2019

НАШИ АВТОРЫ

Ахраменко Любовь Сергеевна – аспирант кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ, преподаватель кафедры английского языка экономических специальностей БГУ. Тел. (+37529) 647-58-02.

Будникова Елена Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка (английский) МГЛУ. Тел. 284-82-54.

Губкина Виктория Валерьевна – студент факультета межкультурных коммуникаций МГЛУ. Тел. (+37529) 587-28-21.

Жигалко Екатерина Викторовна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Кахновіч Надзея Аляксандраўна – ст. выкладчык кафедры тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства філалагічнага факультэта БДУ. Тэл. (+37525) 939-07-14.

Кирикова Анна Васильевна – выпускница МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Ключенович Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода № 2 МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Кохнович Татьяна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Ламеко Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы БГУ. Тел. 327-12-94.

Лебедевич Роксана Викторовна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Маюк Елена Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. (+37529) 604-37-50.

Мороз Кристина Игоревна – выпускница МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Симакова Марина Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Соловей Алексей Анатольевич – аспирант кафедры белорусского языка и литературы МГЛУ. Тел. (+37529) 275-95-25.

Сытько Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Тригук Марина Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных граждан МГЛУ. Тел. 284-42-90.

Тупик Дмитрий Игоревич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии французского языка, декан факультета межкультурных коммуникаций МГЛУ. Тел. 294-75-74.

Хомцова Екатерина Валерьевна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Тел. (+37533) 613-24-73.

Цівунчык Ірына Канстанцінаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры замежных моў Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. Я. Купалы. Тэл. (+37529) 781-54-74.

Чайка Наталля Уладзіміраўна – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка. Тэл. (+37529) 373-95-29.

Яскевич Виталий Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 5 (102), 2019

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, В. М. Василевская,
О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 29.08.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 7,67. Уч.-изд. л. 8,36. Тираж 100 экз. Заказ 50.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172